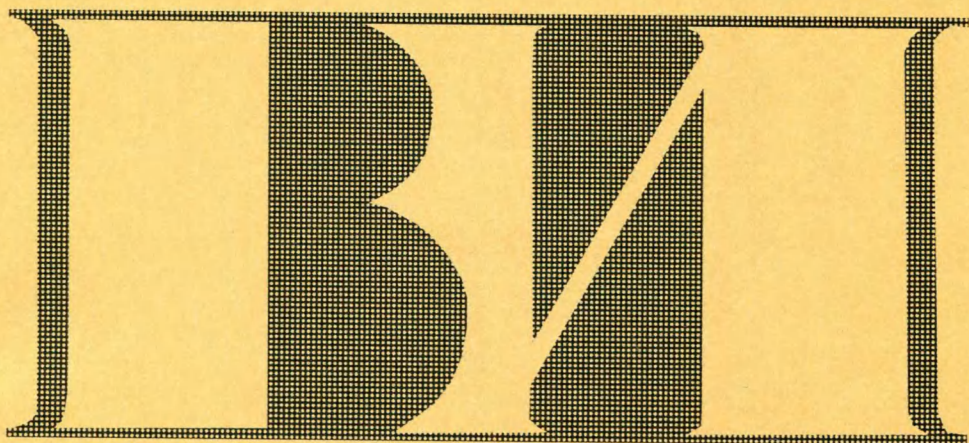

ISSN 0042-8779

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11

2015

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11/2015 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Н.А. Соболева — К истории украинского «тризуба» 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

И.М. Захарова — Антон Константинович Псаро 19

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

С.А. Нефёдов — Как готовили революцию 1905 г. 34

СООБЩЕНИЯ

К.А. Степанов — Ростовский комитет помощи беженцам
в годы первой мировой войны 56

Сечжин Чжун — Государственное устройство и полити-
ческая система имамата Шамиля 76

С.И. Кушнир — Французская пресса в «банкетной кам-
пании» 1847 г. 84

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Д.П. Урсу — Португалия и «схватка за Африку» 97

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

В.Б. Перхавко — Антипод Кузьмы Минина 116

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

В.А. Погадаев — Ахмад Бустаман и Народная партия Малайи	124
---	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Е.В. Воейков — Женский труд в лесной промышленности Среднего Поволжья в 1930-е гг.	133
---	-----

А.Г. Тепляков — Чекисты Крыма в начале 1920-х гг.	139
---	-----

А.В. Захаров — Пополнение знаний о Новом Свете при Петре I	146
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

В.С. Румянцева — Патриарх Никон и проблема церков- ного землевладения в России в XVII в.	154
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

С.С. Акимов — А.Ю. Каптиков, Д.В. Богданова. Архитек- тура старых Нидерландов. Церкви. Замки. Городские укрепления. Площади. Торговые ряды. Беффруа. Рату- ши. Здания гильдий. Дворцы. Дома	159
---	-----

В.В. Романов — Т.В. Алентьева, М.А. Филимонова. Ре- форматоры, неконформисты, диссиденты в США от Войны за независимость до Гражданской войны	161
--	-----

А.Е. Лукьянов — Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шуцзин») и «Малого предисло- вия» («Шу сюй»)	163
---	-----

О.Г. Радькова — М.В. Стрелец. Евреи Германии: история и современность	168
---	-----

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В.В. Носков — Странные претензии	173
---	-----

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

К истории украинского «тризуба»

Н.А. Соболева

Данная статья посвящена вопросу об исторических корнях современного герба Украины — так называемого трезубца («тризуба»).

Поводом к ее написанию послужили два историографических феномена последнего времени: статья научного сотрудника Гуманитарного центра истории и культуры Центральной и Восточной Европы в Лейпциге Вильфрида Йильге «Эксклюзия или инклюзия? Политика в области историографии и государственная символика в Украине» и только что вышедшая энциклопедия «Древняя Русь в средневековом мире». Статья доктора Йильге помещена в отдельном выпуске журнала «Восточная Европа», посвященном 70-летию немецкого историка и автора солидного библиографического труда «Государственная идея и государственная символика в Восточной Европе в XX в.» Ганса Лемберга¹. Ряд авторов из разных стран проявили интерес к исследованию знаков власти европейских государств, которые обрели «широкую демократию» (*Massen-demokratie*) в 1989—1991 годах. По их мнению, вновь созданные самостоятельные государства могут легитимизироваться через традицию, которая находит отражение в державной символике. К подобным странам, по мнению Йильге, относится и Украина.

В энциклопедическом издании «Древняя Русь в средневековом мире»², в составлении которого принимали участие многие ученые России, Украины и Беларуси, имеется несколько статей, в которых фигурирует трезубец.

В статьях энциклопедического издания и в статье Йильге трезубец предстает перед читателем как знак идентичности — в одном случае — древнерусской, в другом — украинской, то есть на первый план выступает его социальная значимость. Ключевым элементом идентичности является картина национального прошлого, которая в

Соболева Надежда Александровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

силу процессов глобализации и интеграции в современном мире находится в постоянном изменении и может становиться объектом манипулирования и направленного конструирования.

Раскрывая историю принятия в Украине в 1991—1992 гг. новых государственных символов, Йильге ссылается на труды, которые, к сожалению, в основном недоступны, однако ряд работ украинских исследователей, обращавшихся к истории трезубца, мне удалось прочитать. Автор чрезвычайно высоко оценивает роль Андрея Гречило — создателя и председателя основанного в 1990 г. украинского геральдического общества во Львове, который разработал концепцию Малого Государственного герба Украины, принятую специальной Комиссией украинского парламента 19 февраля 1992 года. Композиция Гречило состоит из золотого трезубца, помещенного на голубом поле (щита). При создании данной эмблемы Гречило ориентировался на утвержденный в 1918 г. Центральной Радой герб Украинской Народной Республики (УНР), позиционировавшей себя как «особое национально-культурное и политическое сообщество»³, для которого общегосударственная символика являлась необходимым компонентом идентичности. Скрупулезное исследование Гречило, посвященное становлению украинских государственных символов в 1917—1920 гг.⁴, раскрывает противоречивую картину выбора и интерпретации цветовой и графической символики герба и флага в период существования УНР.

В литературе отмечается большая роль в создании в указанное время герба Украины патриарха украинской исторической науки М. Грушевского, который обратил внимание на трезубец, изображенный на монетах Владимира Святого, отметив, что значение этой геральдической фигуры не разгадано, но она повторяется и на других предметах того времени, в частности, на кирпичах Десятинной церкви⁵. Как доказательство древности трезубца, вошедшего в герб современной Украины, многие ссылаются также на данные, содержащиеся в работах К. Болсуновского, опубликованных в конце XIX — начале XX века. Болсуновский увидел в трезубце знак, перешедший позднее в «герб Рюриковичей». Таким образом, трезубец можно считать прототипом последнего. Этот знак — монограмма греческого слова «басилевс», обозначающего титул правителя. Данным титулом обладали все восточные монархи. Знак трезубец, полученный, по мнению Болсуновского, из Византии, состоял из букв греческого алфавита, составлявших написание титула монарха. Титул перешел к наследникам князя Владимира (Святополу, Ярославу), чеканившим монеты, а после добавления к фигуре «тризуба» креста и полумесяца он и стал гербом «Рюриковичей»⁶.

С начала 90-х гг. прошлого века, когда Украина была поставлена перед выбором государственных символов, согласно ее новому статусу самостоятельного государства, значительно увеличилось количество работ, посвященных «тризубу», его историческому прошлому. Украинские историки обратились к работам предшественников, прежде всего Грушевского, который уже в начале 1917 г. опубликовал в прессе несколько статей по поводу герба Украины, позитивно оценив «знак неясного значения, шось врод тризубца», помещенный на монетах периода Киевской Руси. Однако позднее он написал, что новая Украина должна иметь свой отличительный

знак, и предложил в качестве такового золотой плуг на синем поле как символ «мирного труда в новой Украине» с тем, чтобы этот знак занял место на щите с историческими гербами страны ⁷. В качестве щитодержателей Грушевский предложил женщину с серпом и мужчине с молотом — «символы трудового народа».

Споры относительно главной эмблемы украинского герба не завершились и после его утверждения Советом министров 25 февраля (12 по ст. ст.) 1918 года. В постановлении было записано: «Внести в Раду закон об установлении для Украинского государства принятого морским флотом герба Владимира Великого без креста». В некоторых проектах крест венчал трезубец. В тот же день Малая рада постановила: «Гербом Укра нсько Народно Республ ки принимается знак Ки всько Держави час в (времени. — Н.С.) Владимира Святого» ⁸.

Буквально через год его сменил герб Советской Украины с серпом и молотом, однако, по мнению многих историков, особенно украинских, только трезубец символизировал государственность их земель. Не случайно «Тризубом» назывался политический журнал украинской эмиграции, издававшийся в 20-е гг. XX в. в Париже, на страницах которого была изложена одна из последних версий исторической значимости загадочной фигуры, обозначенной еще в начале XIX в. Н.М. Карамзиным как «знак, подобный трезубцу» ⁹.

В 20-е — 30-е гг. XX в. в научной литературе окончательно утвердился взгляд на трезубец как на «родовое знамя Владимира». Выдающийся российский ученый академик Н.П. Лихачёв, делая обзор отечественной и зарубежной литературы о «загадочной фигуре» первых русских монет, написал в конце 1920-х гг.: «Мы видим, что теория родового знака совершенно упрочилась, разнообразны только толкования его происхождения» ¹⁰. С ним соглашался барон М.А. Таубе, бывший профессор Санкт-Петербургского университета, к этому времени находившийся в эмиграции и занимавший должность сотрудника Института международного права в Гааге, который полагал, что к концу 1930-х гг. окончательно прояснилось значение (*in genere*) «загадочного знака» как родового знака Рюриковичей, однако его изображение (*in specie*) все еще оставалось для исследователей неясным. Таубе насчитал не менее 40 ученых, которые давали различные толкования трезубца. Сам Таубе считал, что знак *in specie* не представляет собой никакого предмета реального мира, однако склонялся к мысли о его скандинавских корнях ¹¹. С ним не был согласен киевский историк О. Пастернак, который, ознакомившись с ранними публикациями Таубе, в 1934 г. издал брошюру «Пояснения тризуба» ¹², где на основании собственного анализа контактов Украины с греками, римлянами, кельтами «раскрыл загадку» происхождения и значения «тризуба на Украине как государственного герба, национального знака и религиозного символа». В результате Пастернаком был сделан вывод, что, по свидетельству источников, киевский трезубец происходит с юга, а не с севера, как считал Таубе. На юге он появился еще до н.э., а в X в. пришел в Киев, куда князь принес с собой свой родовый герб. С юга этот герб «дорогой цивилизации» попал в Киев, а затем дальше на север — до Швеции ¹³.

Выдающийся нумизмат А.В. Орешников, хотя и не акцентировал внимание на «предметности» знака Рюриковичей, неоднократно

высказывался в пользу его местного, то есть автохтонного происхождения¹⁴. Некоторые исследователи исторических корней Древней Руси, а также просто любители этой тематики с пиететом относятся к мнению, высказанному советским историком О.М. Раповым, увидевшим в «загадочном знаке», помещенном на первых русских монетах (златниках и сребрениках), пикирующего сокола. Автор считал, что тот факт, что князья из дома Рюриковичей называются былинными «соколами», говорит за то, что «сокол был эмблемой, гербом рода, возглавлявшего феодальную верхушку Киевской Руси»¹⁵. Однако кажется странным, что сокол, в отличие от других деталей композиции монетного изображения, вполне реальных (фигура усатого князя, нимб над его головой, крест в правой руке, трон, например, на сребрениках Владимира Святославича и т.д.), изображен в стиле «поп-арт», хотя в Древней Руси известны вполне реальные изображения сокола и формы для его отливки. Например, такая форма середины X в. найдена при раскопках городища Старой Ладogi в 2008 году¹⁶.

Основоположниками изучения «знака Рюриковичей» явились археологи, нумизматы, специалисты по сфрагистике. Предметом их исследования были, прежде всего, вещественные памятники, а основным методом их изучения — сравнительный анализ. Через четыре года после публикации книги Орешникова «Денежные знаки домонгольской Руси» появилась большая статья будущего академика Б.А. Рыбакова, посвященная княжеским знакам собственности¹⁷. Рыбаков предложил новую классификацию (по сравнению с нумизматами) княжеских знаков, обозначив их территориальные и хронологические рамки. В результате была восстановлена картина их широкого применения в политической и хозяйственной деятельности князей с X до первой половины XIII века.

Исследование знаков Рюриковичей было продолжено рядом российских археологов, прежде всего В.Л. Яниным¹⁸. Практически все они (А.В. Куза, А.А. Молчанов, Т.Н. Макарова и др.) или вносили поправки в первоначальную классификацию знаков, прослеживая изменение их структуры, или досконально анализировали сферу их применения в Древней Руси.

Большинство современных украинских ученых соглашаются с российскими коллегами в оценках трезубца как лично-родового знака, знака собственности князя и его рода, династии¹⁹ (вариант: первоначально возникли как родовые знаки, а затем превратились в знаки власти). Однако явно прослеживается и тенденция представить трезубец изначально «державным» символом. Например, в работе В. Сичинского о символах Украины подчеркивается, что старейшим гербом на территории Украины, который исполнял роль государственного («знака национальной державы») с древнейших времен (с X в.), являлся «тризуб». Автор упрекает советских исследователей, которые старались сузить значение трезубца, представить его как «личный» знак князей или княжеских родов.

Автор, как и многие его предшественники, относит происхождение трезубца к античности, считая его элементом образа древнегреческого бога Посейдона, изображенного на понтийских монетах, известных в греческих колониях Северного Причерноморья²⁰.

Целый ряд ученых допускает возможность заимствования начертаний, аналогичных трезубцу, у знаков Северного Причерноморья. Рыбаков, например, отмечает близость как по форме, так и по существу знаков Приднепровья и боспорских царских знаков, охарактеризовав этот феномен как «два параллельные по смыслу явления, разделенные семью столетиями». «Генетической связи, за отсутствием промежуточных элементов, наметить нельзя, — пишет далее ученый, — а семантическая налицо. И там и здесь эти знаки являются принадлежностью правящего рода, династии, и там и здесь они видоизменяются, сохраняя общую схему...»²¹

Ведущая роль символов «украинского Причерноморья» в формировании генезиса «тризуба» прочно отложилась в умах украинских исследователей, особенно после публикации работ украинского автора В.С. Драчука «Системы знаков Северного Причерноморья» (Киев. 1975) и «Рассказывает геральдика» (М. 1977). Последняя вносит особую лепту в «формирование истоков» «тризуба».

Ориентация на отправную точку «произрастания» трезубца с черноморского побережья и утверждения его в качестве герба Киева «переориентировала» сознание украинцев на переосмысление этого знака как символа специфической украинской средневековой государственности. Появившиеся на страницах книг высказывания о трезубце как этно-национальном украинском символе базировались на заключениях «толкователей» происхождения знака из античных цивилизаций Северного Причерноморья. Один из них пишет (перевод): «Генетически украинский трезубец ведет свое начало из Греции — из страны, где в старые времена более всего было развито искусство, наука, всякое ремесло. И Украина быстрее, нежели другие страны не только Центральной, но даже Западной Европы имела возможность черпать свои знания из первоисточника наибольшего в европейской науке и искусстве. Еще тогда, когда ни в Польше, ни тем более в Московии не умели создавать простейшие вещи, не знали каменного строительства, на Украине процветало монументальное строительство, монетное дело и наивысшая степень государственной символики и эмблематики»²². И таким символом, по мнению украинских авторов, являлся «тризуб» — «символ воли и независимости украинского народа, нации и государства».

Отрадно, что, несмотря на пietet к трезубцу как основе современного герба Украины, ряд украинских авторов с научных позиций подходит к его интерпретации. Например, в учебном пособии для студентов высших учебных заведений авторы отмечают, что трезубец не был гербом в современном понимании этого слова. Если говорить о Киевской Руси, то он входил в определенную систему знаков, которую вряд ли можно считать системой гербов. Первые гербы пришли на Украину из Западной Европы в XIV в., причем вначале на западно-украинские земли, — считают авторы²³.

Знаменитый современный исследователь гербов Мишель Пастуро пишет: «Гербы — это цветные эмблемы, принадлежащие индивидууму, династии или некоему коллективу и созданные по определенным правилам, правилам геральдики. Именно эти правила (впрочем, не столь многочисленные и не столь сложные, как обычно считают), основу которых составляет правильное использование цвета, отлича-

ют европейскую геральдическую систему от всех остальных эмблематических систем, предшествующих и последующих, военных и гражданских»²⁴.

По мнению А.А. Молчанова, исходным пунктом для эволюции тамги Рюриковичей послужил простой двузубец, который мог быть общим предком как двузубцев, так и трезубцев Рюриковичей. Двузубец, как пишет автор, — это знак князя Святослава Игоревича (945—972), от которого и развилась «система отпятнышей», изменивших первоначальный знак «дома Рюриковичей». Следует отметить, что в энциклопедическом издании помещена таблица, в которой на самой высокой точке развития знака Рюриковичей находится двузубец Рюрика, от которого вниз идут двузубцы Игоря, Ольги и т.д. — к трезубцу Святого Владимира²⁵. Если данные знаки не пришли с севера, то они производят впечатление «саморожденных» (с боспорскими царскими знаками, как отмечал Рыбаков, разрыв составляет семь столетий).

Нам кажется более правдоподобной иная версия расшифровки происхождения «загадочного знака», каким исторически предстает трезубец, знаменитый ныне как никогда. Еще в конце XIX в. Н.П. Кондаков, издавший вместе с И.И. Толстым «Русские древности в памятниках искусства»²⁶, а затем известный нумизмат А.А. Ильин предполагали, что на «образе» первых русских монет «заметно влияние Востока»²⁷. Выдающийся специалист в области вспомогательных исторических дисциплин Лихачёв ограничился риторическим замечанием: «Вопрос этот — не происходит ли так называемое “знамя Рюриковичей” (а вместе с ним и однотипные знаки на печатях) с Востока; он уместен потому, что по начертаниям своим знак Рюриковичей однотипен с некоторыми, например, тамгами Золотой Орды, а в основе своей, представляющей как бы вилы о двух зубьях, совершенно схож с поздней золотоордынской тамгой XV в.»²⁸.

Ученый предупреждал: «Обзор и исследование знаков собственности и так называемых символов, особенно же в данном случае тамг тюркских племен, представляет большую важность, но самое прикосновение к родовым знакам способно увлечь к скифам и индо-скифским царям и еще дальше, а рядом с этим в вопросе о происхождении, о заимствованиях и влияниях необходима крайняя осторожность, иначе в клеймах финской деревни, нам современной, можно найти знаки, видимые на наших древних пломбах и печатях»²⁹.

Сам Лихачёв, как бы очерчивая время и территорию бытования заинтересовавших его знаков-тамг, отмечавших «родоприсхождение, собственность, производство», которые в Древней Руси были в употреблении, попадая и на памятники «общественного значения», «обрашает свой взор» к высказанной тогда проблеме русского каганата и осторожно замечает: «Соседство “Руссов” с народностями тюркского происхождения (хазар, авар. — *Н.С.*), с кочевниками, среди которых в таком распространении родовые тамги, несомненно — и помимо вопроса о каганате»³⁰.

Очень существенным для исследователей всевозможных знаков, в том числе и тамгообразных, представляется замечание Лихачёва о том, что «знаки родовые, а в особенности знаки собственности, совсем не то, что “символы”, которые благодаря священному, культовому, почему-либо им приданному значению, мигрируют, сохраняя свою форму»³¹.

Многие исследователи, в основном археологи последних лет, изучая тамги (тюркский термин), прослеживают распространение двузубца и трезубца на обширной территории — в Монголии, Средней Азии, Поволжье. Исследователь знаков собственности Монголии выделяет особую тамгу, которая обозначает трон, алтарь. В письменных текстах (с включением названия данной тамги) отмечается, что речь идет «о ханах на троне, правителях, которые занимают престол». Графически словесному выражению, включающему обозначение данной тамги, соответствует трезубец в разных вариантах ³².

Огромная работа по выявлению тамгообразных знаков на золотоордынской керамике была предпринята М.Д. Полубояриновой ³³. Автор отмечает факт использования аналогичных по форме знаков на золотоордынских монетах XIII—XV вв., подчеркивая, что у татаро-монголов, как и у некоторых других народов Евразии, двузубец и трезубец являлись тамгами царствующего рода: «... принадлежность двузубца и трезубца правящему роду подтверждается для Золотой Орды данными этнографии по тюркским народам, входившим некогда в состав этого государства».

Как аналог (по значимости) трезубцам джучидских монет, принадлежавших правителям этого рода, Полубояринова упоминает ногайский трезубец, который назывался ханской тамгой. Киргизы северо-западной Монголии султанской или дворянской тамгой называли трезубец, аналогичный тем, которые известны по монетам болгарских царей Шишманов ³⁴.

Комплекс тамгообразных знаков, среди которых выделяются группы двузубцев и трезубцев, введен в научный оборот в результате раскопок Хумаринского городища в Карачаево-Черкесии. Знаки нанесены на крепостные стены и относятся, по мнению исследователей, к болгаро-хазарскому периоду существования городища (VIII—IX вв.). Однако наиболее близкие аналогии двузубцам и трезубцам прослеживаются в Хазарии, Волжской и Дунайской Болгарии. Х.Х. Биджиев, автор работы о Хумаринском городище, предполагает, что смысл знака-тамги менялся в зависимости от назначения предмета, на который он наносился. На стену Хумаринского городища после завершения строительства могли нанести тамги господствующих родов. Автор выделяет и религиозно-магическую функцию знаков, которую выполняли те из них, что были обнаружены в могильниках или погребальных камерах, а также на камнях святилища ³⁵.

Чрезвычайно важным для нашей проблематики являются исследования тамгообразных знаков в Хазарском каганате, ближайшем соседе приднепровских славян. На подобные знаки обратил внимание еще М.И. Артамонов, раскапывая в 30-е гг. XX в. поселения на Нижнем Дону. Он сравнил знаки, обнаруженные на саркельских кирпичиках, со знаками, начертанными на камнях и кирпичиках крепости Плиски — средневековой столицы дунайских болгар ³⁶, которые изучал еще К.В. Шкорпил ³⁷.

Феноменальную работу провела В.Е. Флерова. Исследуя граффити на хазарских артефактах, она систематизировала тамгообразные знаки, выделив, прежде всего, знаки в виде двузубца и трезубца, «являющиеся характерным признаком знаковой системы Хазарии» ³⁸. Картина символического мышления выражена, по мнению автора, в

образах и знаках, причем абсолютно вероятным для Флеровой представляется переход образа в знак, по природе конвенциональный (условный), но не теряющий от этого символического значения.

Подчеркивая, что двузубцы и трезубцы имеют самое широкое распространение на различных предметах салтово-маяцкой культуры (Хазария), Флерова не исключает, что они могли служить «в качестве тамги, особенно племенной или “должностной”, связанной с определенным статусом владельца, часто сопряженной и с его родовой принадлежностью...»³⁹ Однако, не оставляя в стороне семантическую природу этих знаков, автор задается вопросом: не олицетворяют ли они верховное божество, с которым могли соотноситься?

Флерова часто обращается к аналогам, которыми ей служат работы болгарских ученых о знаках Первого Болгарского царства (681—1018). В многочисленных трудах болгарских ученых (В. Бешевлиева, П. Петровой, Л. Дончевой-Петковой, Д. Овчарова и др.) представлены тамгообразные знаки, значительная часть которых идентична хазарским тамгам⁴⁰. Как доказали ученые, в результате сложного и длительного пути переселения болгар из Приазовья-Подонья на Нижний Дунай «тюрко-болгары» превратились в славяно-болгар, однако, не утратили многие особенности кочевнической культуры, к которым относится использование тамги в граффити в Первом Болгарском царстве, а также намного позднее — во Втором Болгарском царстве (1187—1396).

Петрова приводит примеры совмещения языческой тамги (модифицированного трезубца и двузубца) с чрезвычайно распространенным христианским символом — крестом (причем крест с окончаниями в виде двузубца и трезубца), делая вывод, что тамгообразные знаки использовались и после принятия христианства, во всяком случае, на стенах христианских церквей они известны еще в XIV веке. Она истолковывает данный факт как графическое обозначение божественной власти, какой бы она ни была — небесной или ханской (царской)⁴¹.

Как показали наблюдения Петровой (и других болгарских ученых), на мировоззрение болгар-язычников оказали влияние не только раннетюркские культы, но и иные, в частности индоевропейские. Причем подчеркивается, что иранская культура могла воздействовать на праболгарские верования не только в результате соседских контактов болгар с иранокультурными аланами в причерноморских степях, но и значительно ранее — еще в Азии, где праболгары ощущали влияние таких центров иранской культуры, как Хорезм, Согдиана, Бактрия. Отсюда — наблюдающееся в Дунайской Болгарии сочетание тюркских культов и изобразительных традиций с иранской мифологией и иконографией уже на первых этапах существования государства.

Применяя методику сравнения и выявляя однотипность и различие тамгообразных знаков Болгарии и Хазарии, Флерова отмечает, что в Первом Болгарском царстве среди изображений, начертанных на крепостных стенах, на черепице и т.д., присутствуют в реалистическом или схематическом исполнении антропоморфные изображения с характерно поднятыми вверх руками. Автор трактует их как образ архаического божества — Великой богини, что в схематической интерпретации выглядит как двузубец. Эмблемой Великой богини в

контексте индоевропейских традиций мог являться и знак трезубца. В значительной степени на данный вывод повлияла «коллекция» Хумаринского городища на Кубани (форпоста Хазарского каганата), состоящая почти сплошь из двузубцев и трезубцев, смысловая однородность которых, по мнению Флеровой, несомненна ⁴².

Отечественные исследователи сасанидского искусства выделяют три группы знаков, среди которых могут быть и родовые тамги, и знаки, соответствующие определенным титулам и рангам, и знаки («нешаны») храмов ⁴².

К храмовым знакам относится, в частности, трилистник (трезубец). Подобный трезубец можно видеть на печати одного из магов ⁴³.

Можно ли говорить о каких-либо аналогиях подобного «загадочного трезубца» и знака первых русских монет? Хотя первые русские монеты относятся к произведениям средневекового искусства, которое «вплоть до XIII в. обогащалось заимствованиями, комбинируя элементы различного происхождения» ⁴⁴, о конкретном заимствовании можно говорить лишь применительно к композиции златников (золотых монет) и сребреников (серебряных монет) первого типа Владимира Святославича ⁴⁵. Образцом для них послужили золотые монеты византийских императоров Василия II и Константина VIII (976—1025) (современников русского князя), которые наиболее часто встречаются в русских кладах X и первой половины XI в. (На лицевой стороне византийского солида X в. помещен Иисус Христос, на оборотной — поясное изображение императоров, один из которых держит крест).

В целом заимствование носит относительный характер, ибо фигура лицевой стороны монеты Владимира Святого имеет черты портретного сходства с русским правителем, тогда как образ императора на византийских монетах не индивидуализирован. В то же время сакральность царского изображения на монетах подчеркивается диадемой или короной. Корона украшает и голову правителя на первых русских монетах, свидетельствуя об идентичности власти русского и византийского правителей, хотя в действительности (Владимир не был коронован) подобная форма изображения является не более чем претензией на идентичность.

Византийские монеты служили образцом для правителей, однако не так просто было вытеснить из сознания не только простых людей, но и самого Владимира прежние верования. А.П. Новосельцев отмечал: «Происходило это трудно и при большом сопротивлении народных масс и, очевидно, части верхов». Видя во Владимире не «скоропелого реформатора», а «осторожного политика», автор считает, что «Владимир, став христианином, сохранил многие привычки и черты князя языческой поры. Он любил дружину, устраивал для нее знаменитые пиры... Проводя нововведения в главном, в более частных вопросах оставался верен старине» ⁴⁶.

Вероятно, в этом контексте следует рассматривать и возврат при чеканке первых русских монет (начиная со второго типа сребреников) от образа Иисуса Христа к языческому знаку — трезубцу. Как отмечалось выше, по семантике, по-видимому, он адекватен двузубцу — знаковому выразителю хазарских (иранских) верований. Сакральность трезубца соответствовала и сакральности правителя Руси. Думается, что «загадочный знак» первых монет Древнерусского госу-

дарства может быть объясним как сакральный, магический символ, реликт прежних верований ⁴⁷.

История Хазарии в настоящее время привлекает к себе все больше и больше внимания ⁴⁸, хотя не все аспекты существования этого «первого раннефеодального государства в Восточной Европе», «почти равного по силе и могуществу Византийской империи и Арабскому халифату» ⁴⁹, изучены в достаточной степени. Именно Хазария, как пишет известный археолог М.И. Артамонов, «была первым государством, с которым пришлось столкнуться Руси при ее выходе на историческую арену» ⁵⁰.

Известный исследователь хазарской истории Новосельцев, называя начальной датой основания Хазарского государства первую четверть VII в., подчеркивал, что за этой датой последовал длительный период становления Хазарского государства — каганата, ставшего главной политической силой Восточной Европы ⁵¹. Хазары пришли в Восточную Европу вместе с тюркскими племенами, застав здесь преимущественно иранское (сарматское) население, а далее на всем протяжении существования Хазарского государства (три столетия) в этой части Европы шло смешение различных этносов — тюркских, угорских, иранских. В этом смешении были и контакты со славянами, о которых свидетельствуют археологические данные.

В археологических работах последних десятилетий особо подчеркивается факт смешения культур при становлении культуры ранней Киевской Руси. Особое внимание акцентируется на «тесных связях славянской и салтовской культур» ⁵² в VIII в. в среднем Поднепровье. Сложно ответить на вопрос о том, в каких территориальных рамках существовало Хазарское государство, ибо «хазары в своем государстве не имели компактной территории, составляли как бы островки в пестром этническом мире юго-востока Европы» ⁵³.

Археологи делают вывод, что данные, полученные в результате исследований в Днепровско-Донском регионе, то есть на территории так называемого Русского каганата, свидетельствуют: «Все археолого-этнические типы или локальные группы в той или иной степени приняли участие в становлении культуры ранней Киевской Руси, а в конечном счете, древнерусской культуры» ⁵⁴.

Однако нас интересует, прежде всего, Киев, где начали чеканить первые русские монеты с трезубцем. Факт проживания хазар в Киеве широко известен. Еще «Повесть временных лет» сообщает о торговой колонии хазар в Киеве и об урочище «Козары». Об этом напоминает в своей статье известный украинский археолог академик П.П. Толочко ⁵⁵. Археологические данные свидетельствуют об этом проживании: могильник салтовского типа, обнаруженный еще М.К. Каргером при раскопках древнего Киева ⁵⁶; многочисленные предметы (керамика, кирпичи, изделия прикладного искусства, на которых изображены двузубцы и трезубцы). Трезубцы изображены на кирпичах древнейших зданий Киева — Десятинной церкви и дворца Владимира близ нее ⁵⁷ (как на аналогичных зданиях Дунайской Болгарии). На металлической печати, приписываемой Святославу Игоревичу, и на костяной печати из Белой Вежи изображены идентичные двузубцы ⁵⁸.

Мысль о хазарском основании Киева, а точнее — о хазарско-иудейском — дискутируется в современной, прежде всего зарубежной,

литературе⁵⁹. Причем в некоторых исследованиях зарубежные авторы сводят до минимума участие славян в создании Киева, игнорируя его значение как «племенного или религиозного центра».

В основе подобной позиции лежит ориентация на антикиевоцентристскую точку зрения в отношении проблемы «откуда есть пошла Русская земля». По мнению авторов, «русы» или «русь» — это шведы, а первые ростки русской государственности зародились в северном регионе, где возник Русский каганат, а каган «сидел» в Старой Ладоге или Новгороде, и даже шведский король мог называться каганом⁶⁰.

Один из авторов книги «Начало Руси» утверждает, что Русский каганат — это «некая политическая структура», уже существовавшая у славян примерно в 838 г. с резиденцией кагана в центральной Швеции, в Старой Ладоге или на Рюриковом городище. Эта структура, якобы, располагалась близ того места, где Волхов вытекает из озера Ильмень, и в районе Верхней Волги⁶¹, и ни Киев, ни район среднего течения Днепра не заслуживают серьезного внимания. Крупнейший исследователь истории Киева академик Толочко приводит ряд доказательств, в том числе лингвистических, показывающих, что попытки «представить Ладogu столицей Русского каганата совершенно некорректны». «К какому бы выводу не пришли исследователи о первоначальном административном центре ильменских словен, он никогда не сможет обрести доказательной силы относительно существования здесь Русского каганата»⁶².

Академик В.В. Седов настаивал на существовании в первой половине IX в. политического объединения на территории волынцевской культуры, полагая, что «в землях Восточной Европы другого мощного политического образования славян тогда не было», а если «в каганате русов все же был административный центр, то это мог быть только Киев»⁶³.

По всей вероятности, в Киеве находился и глава славянского государственного объединения — каган. Этот титул, который носил не только хазарский правитель, но и аварский, был хорошо знаком в Западной Европе и Византии с VI века. В середине IX в. Русь представляла собой значительную силу, пользующуюся международным признанием, и принятие самого известного в регионе титула ее правителем вводило каганат русов в международное политическое поле. Этим титулом русский правитель обозначался в западноевропейских и восточных источниках IX—X веков⁶⁴. Считается, что принятие титула «каган» произошло в 20—30 гг. IX в., когда носитель этого титула в Хазарии еще не был лишь символическим главой государства. «В противном случае русскому князю не было бы смысла именоваться каганом»; «в это время хакан хазар был реальным властителем, которого и считали царем»⁶⁵.

Вызывает интерес замечание одного из авторов книги «Начало Руси» о символах власти в Среднем Поднепровье: «показательны символы власти — tamgas, которыми стали пользоваться князья русов. Некоторое время до 940-х гг. в ходу были печати. Нам неизвестны образцы этих ранних печатей, но на печатях, которые обычно приписывают Святославу Игоревичу, и на монетах, несомненно, отчеканенных его сыном Владимиром, присутствуют эмблемы — что-то напоминающее вилы или трезубцы, которые похожи на те, что най-

дены в поселениях хазар, имевших какое-то отношение к кагану. Эти эмблемы вполне могли быть заимствованы у хазар князьями русов в более раннее время. Используя их, днепровские русы могли демонстрировать законность своей власти, которую прежде придавал их верховному князю титул *chaganus*, или хагана». «Символизируют ли эти эмблемы власть хагана или функция их более примитивна — вопрос остается открытым. Изображения трезубца находят в хазарских землях повсеместно. Его могли заимствовать князья руссов, желавшие воспользоваться для своей печати связанными с этой эмблемой ассоциациями»⁶⁶.

Исследователям, и прежде всего Флеровой, не удалось выделить знак кагана. В то же время известно, что этим титулом пользовались русские князья с IX века. Предполагают, что титул «каган» мог долго «оставаться на слуху» у славян и жителей Киева даже после того, как в 882 г. Олег пришел в Киев, и образовалось единое Древнерусское государство⁶⁷, а возможно, даже после крещения Руси (X—XI вв.)⁶⁸. За основу подобной информации берется, прежде всего, первое оригинальное произведение на русском языке «Слово о законе и благодати», созданное между 1037 и 1050 гг. тогда еще священником Берестовской церкви под Киевом, будущим митрополитом Иларионом. В «Слове» содержится «похвала кагану нашему владимероу. От него же кршени быхомъ»⁶⁹. После создания «Слова» в 1051 г. Ярослав Мудрый, собрав епископов в Софии Киевской, возвел своего духовника Илариона на митрополичий стол, после чего тот сделал особую запись: «Быша же си в лето 6559 владычествующу блговерьному кагану Ярославу сну Владимиру»⁷⁰.

Иларион, судя по тексту «Слова», вполне естественно совмещает языческие и христианские имена князей (события происходили после крещения) Владимира (Василий) и Ярослава (Георгий), называя их каганами «применительно к прошлому» и, по-видимому, не сомневаясь в «каганьей» сакральности последних⁷¹. Однако, и можно согласиться в этом с В.Я. Петрухиным⁷², вряд ли стоит напрямую увязывать функции, которые приписываются хазарскому кагану с «реалиями бытия» правителей русов, принявших этот титул, хотя магическую функцию, выполнявшуюся русским правителем, исключить нельзя.

А.П. Новосельцев отмечает, что русские правители во второй половине XI в. утрачивают титул «каган», а «в начале XII века русский летописец не называет киевского князя хаканом даже применительно к прошлому»⁷³.

В литературе существует наблюдение, у многих вызывающее недоумение: вместе с титулом «каган» примерно в середине XII или начале XIII в. исчезают и знаки Рюриковичей. Археологи его разрешают просто: наступил кризис русской княжеской геральдики — тамга «упростилась настолько, что утратила способность создавать варианты с достаточно ярко выраженными признаками индивидуальной принадлежности»⁷⁴.

В данной статье использован разноплановый материал, приведены мнения многих специалистов — археологов, историков, лингвистов, пытающихся объяснить феномен «загадочного знака» первых русских монет. Автор настоящей статьи, предметом научных изыска-

ний которого является исследование «Эмблемы власти и власть эмблем», также неравнодушен к этой проблеме. Идея реконструкции национальной идентичности становится актуальной в современном мире, как пишут политологи, в силу процессов глобализации и интеграции, ведущих, с одной стороны, к размыванию идентичности, с другой, — к желанию восстановить ее исторические основы. Ключевым элементом на этом пути является воссоздание картины исторического прошлого нации, которая может представлять собой «объект манипулирования и направленного конструирования». В рамках этих действий может находиться государственная символика любых стран, в том числе и Украины.

Примечания

1. Osteuropa. 53. Jg., 7/2003, S. 984—994.
2. Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М. 2014.
3. МАРЧУКОВ А.В. Украинское национальное движение. М. 2015, с. 34.
4. ГРЕЧИЛО А. Становлення українських національно-державних символів у 1917—1920 роках. В кн.: Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів. 2006, ССЛІ, с. 114—141.
5. ГРУШЕВСЬКИЙ М. Історія України — Русі. Т. 1. Київ. 1994, с. 526—527.
6. БОЛСУНОВСКИЙ К. Родовий знак Рюриковичів, великих князів київських, Геральдичне дослідження, призначене для прочитання на XIV Археологічному з'їзді в м. Чернігові (1904 р.). — Бібліотека журналу «Пам'ятки України». Кн. 1. Національна символіка. Київ. 1991, с. 27—31.
7. ГРЕЧИЛО А. Ук. соч., с. 121—122; БОНДАРЕНКО Г. Спеціальні історичні дисципліни. Волинський державний університет ім. Лесі Українки. Луцьк. 1997, с. 126.
8. Цит. по: ГРЕЧИЛО А. Ук. соч., с. 126.
9. Що означає собою знак «Тризуба» і звідки він походить (лист з Берліна). — Тризуб. Тижневик. Р. 1928, № 6, с. 15—16.
10. ЛИХАЧЁВ Н.П. Избранные труды. Т. II. М. 2014, с. 56 (ссылки в статье на «Труды музея палеографии»).
11. ТАУБЕ М.А. Родовой знак семьи Владимира Святого в его историческом развитии и государственном значении для древней Руси. Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси (988—1938). Белград. 1939, с. 91—92, 109—110. Современная исследовательница Е.А. Мельникова со знанием дела показала, что ненаучно говорить о североамериканском происхождении знака Рюриковичей, ибо «скандинавской культуре довикинговского и викингского времен несвойственен сам принцип владельческих знаков, которые появляются в форме руноподобных тамг не ранее XII века. В ней также отсутствуют символические изображения, которые можно было бы связать с репрезентацией властных функций. Не прослеживается в скандинавской традиции и изобразительный мотив в виде двузубца или трезубца». МЕЛЬНИКОВА Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М. 2011, с. 241.
12. ПАСТЕРНАК О. Пояснення тризуба, герба Великого Київського князя Володимира Святого. Ужгород. 1934. Работа переиздана в Киеве в 1991 году.
13. Там же, с. 45—46.
14. ОРЕШНИКОВ А.В. Денежные знаки домонгольской Руси. М. 1936, с. 49.
15. РАПОВ О.М. Знаки Рюриковичей и символ сокола. — Советская археология. 1968, № 3, с. 69.
16. КИРПИЧНИКОВ А.Н., САРАБЬЯНОВ В.Д. Старая Ладога, древняя столица Руси. СПб. 2013, с. 79.
17. РЫБАКОВ Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. — Советская археология. 1940, № VI. с. 227—257.

18. Итоги многолетней работы В.Л. Янина по исследованию знака Рюриковичей применительно к сфрагистике и нумизматике отражены в его фундаментальном труде «Актовые печати Древней Руси. X—XV вв.». Т. I. М. 1970, а также: ЯНИН В.Л., ГАЙДУКОВ П.Г. Актовые печати Древней Руси, X—XV вв. Т. III. М. 1998; ЯНИН В.Л. У истоков новгородской государственности. Вел. Новгород. 2001.
19. ГЛОМОЗДА К.Ю., ЯНЕВСЬКИЙ Д.Б. Історичні гербові відзнаки та прапорів барви України. — Український історичний журнал. 1990, № 4, с. 47—48; БОНДАРЕНКО Г. Спеціальні історичні дисципліни. Волинський державний університет ім. Лесі Українки. Луцьк. 1997, с. 125.
20. СІЧИНСЬКИЙ В. Тризуб і прапор України. Львів. 1995, с. 5—8, 15—24, 30—35.
21. РЫБАКОВ Б.А. Ук. соч., с. 233—234.
22. СІЧИНСЬКИЙ В. Ук. соч., с. 48.
23. БУШИН М.І., МАЩЕНКО І.Ю., ЮЗВЕНКО В.Ф.. Національна символіка незалежної України. Черкаси. 2001, с. 8.
24. PASTOURO M. Heraldique. Dictionnaire du Moyen Ages. P. 2002, p. 664—667.
25. Древняя Русь в средневековом мире, с. 302.
26. Русские древности в памятниках искусства. 1891, вып. IV, с. 172.
27. ИЛЬИН А.А. Топографии кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л. 1924, с. 6.
28. ЛИХАЧЁВ Н.П. Ук. соч., с. 266.
29. Там же, с. 108, сн. 2.
30. Там же, с. 266, сн. 2.
31. Там же, с. 266.
32. RINTCHEN B. Les signes de propriété chez les Mongols. In: Archiv orientální. T. XXII. Praha. 1954, № 2—3, p. 467—473.
33. ПОЛУБОЯРИНОВА М.Д. Знаки на золотоордынской керамике. В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М. 1980, с. 165—212.
34. Там же.
35. БИДЖИЕВ Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск. 1983, с. 92.
36. АРТАМОНОВ М.И. История хазар. СПб. 2002, с. 308.
37. ШКОРПИЛ К.В. Знаки на строительном материале. В кн.: Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. X. София. 1905.
38. ФЛЕРОВА В.Е. Граффити Хазарии. М. 1997.
39. ЕЕ ЖЕ. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим-М. 2001, с. 54.
40. Болгары, булгары, праболгары — тюркоязычный народ, известный в Приазовье, Северо-Восточном Причерноморье с VI—VII веков. Создали в северном и восточном Приазовье и в нижнем Прикубанье государство под названием Великая Болгария, распавшаяся в середине VII века. Большинство болгар после этого подчинилось хазарам, составив один из основных этнических компонентов населения Хазарского каганата. После разгрома хазарами Великой Болгарии часть его населения переселилась на Дунай.
41. ПЕТРОВА П. За произхода и значението на знака «ипсилон» и неговите дофонетични варианти. — Старобългаристика. 1990, vol. 14, № 2, с. 42.
42. ФЛЕРОВА В.Е. Образы и сюжеты..., с. 60.
43. БОРИСОВ А.Я., ЛУКОНИН В.Г. Сасанидские геммы. Л. 1963, с. 43—44.
44. ДАРКЕВИЧ В.П. Романские элементы в древнерусском искусстве и их переработка. — Советская археология. 1968, № 3. с. 71.
45. СОТНИКОВА М.П., СПАССКИЙ И.Г. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI вв. Л. 1983, с. 6, 60—61.
46. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи. — История СССР. 1988, № 4, с. 108.
47. Современные лингвисты, изучающие проблемы праславянских языков, подчеркивают, что «к моменту возникновения письменности славяне успели дважды сменить свои сакральные представления. Сначала древнее язычество подверглось сильному влиянию дуализма иранского типа, затем последний, не одержав полной победы, был вытеснен христианством. Двойная система сакральных представлений оставила глубокие следы в праславянском языке». МАРТЫНОВ В.В.

- Сакральный мир «Слова о полку Игореве». — Славянский и балканский фольклор. М. 1989, с. 61.
48. Например, только что опубликована оригинальная книга московских ученых, комплексно решающая хазарские проблемы. См.: КАЛИНИНА Т.М. ФЛЕРОВ В.С., ПЕТРУХИН В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве. Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. М. 2014.
 49. ПЛЕТНЁВА С.А. Хазарские проблемы в археологии. — Советская археология. 1990, № 2. с. 89.
 50. АРТАМОНОВ М.И. Ук. соч., с. 64.
 51. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. 1990, с. 89.
 52. ЩЕГЛОВА О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа. В кн.: Археологические памятники эпохи раннего железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж. 1987, с. 83.
 53. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа, с. 112.
 54. ПЕТРАШЕНКО В.А. Ук. соч., с. 50.
 55. ТОЛОЧКО П.П. Миф о хазарско-иудейском основании Киева. — Советская археология. 2001, № 2, с. 38—39.
 56. КАРГЕР М.К. Древний Киев. Т. 1. М.-Л. 1958, с. 135—137; ТОЛОЧКО П.П. В поисках загадочного русского каганата. В кн.: ТОЛОЧКО П.П. Київ и Русь. Київ. 2008, с. 32.
 57. РЫБАКОВ Б.А. Знаки собственности..., с. 247; КАРГЕР М.К. Ук. соч., т. I, рис. 123—124; т. II, с. 379; ЩЕРБАК А.М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи. — Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л. 1959, № 75, с. 362—367, табл. I—XXV.
 58. АРТАМОНОВ М.И. Ук. соч., с. 431.
 59. ФЛЕРОВ В.С. Коллоквиум «Хазары». Иерусалим. 1999; «Краткая еврейская энциклопедия» о хазарах. — Советская археология. 2000, № 3, с. 229—234. Свообразным катализатором явилась книга Норманна Голба и Омельяна Прицака «Хазарско-еврейские документы X века», опубликованная в Лондоне в 1982 году. Она, как кажется, повлияла на точку зрения иностранных авторов, посвятивших свои исследования истории Древней Руси. См., например: ФРАНКЛИН С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950—1300 гг.). СПб. 2010, с. 210. «... Славяне, жившие в среднем течении Днепра, на протяжении долгого времени имели возможность вступать в разнообразные отношения с евреями... Евреи входили в число постоянных жителей, причем не только Киева и в других городах на юге, к XII в. они добрались даже до таких интенсивно развивающихся центров на северо-востоке, как Владимир на Клязьме...»
 60. Современные российские креативные историко-лингвисты считают идентичными термины «каган» и «конунг» и, конечно, с большим удовольствием поддерживают точку зрения о «вторичности» Киева в процессе создания Древнерусского государства.
 61. ФРАНКЛИН С., ШЕПАРД Д. Ук. соч., с. 59.
 62. ТОЛОЧКО П.П. В поисках загадочного Русского каганата, с. 36—37.
 63. СЕДОВ В.В. Русский каганат IX века. Более подробно свои взгляды на образование и существование Русского каганата он изложил в книге «У истоков восточнославянской государственности», где проанализировал все существующие версии о местоположении Русского каганата, и привел много аргументов (письменные источники, нумизматические данные) в пользу дислокации раннего государственного образования — каганата русов — в Днепровско-Донском регионе. В этой же книге Седов излагает материал и об «определенной политической структуре», существовавшей в то же время на севере Восточно-Европейской равнины, — Конфедерации словен, кривичей и мери, которую возглавил Рюрик, именуемой каганом. По этому поводу М.И. Артамонов замечал: «Титул главы Руси — каган, который невероятен для северных славян, но вполне понятен для славян среднеднепровских...» АРТАМОНОВ М.И. Ук. соч., с. 369.

64. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя. — История СССР. 1982, № 4, с. 150—159; ЕГО ЖЕ. Образование Древнерусского государства и первый его правитель. — Вопросы истории. 1991, № 2—3, с. 8—9 и след.; КОНОВАЛОВА И.Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси. — Славяне и их соседи. М. 2001, вып. 10, с. 108—135. Автор приводит всю существующую литературу о титуле «каган», его происхождении, дает разные варианты его чтения у разных народов.
65. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа, с. 138—139.
66. ФРАНКЛИН С., ШЕПАРД Д. Ук. соч., с. 197.
67. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Принятие Христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи. — История СССР. 1988, № 4, с. 101—102; ЕГО ЖЕ. Образование Древнерусского государства, с. 12—14; СЕДОВ В.В. У истоков восточнославянской государственности. М. 1999, с. 69—70.
68. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов..., с. 159; СЕДОВ В.В. Русский каганат IX века, с. 9.
69. МОЛДОВАН А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев. 1984, с. 78.
70. Там же, с. 4, 7, рис. 2; ЖДАНОВ И.Н. Сочинения. СПб. 1904, с. 23, 33.
71. Один из исследователей княжеской идеологии X—XII вв. отмечал: «Очень точно восприятие князей как духовных владык подчеркивает хазарский титул “каган”, прилагаемый к верховному сакральному царю. Этот титул употреблен Иларионом в “Слове о законе и благодати” применительно к Владимиру, Ярославу...» ОРЛОВ Р.С. Ук. соч., с. 108.
72. ПЕТРУХИН В.Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность. — Славяне и их соседи, вып. 10, с. 73—78.
73. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов..., с. 159.
74. ЯНИН В.Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. 1956, вып. 62, с. 16.

Антон Константинович Псаро

И.М. Захарова

Биография Антона Константиновича Псаро до сих пор не являлась предметом специального изучения. Его имя упоминается в ряде исследований российских и зарубежных авторов, но сведения о его деятельности отрывочны, противоречивы и не всегда верны. В то же время биография человека, принимавшего участие в наиболее важных военных и дипломатических событиях Екатерининского и Павловского царствований, заслуживает отдельного исследования. Данная работа — попытка анализа жизни и деятельности А.К. Псаро на основе материалов отечественной и зарубежной историографии и неопубликованных архивных источников.

Грек по происхождению, Антон (Георгий Антоний) Константинович Псаро родился на острове Миконос¹, в середине 60-х гг. XVIII в. поступил на службу в российскую армию, что было распространенным явлением в начале царствования Екатерины II, проявлявшей большой интерес к христианским народам Балканского полуострова и Средиземноморья. Видимо, поступление Псаро на русскую службу произошло при участии А.Г. Орлова², бывшего главою русских военных сил на море во время Русско-турецкой войны 1768—1774 годов. В 1769 г. Псаро был переведен из армии на флот лейтенантом³, но первые подвиги, привлекшие к нему внимание руководства и приведшие к награждению его орденом Св. Георгия, он совершил на суше. Так, после прибытия в феврале 1770 г. в порт Витулло первой русской эскадры под командованием адмирала Г.А. Спиридова, в разные города Мореи с целью их освобождения от турецкого владычества были отправлены два наемных греческих десанта под командованием русских офицеров⁴. Первый десант, именуемый Восточным легионом, численностью 1200 чел. под руководством пехотного капитана Г.М. Баркова в конце февраля 1770 г. отправился на завоевание г. Мистры (Мизистры), которую охранял трехтысячный турец-

Захарова Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.

кий гарнизон. В ходе военной операции Барков разделил свое войско на две части. С одной из них он намеревался напасть с фронта, а вторая часть под руководством лейтенанта Псаро получила приказ атаковать турок с тыла ⁵. Псаро, первоначально взятый Барковым в качестве переводчика с греческого языка ⁶, проявил себя в ходе этой операции прекрасным стратегом и провел свой полутысячный отряд греков столь быстро и искусно, что турки ничего не заметили, несмотря на то, что Псаро двигался практически у них на виду. Демарш и нападение Псаро на турецкий тыл привели к очень скорой сдаче крепости Мистра. Возможно, что и другие укрепления в Мореи были бы отвоеваны у турок без больших военных потерь, если бы не резня при капитуляции турок из Мистры ⁷, которая привела к военным неудачам русских в Мореи. Так, при попытке освобождения от турок города Трополицы (Триполицы) Восточный легион бросил оружие и бежал ⁸. Лишь капитан Барков и поручик Псаро с небольшим отрядом русских солдат, демонстрируя верность присяге и личную храбрость, остались на поле боя, откуда они под сильным огнем вынуждены были прорываться из окружения. Огонь был столь сильным, что спастись удалось только капитану Баркову, лейтенанту Псаро, одному сержанту и двум солдатам. Чудом выживший Псаро был отправлен в Мистру для того, чтобы сохранить единственный взятый Восточным легионом морейский город. Благодаря его организаторским способностям Мистру удалось удерживать до ухода российских войск из Мореи ⁹.

В мае 1770 г. к берегам Мореи подошла вторая эскадра под командованием контр-адмирала Джона Эльфинстона, намеревавшегося сразу же по прибытии атаковать турецкий флот. О нахождении турецкой эскадры в бухте Наполи-ди-Романья Эльфинстону сообщил Псаро, что свидетельствует о его знании расстановки сил в Архипелаге ¹⁰. 9 июля 1771 г., по представлению графа Орлова ¹¹, Псаро был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени ¹².

В 1771 г. Антон Константинович командовал шебекой «Греция», осуществляя плавание в Архипелаге. В апреле 1772 г. у острова Санторинно он присоединился к отряду флигель-адъютанта при генерал-аншефе Орлове майора и кавалера Георгия Ризо ¹³, совместно с которым вел чрезвычайно успешные военные действия на море у берегов Сирии. Так, был освобожден от турецкого владычества Сидон ¹⁴, а в июне 1772 г. после недолгой осады с применением артиллерийского огня и высадкой десанта был захвачен Бейрут ¹⁵. Стоявшие у стен города десять судов были сожжены, город должен был выплатить контрибуцию в размере годовой подати, уплачиваемой турецкому султану ¹⁶. Необходимо отметить, что численность турецкого гарнизона в Бейруте и количество кораблей существенно превосходили силы отряда Ризо и Псаро.

На завоеванных у турок землях, а также греческих островах, добровольно перешедших в российское подданство, необходимо было наладить эффективное управление. Главной базой российского флота стал порт Ауза на остров Парос. В образованном по инициативе адмирала Г.А. Спиридова великом княжестве Архипелагском было организовано самоуправление. От каждого острова избиралось по три депутата, занимавшихся вопросами управления, суда, финансов. Воз-

главлял всю островную администрацию генеральный депутат от островов. На эту должность 15 января 1771 г. Спиридов назначил Псаро, который занимал ее до конца пребывания русских в Архипелаге¹⁷. Так началась его административная деятельность, в ходе которой он приобрел и дипломатические навыки, которые пригодятся ему в будущем. Круг обязанностей генерального депутата был чрезвычайно широк: Псаро должен был заботиться о поступлении налога, которым обложили греческие острова, занимался покупкой провианта для российского флота в Архипелаге, заседал в суде, состоял в переписке с островными администрациями, периодически посещал острова¹⁸. Для осуществления своей деятельности Псаро организовал в порте Ауза на острове Парос канцелярию, в которой работал и его брат — подпоручик Петр Псаро¹⁹, который поступил на российскую службу в 1770 году²⁰. За свою службу Псаро и его сотрудники получали жалованье и деньги «на канцелярския расходы» с доходов острова Миконос²¹.

Исполнение важных административных функций Псаро совмещал с плаванием в Архипелаге. В 1772 г. он был назначен командующим бывшим линейным кораблем, переделанным во фрегат «Не тронь меня»²² и произведен в капитан-лейтенанты. Продолжалось его успешное сотрудничество с флигель-адъютантом Ризо, совместно с которым он занимался каперством.

Содержание находившегося в Архипелаге российского флота и российской администрации Архипелагского княжества требовало огромных расходов, а получаемая с греческих островов подать финансовую брешь заткнуть не могла. Необходимые продовольствие, оружие, обмундирование не всегда можно было приобрести на месте. Некоторые товары везли морем из России и Англии, часть покупали у дружественных России Мальты и Ливорно. Однако, несмотря на дружбу, цены были весьма высоки, поэтому одним из источников снабжения стало корсарство. Корабли, крейсирующие в водах греческого Архипелага, должны были пресекать доставку продовольствия и боеприпасов в Константинополь и на острова, находившиеся под турецким владычеством²³.

Псаро не ударил лицом в грязь и на этом поприще. Так, весной и летом 1772 г. он вместе с Ризо, находясь в крейсерстве, захватил следовавшую к берегам Смирны венецианскую бригантину, груженную кофе, тканями, пряностями. Тогда же, в 1772 г., была взята «галерка французской бригантини», груженная товарами, жемчугом и деньгами²⁴. Крейсируя близ города Кайфы, лейтенант и кавалер Псаро захватил две турецкие шахтуры, груженные дровами, и греческую шембеку с кофе и мылом. В апреле 1772 г. Псаро около острова Делос захватил два французских судна, поляку «Святой Гавриил» и пинк «Святой Батуан (Виктор)», груженные пшеницей, ячменем, досками и рожжами²⁵. Захваченные товары комиссия адмиралтейского воинского суда, учрежденная при порте Ауза, признала за «добрый приз», они были оценены и поступили в казну Ее императорского величества.

В сентябре 1773 г. у острова Цериго фрегат «Не тронь меня», которым командовал Псаро, захватил венецианскую бригантину, которая, по снятию с нее груза, в октябре 1773 г. была отпущена. Находившиеся на ней товары: табакерки, писчая бумага, гвозди, книги, разнообразная стеклянная посуда, золотая парча были проданы за

пиастры. В октябре 1773 г., крейсируя у острова Миконос, Псаро захватил еще одну венецианскую бригантину под названием «Конкордия», которую «по снятии принадлежащих в приз товаров», отпустил. Груз, включавший перец, сукно, сусальное золото, железные щипцы, перочинные ножи, табакерки, бараньи шкуры, шелковую материю, парусину и многое другое, был принят в комиссариате порта Ауза²⁶.

Поскольку в процессе крейсирования не всегда удавалось определить принадлежность судна той или иной державе, то иногда случались и неудачи. Так, в августе 1773 г. Псаро захватил «галанское» судно «Святой Димитрий» и привел его под конвоем в Аузу. «А как на том судне груз по свидетельству коносаментов оказался состоящим начет христианских купцов не в числе конрабанда ... комиссия ... определяет вышеписанное галанское судно для соблюдения нейтрала со всем на нем грузом з данным капитану онага Ян Шенбранту ... пропуске отпустить его в путь без задержания...». Интересно, что капитан Ян Шенбрант перед отъездом дал расписку в том, что «во всю мою бытность при российском флоте обходились со мной ласково и дружелюбно и никаких обид ни от кого как мне, так и моему экипажу неучинено, и тем всем я доволен в чем подписуюсь»²⁷. Это свидетельствует о том, что Псаро, занимаясь крейсированием, соблюдал нормы действовавшего тогда российского и международного права. Также необходимо отметить, что у комиссии адмиралтейского воинского суда не было к нему претензий как к корсару, и своей активной каперской деятельностью Псаро способствовал усилению финансирования великого княжества Архипелагского, а также мешал подвозу продовольствия и боеприпасов в турецкие города и крепости, внося свой вклад в борьбу с Османской империей. Можно предположить, что тогда же, видимо, начало складываться личное состояние Псаро.

После Архипелагской экспедиции Антон Константинович продолжил службу на флоте до отставки в марте 1777 г. в чине капитана 2-го ранга. В 1780 г. Псаро вернулся на службу на флот, а в 1783 г. был назначен поверенным в делах на Мальту²⁸. К моменту прибытия ко Двору магистра Высочайшим указом Адмиралтейств-коллегии он был пожалован чином капитана 1-го ранга²⁹.

В царствование Екатерины II Россия стала уделять большое внимание отношениям с Мальтой. Готовясь в середине 60-х гг. XVIII в. к войне с Османской империей, Екатерина II понимала важность наличия союзников в Средиземноморье. Мальтийские порты могли служить местами для снабжения и починки российских кораблей, воюющих против турок. И хотя правитель Мальты магистр ордена Св. Иоанна Мануэль Пинто де Фонсека отверг предложение Екатерины II о проведении совместной военной кампании против Османской империи, российским кораблям было предоставлено право вхождения в Большую гавань Мальты³⁰. В 1770 г. на Мальту для оказания помощи российскому флоту прибыл русский поверенный в делах маркиз Георгий Кавалькабо, который должен был склонить Мальтийский орден к оказанию содействия России в войне с Османской империей. Дружественное отношение магистра Ордена Мануэля Пинто к России во многом было заслугой Кавалькабо. После заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира маркиз Кавалькабо был ото-

зван с Мальты, но интерес России к острову не угас. Мальта фигурировала в составленном Коллегией иностранных дел списке мест, где по экономическим и политическим причинам необходимы были российские дипломатические представительства ³¹.

Новый магистр Ордена Эммануил де Роган-Полдю придерживался во внешнеполитических вопросах профранцузской ориентации, поэтому старался не допустить назначения на Мальту нового русского поверенного в делах. Однако назначение состоялось ³². В 1783 г. на Мальту был отправлен Псаро. На место он прибыл 4 мая 1784 года ³³. Причиной назначения «консуля» на Мальту послужило присоединение в 1783 г. Крыма, что настолько обострило отношения с Османской империей, что впору было готовиться к войне. Наличие российских консулов служило гарантом возможности заходов российского флота в порты Средиземного моря, что, с учетом опыта Русско-турецкой войны 1769—1774 гг., являлось совершенно необходимым. А причинами выбора на этот пост Псаро был его разнообразный опыт морского офицера, корсара, администратора и дипломата, прекрасно ориентировавшегося во внешнеполитической обстановке.

На Мальте Псаро ожидал холодный прием со стороны вице-канцлера Мальты Альмейды, предложившего ему не требовать аккредитации. Препятствием к ней, якобы, являлось то, что Псаро не являлся кавалером ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Но Псаро показал Альмейде свой Георгиевский крест, заметив (намекая на вялость Мальты в борьбе с турками), что этот военный орден в борьбе с врагами христианства затмевает славу Мальтийского креста. С магистром Эммануилом де Роган-Полдю Псаро сумел наладить хорошие отношения. Магистра подкупил поступок Псаро, свидетельствовавший о его дипломатической ловкости: он дал Рогану прочесть составленную для отправки в Петербург депешу с описанием радужного приема, оказанного ему по прибытии на Мальту. Депеша была запечатана и отправлена. Но магистр не знал, что Псаро отправил и другую депешу, в которой сообщал о реально оказанном ему не очень теплом приеме ³⁴.

Основной задачей Псаро, как и его предшественника маркиза Кавалькабо, была подготовка почвы для совместной борьбы с Османской империей. Помимо решения военных и дипломатических вопросов он занимался обеспечением интересов российского торгового мореплавания, сумел договориться о предоставлении русским купцам на Мальте банковского кредита, заботился о защите русских торговых судов от североафриканских пиратов и многим другим.

Его деятельность заслужила благосклонную оценку императрицы, в обществе которой он провел три дня. 22 мая 1787 г. в Севастополе гофмейстер граф А.А. Безбородко представил Екатерине II поверенного в делах на Мальте капитана 1-го ранга Псаро, который преподнес Ее Величеству «с весьма ласкательным письмом» ³⁵ подарок магистра Ордена Эммануила де Роган-Полдю — «пальмовую ветвь, с кустом цветов трофеями украшенным, в знак победоносного приобретения Тавриды» ³⁶. Пальмовую ветвь преподносили как «символ бессмертной славы и побед» ³⁷. Екатерина II в письме к магистру Ордена выразила надежду, что этот дар станет «хорошим предзнаменованием для ее оружия» ³⁸. На следующий день, 23 мая 1787 г., на

открытом воздухе около дворца состоялся торжественный обед на 50 кувертов, куда был приглашен и капитан Псаро. И, наконец, 24 мая 1787 г. Екатерина II «благоволила жаловать к руке» Псаро, которому также была пожалована золотая табакерка ³⁹. Из Крыма он вместе с императорской свитой, видимо, для получения инструкций, отправился в Санкт-Петербург. Вскоре последовало и его производство в капитаны бригадирского ранга ⁴⁰.

В качестве ответного подарка магистру Ордена от российской императрицы Псаро привез письмо и большой деревянный ящик. По свидетельству П.В. Перминова, подробно исследовавшего этот вопрос, в ящике находилась копия парадного портрета Екатерины II кисти Д.Г. Левицкого, которая и сейчас украшает Посольский зал дворца Великого магистра ⁴¹.

По возвращении на Мальту Псаро продолжил заниматься вопросами дипломатического сотрудничества и торгового мореплавания. Новым заданием для него стала заготовка провианта на случай захода российских кораблей в порты Мальты. Однако в связи с изменением внешнеполитической обстановки, изменились и его задачи как поверенного в делах на острове. Вступая в новую войну с Османской империей, Екатерина II рассчитывала применить в водах Архипелага ту же военную стратегию, заключавшуюся в отправке в Средиземноморье нескольких эскадр Балтийского флота. Псаро, прекрасно ориентировавшийся в обстановке, этот план поддержал, доложив вице-канцлеру А.А. Безбородко о необходимости нахождения в Средиземном море трех фрегатов, которые могли бы блокировать доставку продовольствия и боеприпасов из Египта в Константинополь. Однако Англия отказалась предоставить свои порты для российского флота ⁴², что серьезно осложнило и без того трудный морской переход из Кронштадта в Средиземное море, а Швеция в 1788 г. развязала войну против России, вбив последний гвоздь в крышку гроба планировавшейся масштабной средиземноморской экспедиции. Поэтому Екатерина II изменила стратегию: вместо морской атаки — война на истощение ресурсов. Крейсирующие в Средиземноморье легкие суда могли нанести существенный урон снабжению Османской империи и мелкими, но чувствительными ударами отвлечь часть турецкого флота от главного театра военных действий в Черном море. В этих условиях перед Псаро была поставлена новая задача, которая перевела российско-мальтийское сотрудничество в новую стадию: нанять на российскую службу мальтийских корсаров. Псаро, и сам бывший корсар, прекрасно знал о высоком уровне мастерства мальтийских приватиров. Двоих из них, капитанов Гульельмо Лоренци и Анджело Франчески, ему удалось привлечь к участию на российской стороне в войне против османов ⁴³.

3 февраля 1788 г. Высочайшим указом адмиралу С.К. Грейгу Псаро был назначен ответственным за «разные приуготовления для сухопутных и морских наших сил в Средиземное море отправляемых». По прибытии российского флота в Италию Грейгу дозволялось употреблять Псаро и в других целях, благо он имел большие деловые связи и прекрасно знал тамошние места. В помощь ему назначили грека А. Манзо, которого в будущем предполагалось отправить российским консулом в Сицилию ⁴⁴.

Псаро с присущей ему добросовестностью принялся за исполнение возложенных на него важных задач ⁴⁵. В начале июля 1788 г. он купил в Триесте два фрегата, предназначенных для плавания в Средиземном море — «Ла Перфет Аллианс» и «Лаббонданс». Эти фрегаты должны были доставить на Сицилию купленные для российского флота провиант и оборудование (сорочинское пшено и бочечные доски) ⁴⁶. Кроме того предполагалось набрать на них офицеров и матросов ⁴⁷. Таким образом, став интендантом и качественно выполняя свои обязанности, Псаро оставался в душе корсаром и понимал важность крейсирования российских судов в Средиземном море. Его взгляды совпадали с принятой Екатериной II стратегией ведения войны с Турцией в Архипелаге.

В апреле 1789 г. Псаро был произведен в капитаны генерал-майорского ранга ⁴⁸, что можно расценивать и как доказательство признания его заслуг, и как задел на будущее. Боевой опыт морского офицера, прекрасное знание водного пространства Архипелага, умение находить общий язык с народами Средиземноморья, административный опыт, дипломатическая ловкость, длительная и беспорочная служба интересам России делали кандидатуру Псаро весьма подходящей для занятия должности командующего русскими морскими силами в Средиземном море и в Архипелаге.

В июне 1789 г. Высочайшим указом Адмиралтейств-коллегии дальнейшая закупка провизии была прекращена, так как стало окончательно ясно, что отправка эскадры в Средиземное море не состоится ⁴⁹. Видимо поэтому, отойдя от интендантской службы, Псаро сосредоточился на работе в учрежденной в июле 1788 г. в Сиракузах комиссии «об арматорах» под руководством генерал-майора С.С. Гиббса ⁵⁰. Гиббс должен был следить за действиями корсаров, предотвращать притеснения греческого населения Архипелага и нейтральных держав, разбирать жалобы на действия арматоров в Средиземном море. Учреждение подобной призовой комиссии являлось свидетельством желания Екатерины II вести войну против турок цивилизованными способами ⁵¹. Гиббс передоверил многие дела по казенной флотилии и по борьбе со злоупотреблениями корсаров Псаро. Весной 1790 г. Екатерина II назначила его командующим обеих флотилий, как арматорской под командованием Л. Кацониса ⁵², так и казенной ⁵³. Таким образом, Псаро в течение года (1790 и начало 1791) фактически являлся руководителем русских военно-морских сил на Средиземном море.

Существует корпус донесений Псаро Гиббсу, на основании которых возможна оценка происходивших в императорской флотилии и призовой комиссии событий ⁵⁴. Деятельность Псаро в этот период велась по следующим основным направлениям: нанесение урона снабжению Османской империи и отвлечение части турецкого флота и армии от главного театра военных действий в Черном море; руководство казенной флотилией, включая обеспечение офицеров и матросов жалованьем, провиантом, ремонт и починка судов; рассмотрение жалоб греков на действия корсаров; крейсерство.

Летом 1790 г. Псаро с вверенной ему флотилией отправился из Триеста в Рагузу, где соединился с шестью австрийскими судами, что привело «неприятелей жительствоющих в Албании в очень немалый

страх и замешательство; а чрез то и последовал желанный диверсив, ибо скутарский Паша бывший уже в готовности отправиться с довольным количеством войска в армию — был принужден оставить таковое предприятие». Осенью, уже по окончании кампании 1790 г., Псаро «для воспрепятствования оному (неприятелю. — *И.З.*) в зимнее время проводить в Константинополь жизненные припасы» остался зимовать в Архипелаге ⁵⁵. Капудан-паша архипелагский и албанцы собирались на зимние квартиры в Константинополь, и турецкая эскадра уже находилась у Дарданелл, но, когда стало известно, что Псаро с флотилией остается зимовать, Капудан-паша с эскадрой вынужден был также остаться в Архипелаге.

Турецкая эскадра в Средиземном и Эгейском морях включала в себя значительные силы: два линейных корабля, одиннадцать фрегатов, четыре канонерские лодки и шесть кирлангичей ⁵⁶. «Что капитан Паша с Эскадрою остался в Архипелаге о том чрезвычайно я рад: ибо диверсив и в нынешнее зимнее время точно таков, каков зделан и в летнее; и что сия турецкая предосторожность ни мало не воспрепятствует мне отправить свои суда когда будут готовы в крейсерство все те мне известные места, где удобно можно зделать неприятелю вред а нашей стороне ползу. Кроме вышепомянутого диверсива продолжается таковой же и по всем местам албанским, пирским, ибо начальники тех провинций неоднократно имели фирманы отправиться в армию великого везира; но сумневаясь, чтоб я во время отлучки не зделал нападения на их жилища, остаются в чем и перед портою извиняются. Постараюсь я чтоб и впредь помянутых турецких начальников утверждать в таковом же сумнении и страхе, сие зделаю посредством некоторых в тамошних местах находящихся мне довольно известных персон, с которыми и непрмину иметь о том корреспонденцию» ⁵⁷.

В феврале 1791 г. Псаро докладывал Гиббсу, что, благодаря его деятельности, Капудан-паша с эскадрой до сих пор находится в Архипелаге, а Порта потеряла каравеллу с экипажем в 400 человек. Еще одна каравелла, направлявшаяся к Капудан-паше из Константинополя, разбилась в Калиполи, что нанесло урон турецкому флоту. Кроме того, Псаро удалось и на суше совершить «диверсив, который по справедливости сказать не менее важен и полезен». Османская порта особым фирманом предписывала находившемуся в Албании Али Паше с двадцатью тысячами албанцев срочно следовать в армию великого визира. Об этом, благодаря наличию в тех местах информаторов, равно как и о нежелании Али Паши отправляться в главную армию, Псаро стало известно очень скоро. Действуя с надлежащей быстротой, по предварительной договоренности с Али Пашой, Псаро отправил ему письмо, писанное, якобы, от него ко всем приматам турецких и греческих албанских селений, находящихся по берегам моря, в котором требовал к 1 марта оказать помощь как флотилии, так и тем силам, которые вскоре сюда придут. В противном случае Псаро угрожал разорить и сжечь жилища приматов. Али Паша по получении этого письма, якобы, от приматов, которые просят у него помощи и защиты, переслал его в Константинополь с извинениями в том, что не может выполнить фирман и оставить свои провинции. Этим способом, свидетельствовавшим об изобретательности и стратегическом

мышлении, знании ситуации в Восточном Средиземноморье, высоком уровне дипломатического мастерства, Псаро нанес чувствительный удар Порте, которая лишилась двадцати тысяч албанских воинов, считавшихся лучшими воинами среди ее подданных⁵⁸. Таким образом, Псаро своими усилиями способствовал решению важной внешнеполитической задачи, поставленной Екатериной II — отвлечь внимания султана от главного театра военных действий в Черном море и нанести урон снабжению Константинополя.

Легкая императорская флотилия состояла из девяти судов (три фрегата, пакетбот, три шамбеки, поляка, кирлангич), которыми управляли капитаны Г. Лоренци, Г. Войнович и С. Дешаплет, крейсировавших в Средиземном море. В начале октября 1790 г. Псаро докладывал Гиббсу, что «отправил господина Гульелма в... вояж». Результатов вояжа долго ждать не пришлось. 31 октября 1790 г. Лоренци у острова Родос была захвачена турецкая шебека, следовавшая из Александрии в Салоники. Лоренци оценил само судно как «очень изрядное, большое», а находившиеся на нем товары в 40 тыс. пиастров⁵⁹. Потеря шебеки с грузом нанесла турецкому флоту немалый урон⁶⁰.

Псаро предполагал починить, вооружить шамбеку и отправить ее в крейсерство под командой капитана А. Франчески, «яко человека надежного и к таковым делам способного». Фрегат «Аббонданцу» Псаро планировал оставить для транспорта и магазина, так как в силу установленных Венецией запретов магазин для призных вещей на земле иметь было невозможно. Франчески должен был прибыть с запасом канатов, веревок, парусины для судна, величиною более «Аббонданцы», и с вооружением, снятым с пакетбота⁶¹.

Сам Псаро в это время находился на острове Корфу, куда прибыл для покупки продовольствия для всех судов и корабельных снастей на шамбеку. При этом он потратил все средства и «остался вновь без денег». На Корфу ему пришлось задержаться более двух недель из-за сильного ветра и лихорадки. Он очень беспокоился о своевременной выдаче жалованья служителям флотилии и обещал выплатить его за шесть месяцев, «уважая при том холодное время, и что люди всегда в движении и в работе». В надежде на скорое поступление средств от Гиббса, Псаро не хотел продавать приз, зная, что купцы, как правило, предлагают половину реальной стоимости призных товаров. Он предупреждал, что, если будет вынужден все-таки это сделать, то, во-первых, устроит для продажи комиссию, а, во-вторых, «выручит очень малые денги»⁶².

Поскольку финансовых поступлений из Сиракуз не последовало, Псаро в январе 1791 г. все-таки решился на продажу приза. О цене договорился Лоренци. Осторожный и щепетильный в денежных вопросах, Псаро, как и сообщал ранее Гиббсу, создал комиссию из офицеров флотилии, которые «...наблюдали справедливость в весе и мере вещей», и каждый вел отдельные записи о ходе торгов. Проданные товары, за исключением кофе, стоимостью приблизительно в 20 тыс. пиастров, дали выручку в размере 30 тыс. пиастров, которые были употреблены на выплату жалованья служителям. Таким образом, весь приз оказался стоимостью в 50 тыс. пиастров, а не 40, как прикидывал первоначально Лоренци, что позволило обеспечить всех

служащих на флотилии жалованьем. Что же касается пленных турок, то через посредство французского вице-консула в Превезе они были доставлены в Албанию Али Паше с тем, чтобы он отправил их в Константинополь к французскому послу с письмом Псаро, в котором тот просил посла разъяснить Порте «таковой человеколюбивый поступок от победоносного Ея Императорского Величества происходящий». Конечно, Псаро рассчитывал не только поразить султана великодушием императрицы, он надеялся, что взамен отпущенных им пленников Порта освободит капитана Палатино и стольких людей, сколько будет возможно. Пленных арапов и арапов, которые были куплены турками, и которые были у них «склавами», Псаро решил не отправлять в Константинополь, а оставил «единственно из единого человечества, чтоб освободить из вечного рабства»⁶³.

Деятельность Псаро затрагивала и вопросы эффективности службы офицеров и чести российского флага. Так, в письме Гиббсу от 9 (20) октября 1790 г. он сообщил, что лейтенант С. Телесницкий, командующий фрегатом «Аббонданца», «продал с фрегата некоторое количество пороха и многия новые веревки, на место которых поправляет старья»⁶⁴. Во избежание позора российскому флоту и ущерба казне Псаро удалось замять эту историю, но, не доверяя более Телесницкому, он перевел на «Аббонданцу» капитан-лейтенанта А. Франчески. А драгомана с фрегата «Перфет Алианс» и прапорщика К. Отто Псаро вообще исключил из числа служащих. Первого — за то, «что напрасно только занимал афицерское место», а второго — «за негодные и неспособные качества, о которых стыдно сказать»⁶⁵. Таким образом, следует отметить, что Псаро постоянно заботился об императорской флотилии, ее служащих, чести российского флага, состоянии кораблей, обеспечении флотилии необходимыми снастями и продовольствием.

Поскольку, как уже отмечалось, Псаро в душе продолжал оставаться корсаром, то и сам выходил в крейсерство, когда ему позволяло время. Однажды, выйдя из Занта, он прошел мимо Цефалонии и Корфу, прибыл в Адриатический залив, где лавируя близ турецкой Албании, около Химары 8 августа 1790 г. захватил французское купеческое судно, шедшее из Константинополя с военными припасами к пашам Скутарскому и Авлонскому, припасы забрал, уплатив капитану за их провоз 2300 пиастров и взяв в том расписку. Псаро собирался и далее каперствовать вдоль турецких албанских берегов, надеясь обнаружить там торговые суда дульциниотов. Он не только «удерживал неприятеля в желанном диверсиве», но и старался при этом делать призы, «но призы законные», чтобы возместить казне хотя бы некоторую часть истраченных на флотилию средств⁶⁶.

В феврале 1791 г. Псаро готовил флотилию для отправки в Архипелаг, так как имел известия о готовившейся в нескольких местах погрузке пшеницы для Константинополя⁶⁷. Но сделать этого он не успел. В декабре 1790 г. Г.А. Потёмкин специальным орденом генерал-майору В.С. Тамаре предписал следовать в Триест и принять дела от контр-адмирала Гиббса. Псаро же должен был оставаться «при своем poste, не мешаясь в дела флотилии»⁶⁸. Потёмкин, назначенный Екатериной II руководить морскими силами на Средиземном море, летом 1790 г. всеподданнейше доносил: «поручены дела тамошние мне, но я сообразить не могу и по истине самую правду доношу.

Гипс пьян, Псаро никуды не годится, грабитель греков и не терпим ими. Гвилиelmi стар, католик, разоряет греков и они его не терпят»⁶⁹. Рассмотрим, насколько справедливы были обвинения в адрес Гиббса, Псаро и Лоренци?

Гиббс, профессиональный моряк, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени прошел все ступени службы от гардемарина до вице-адмирала, принимал участие в трех войнах — Семилетней и двух русско-турецких екатерининского царствования, командовал несколькими фрегатами и эскадрами (фрегатами Балтийского флота и императорской казенной флотилией в Средиземном море)⁷⁰. В 1788 г. адмирал С.К. Грейг в письме А.А. Безбородко назвал Гиббса самым достойным из всех контр-адмиралов и предлагал перевести его на службу в Адмиралтейство⁷¹. В свете вышеизложенного обвинения в недостойном поведении Гиббса, посвятившего службе российскому флоту всю жизнь, не могут не вызывать удивления.

Опровергать обвинения Псаро в профнепригодности является, на наш взгляд, излишним, учитывая его боевой, дипломатический и административный опыт, который подтверждается многочисленными источниками. За свою службу в Архипелаге Псаро получил высокую оценку своего непосредственного начальника Гиббса, который отмечал высокий профессионализм Псаро в управлении флотилией, усердие в службе, соблюдение всегда и во всем государственных интересов, поддержание чести российского флага⁷². То, что Псаро — «грабитель греков и не терпим ими» тоже вызывает большие сомнения. Достаточно обратиться к временам первой Русско-турецкой войны и великого княжества Архипелагского, когда Псаро занимал должность генерального депутата от островов. Хотя его назначил на эту должность Спиридов, но утвердили его кандидатуру греки. Жалованье он получал от своего родного острова Микonos, с которым в течение всей жизни сохранял связи. Что же касается корсарства, в ходе которого Псаро захватывал призы, то это были «добрые призы». В архивных документах сведения о грабеже греков Псаро на данный момент не обнаружены.

И, наконец, Лоренци, которого Потёмкин обвинял в «старости»⁷³. Лоренци поступил на русскую службу, будучи успешным мальтийским корсаром, без ведома и разрешения мальтийского адмиралтейства, рискуя навлечь на себя гнев Магистра и Ордена⁷⁴. Его удалось нанять на русскую службу с прекрасным фрегатом, идеально подходившим для каперства, что само по себе уже являлось немалой удачей. А ведь Лоренци, как свидетельствуют документы, еще и успешно служил.

Таким образом, характеристики, данные Потёмкиным офицерам, флагманам российского флота, малыми силами ведшим тяжелую, но успешную войну на Средиземноморском театре военных действий, на наш взгляд, от истины весьма далеки. Впрочем, как отмечал Л.Н. Энгельгардт, «...светлейший князь по странностям его, почитал его (А.В. Суворова. — И.З.) человеком ничтожным»⁷⁵. Такое мнение о Суворове ставит под сомнение отзывы Потёмкина и о других деятелях российской истории.

Однако, несмотря на очевидное несоответствие характеристик реальным качествам Гиббса, Псаро и Лоренци, они были отстранены от управления морскими силами и деятельности в Архипелаге.

Псаро передал все дела по флотилии сменившему Гиббса Тамаре, успешно отчитавшись за все четырнадцать месяцев работы. Видимо, в 1792—1793 гг. он перестал служить во флоте и, сосредоточившись целиком на дипломатической службе, отбыл на Мальту. В 1794 г. он посещал Санкт-Петербург. Возможно, это было связано с работой Комиссии по делам архипелагской флотилии в войне с Османской империей. Комиссия занималась удовлетворением убытков, нанесенных арматорами и освидетельствованием счетов лиц, начальствовавших над флотилией. По поводу употребления казенных сумм у комиссии к Псаро вообще не было никаких вопросов, так как переданная им финансовая документация было в полном порядке. Вопросы были только в рапортах Кациониса: об отобранных у него судах, «похищении знатной суммы денег», нанесении Псаро ему вреда в компании с консулами в Занте, Корфу и Превезе ⁷⁶ и т.п. Псаро ответил письменным объяснением, которое комиссию удовлетворило ⁷⁷.

В 1795—1797 гг. Антон Константинович оставался поверенным в делах на Мальте. 5 апреля 1797 г. в ознаменование заслуг Псаро, Павел I наградил его чином тайного советника ⁷⁸. Летом 1797 г. Псаро выехал из Мальты. Далее следует двадцатилетний период его жизни, который пока не исследован. В начале XX в. считалось, что в 1806 г. он был еще жив ⁷⁹. Е.Б. Смилянская, ссылаясь на А. Блонди, утверждает, что Псаро, проживавший на дарованных ему землях, умер в Таганроге в 1811 году ⁸⁰. Сейчас мы можем с большой долей вероятности утверждать, что умер он в 1822 г. в Триесте, где провел, как минимум, последние несколько лет своей жизни. Чем именно они были заполнены, пока неизвестно. Это вопрос дальнейших исследований, в том числе, в архивах Триеста. Можно предположить, что, прослужив России около сорока лет, Псаро в силу возраста отошел от активной военной и дипломатической деятельности, находя утешение в собственной коллекции живописи.

Впервые имя Псаро, применительно к предметам искусства, упоминается в 1787 г., когда Екатерина II приобрела для Эрмитажа «несколько картин у капитан-лейтенанта Псаро» ⁸¹. Так выяснилось, что Псаро коллекционировал живопись. Картины, количество и наименование которых неизвестны, были куплены у него на сумму в 8700 руб. по рекомендации Безбородко. 17 декабря 1782 г. по «изустному повелению» Екатерины II капитан-лейтенанту Псаро было уплачено 3000 рублей ⁸². 20 января 1783 г. ему поступили «доставшиеся 5700 рублей» ⁸³. Учитывая величину уплаченной Псаро суммы и тот факт, что Екатерина II не приобретала для Эрмитажа второсортную живопись, можно предположить, что эти картины обладали художественными достоинствами.

В последние годы жизни Псаро уделял большое внимание своей коллекции, которая составляла более двухсот пятидесяти произведений живописи. Часть ее он намеревался подарить Эрмитажу. Так, в 1818 г. он преподнес в дар музею четыре картины ⁸⁴. Несмотря на невысокую оценку хранителя картинной галереи Эрмитажа Ф.И. Лабенского, картины были включены в каталог и приняты на хранение в Эрмитаж ⁸⁵.

В 1821 г. Псаро прислал из Триеста на имя Александра I два ящика с тридцатью одной картиной, изъявляя «надежду в благосклон-

ном приеме оных». Картины, преимущественно на религиозную тему, также предназначались для картинной галереи Эрмитажа, но так туда и не попали. По распоряжению императора картины следовало возвратить дарителю. Вопросами возврата картин занимался министр иностранных дел граф И.А. Каподистрия. Однако, поскольку к этому моменту Псаро уже не было в живых, картины некоторое время хранились в кладовой Эрмитажа. Одновременно велись поиски наследников. Других родственников, кроме проживавших в Триесте племянника Алексиса и племянницы Деспины, вероятно, детей брата, которым Псаро завещал свое состояние, обнаружено не было. Поскольку Алексис Псаро в результате неудачных торговых операций лишился не только капитала, оставленного покойным дядей, но и задолжал 15000 гульденов серебром, Деспина Псаро взяла в счет причитающейся ей доли наследства коллекции картин. Всего насчитывалось три живописных коллекции, преимущественно «древних классических художников», хранившихся в Москве у купца Ломбро Пали, в Одессе — у коммерции советника Василия Ксениса и в Императорском Эрмитаже⁸⁶. В 1826 г. картины, пролежавшие в Гардмебле Эрмитажа пять лет, были возвращены племяннице Псаро Деспине⁸⁷, которая, вероятно, была обижена на то, что «Его Величество не благоволил принять...»⁸⁸ картины ее покойного дяди, несмотря на то, что по ее мнению, «одна изображает Божию Матерь, подлинное произведение знаменитого Андрея дель Сарто»⁸⁹.

Пройдя долгий путь службы — от лейтенанта до контр-адмирала⁹⁰ — посвятив служению России около сорока лет, Псаро оставил яркий след в российской военно-морской, дипломатической и культурной истории. Необходимо отметить, что данная работа — лишь первая попытка исследования его жизни и деятельности, а биография Псаро, безусловно, требует, в силу его заслуг перед Россией, дальнейшего комплексного изучения.

Примечания

1. HARLAFTIS G., HERITATOS M., BENEKI H. *Ploto. Greek shipowners from the late 18th century to the eve of World War II*. Athens. 2003, p. 167.
2. CHEVALIER A. *Claude-Carloman de Rulhière, premier historien de la Pologne: sa vie et son oeuvre historique*. P. 1939, p. 348.
3. ЛУРЬЕ В.М. *Морской биографический словарь. Деятели Российского флота XVIII века*. СПб. 2005, с. 218.
4. *Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г.* М. 1948, с. 92.
5. *Первый поход российского флота в Архипелаг, описанный Адмиралом Грейгом. Из собственной его рукописи. — Отечественные записки*. СПб. 1823, ч. XIV, № 37, май 1823, с. 189.
6. *Подвиги капитана Баркова в Морее и взятие древнего Лакедемона, или Спарты, что ныне Мизистра, в 1770 г.* — Северный архив. СПб. 1823, № 22, с. 249.
7. *Первый поход российского флота в Архипелаг, описанный Адмиралом Грейгом*, с. 190—195.
8. *Подвиги капитана Баркова в Морее и взятие древнего Лакедемона...*, с. 256.
9. *Первый поход российского флота в Архипелаг, описанный Адмиралом Грейгом*, № 39, июнь 1823, с. 75—79.

10. Общий морской список. Часть IV. Царствование Екатерины II. К-С. СПб. 1890, с. 619.
11. СТЕПАНОВ В.С., ГРИГОРОВИЧ Н.И. В память столетнего юбилея императорского Военного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия. (1769—1869). СПб. 1869, с. 26, № 139.
12. Высочайший указ Адмиралтейств-коллегии последовал 22 февраля 1773 г., но кавалером ордена Псаро считается с 1771 года. См.: Материалы для истории русского флота. Ч. XII. СПб. 1888, с. 125.
13. Там же, с. 58.
14. ВЕСЕЛАГО Ф.Ф. Краткая история российского флота. М.-Л. 1939, с. 150.
15. Санкт-Петербургские ведомости. СПб. 30.X.1772.
16. Боевая летопись русского флота, с. 100.
17. СМИЛЯНСКАЯ И.М., ВЕЛИЖЕВ М.Б., СМИЛЯНСКАЯ Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М. 2011, с. 152—154.
18. Там же, с. 152—154.
19. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 190, оп. 1, д. 5, л. 427.
20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 10, оп. 1, д. 645, л. 61.
21. СМИЛЯНСКАЯ И.М., ВЕЛИЖЕВ М.Б., СМИЛЯНСКАЯ Е.Б. Ук. соч., с. 509.
22. Материалы для истории русского флота, с. 41.
23. ГРЕБЕНЩИКОВА Г.А. Российские военно-морские силы в Эгейском море в 1770—1774 гг. — Вопросы истории. М. 2007, № 2, с. 122.
24. РГА ВМФ, ф. 42, оп. 1, д. 27, л. 33, 51, 56, 110—110об.
25. Там же, д. 39, л. 3; д. 82, л. 1—1об.
26. Там же, д. 134, л. 93об.—106, 107об.—121.
27. Там же, д. 106, л. 1, 6—6об., 7—7об.
28. Общий морской список, с. 620.
29. Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. СПб. 1890, с. 7.
30. ГАУЧИ Л. Российско-мальтийские морские связи в 1768—1798 годах. В кн.: Сокровища Мальтийского ордена. Девять веков служения вере и милосердию. М. 2012, с. 83.
31. АНДРЕЕВ А.Р., ЗАХАРОВ В.А., НАСТЕНКО И.А. История Мальтийского ордена. М. 1999, с. 88.
32. ВИЛИНБАХОВ Г.В. Знак ордена Святого Иоанна Иерусалимского, Родосского, Мальтийского в российской геральдике. В кн.: Сокровища Мальтийского ордена. Девять веков служения вере и милосердию, с. 261.
33. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. II. М. 1896, с. 266.
34. ПЕРМИНОВ П.В. Под сенью восьмиконечного креста. М. 1991, с. 89.
35. ЛЬВОВ Н.А. Избранные сочинения. СПб. 1994, с. 335.
36. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб. 1886, с. 475.
37. ВИЛИНБАХОВ Г.В. Ук. соч., с. 262.
38. АЛЯБЬЕВ А. Сношения России с Мальтийским Орденом. Ч. 1. По документам Московского Главного Архива Министерства Иностранных дел. — Сборник Московского главного архива МИД. М. 1892, вып. V, с. 213.
39. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года, с. 477, 480—481.
40. Материалы для истории русского флота, ч. XIII, с. 194.
41. ПЕРМИНОВ П.В. Ук. соч., с. 91.
42. ANDERSON M.S. Russian in the Mediterranean, 1788—1791: A little-known chapter in the history of naval warfare and privateering. — The Mariner's Mirror. XLV. 1959, p. 26.
43. ГАУЧИ Л. Ук. соч., с. 90.
44. Материалы для истории русского флота, ч. XIII, с. 247, 249.
45. Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768—1796 гг.). СПб. 1869, с. 183—185.
46. РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 150.
47. Материалы для истории русского флота, ч. XIII, с. 282.

48. Там же, с. 508—509.
49. Там же, с. 529.
50. Там же, с. 282.
51. ГРЕБЕНЩИКОВА Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. Т. II. СПб. 2012, с. 104.
52. В Средиземном море в период Русско-турецкой войны действовали две флотилии: императорская казенная, о которой идет речь в статье, и основанная на арматорском праве под командованием майора Лаброса Кацониса. Об этой флотилии см.: ПРЯХИН Ю.Д. Полковник и кавалер Ламброс Кацонис (Качони) в боевой летописи флота России. СПб. 1999; ЕГО ЖЕ. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов. СПб. 2011.
53. ГРЕБЕНЩИКОВА Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II, с. 310.
54. РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 122 (Уведомления о флотилии от генерал-майора Псаро к вице-адмиралу Гибсу).
55. Там же, л. 4, 33об.
56. ГРЕБЕНЩИКОВА Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II, с. 317.
57. РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 122, л. 22об.—23.
58. Там же, л. 13—13об.
59. Там же, л. 33, 35—35об.
60. ГРЕБЕНЩИКОВА Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II, с. 323.
61. РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 122, л. 36об.—37об.
62. Там же, л. 20—22.
63. Там же, л. 12—12об.
64. Там же, л. 1об.
65. Там же, л. 1об. — 2, 3.
66. Там же, л. 29—30об.
67. Там же, л. 12об.
68. Бумаги князя Г.А. Потёмкина, 1790—1793. Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. СПб. 1895, с. 202—203.
69. Там же, с. 122.
70. Русский биографический словарь. М. 1916, с. 170—171.
71. Материалы для истории русского флота, ч. XIII, с. 364.
72. РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 161—161об.
73. Г.А. Потёмкин, Г. Лоренци, А.К. Псаро, С.С. Гиббс практически являлись ровесниками. Так, Потёмкин родился в 1739 г., Лоренци — в 1734 г., Псаро поступил на русскую службу в 1764 г., Гиббс поступил в Морской кадетский корпус в 1754 году.
74. ГАУЧИ Л. Ук. соч., с. 90—91.
75. ЭНГЕЛЬГАРДТ Л.Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М. 1859, с. 53.
76. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 994, оп. 2, д. 25, ч. 1, л. 43об. — 44.
77. РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, д. 34, л. 163об.
78. Сенатский архив. Т. 1. Именные указы Павла I. СПб. 1888, с. 144.
79. Русский биографический словарь. СПб. 1910, с. 111.
80. СМЛЯНСКАЯ И.М., ВЕЛИЖЕВ М.Б., СМЛЯНСКАЯ Е.Б. Ук. соч., с. 87.
81. ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГ В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа. Л. 1986, с. 106.
82. РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 3897, л. 255об.
83. Там же, д. 3898, л. 82об.
84. Там же, ф. 519, оп. 1, д. 626, л. 1—2.
85. Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ), ф. 1, оп. II, 1818, д. 10, л. 33.
86. РГИА, ф. 519, оп. 4, д. 493, л. 5—9, 10—11.
87. АГЭ, ф. 1, оп. II, 1821, д. 17, л. 8—9.
88. РГИА, ф. 519, оп. 4, д. 493, л. 19.
89. Там же, л. 12.
90. ГРЕБЕНЩИКОВА Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II, с. 310.

Как готовили революцию 1905 г.

С.А. Нефёдов

Остаток ночи после совещания с меньшевиками и эсерами Гапон провел на квартире председателя Невского отдела Н.П. Петрова. Сопровождавшую его охрану он хотел отпустить, но рабочие отказались расходиться и ночевали в расположенном неподалеку отделе «Собрания»¹. Утром 8 января Гапон снова занялся петицией. И.И. Павлов вспоминал, что «начисто переписывалась петиция 8-го января утром, причем Гапон ту квартиру, где петиция переписывалась, формальным образом защищал и самолично стоял у дверей, никого в квартиру не пуская»². Около 11 час. отпечатанная на пишущей машинке петиция была разослана по отделам «Собрания» с наказом прочитать ее рабочим. Затем Гапон сам поехал в отделы.

«В эти же дни он лично объехал все отделы, — писала Л.Я. Гуревич. — Он говорил с возрастающим возбуждением и страстью, все более поднимая настроение толпы. Он надорвал себе голос, еле держался на ногах, но продолжал ездить и говорить до последнего часа — до позднего вечера 8 января. По-видимому, речи его не везде были одинаковы по тону и, скорее всего, зависели от степени подготовленности толпы. В некоторых отделах он говорил спокойно, придавая толпе уверенность в успехе. В других намекал на возможность неуспеха, предстоящие опасности, допуская, что царь может отказаться принять и выслушать свой народ. Эти речи он заканчивал словами: “И тогда нет у нас царя”. “И тогда нет у нас царя, — как эхо откликалась толпа. — Все умрем! Клянемся стоять все до одного. Батюшка, благословляем тебя на подвиг, веди нас!”» «Все были в восторженном состоянии, — рассказывают свидетели. — Многие плакали, топали ногами, стучали стульями, колотили кулаками в стены и, поднимая руки вверх, клялись стоять до конца»³.

«Гапон, увлеченный стихией, заговорил ее языком, стал выражать ее желания, светить ее красотой, — свидетельствовал Рутенберг. — Все тянулось к нему. По первому слову, его слову, готово было

Окончание. Начало см.: Вопросы истории. 2015. №№ 6—7, 9.

идти на муки, на смерть, на все»⁴. «Названный священник приобрел чрезвычайное значение в глазах народа, — писал 8 января прокурор Петербургской судебной палаты Э.И. Вуич. — Большинство считает его пророком, явившимся от бога для защиты рабочего люда. К этому уже прибавляются легенды о его неуязвимости, неуловимости и т.п. Женщины говорят о нем со слезами на глазах. Опираясь на религиозность огромного большинства рабочих, Гапон увлек всю массу фабричных и ремесленников, так что в настоящее время в движении участвует около 200 тыс. человек...»⁵ «По имеющимся данным, Гапон пользуется среди рабочих репутацией человека сверхъестественного, — констатировалось в полицейском отчете, — рабочие поражены грандиозными размерами забастовки и считают, что это удалось ему благодаря какой-то сверхъестественной силе»⁶.

Чем же объяснялся успех Гапона? Современники свидетельствуют, что петицию читали разные ораторы, но она производила один и тот же впечатляющий эффект⁷. По словам эсера В.Ф. Гончарова, петиция была документом, производившим огромное воздействие на рабочую массу: «Наконец, петиция прочитана, весь зал был наэлектризован до последней крайности, и каждый клянется, что ему не жаль пожертвовать собою, и все выходят преображенные, святые»⁸. Меншевик И.Н. Кубиков вспоминал: «Составлена была эта петиция талантливо в смысле приспособления ее стиля к уровню и настроению петербургских рабочих масс того времени, и ее неотразимое действие на самого серого слушателя с полной очевидностью отражалось на лицах рабочих и их жен»⁹.

«Вот почему так увлекались Гапоном, — вспоминал журналист А. Филиппов, — он выступал в рясе, с крестом. Он говорил так смело, как никто до тех пор... он предлагал средства к улучшению быта рабочих — и страдавшаяся масса верила, ибо мы всегда готовы верить, что выйдем когда-нибудь из цепких лап ужаса, нищеты и духовной тьмы»¹⁰.

Секрет успеха Гапона заключался в содержании его проповеди, он читал выжимающую слезу петицию и предлагал простое лекарство от бед: всем миром принести «челобитную» «царю-батюшке». «Мы, рабочие города С.-Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению! Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук»¹¹.

Рабочие верили, что царь-батюшка выйдет к своим детям. «В записях свидетелей... — отмечала Гуревич, — особенно бросается в глаза восторженная, цельная вера в царя. Один рабочий пишет: “Все говорили: пойдем к отцу и скажем ему, как мучают нас наши обдиралы. Скажем ему: отец, прими нас, мы пришли к тебе, помоги нам, т.е. детям твоим; мы знаем, ты рад жизнь отдать за нас и только живешь для нас, но ты ничего не знаешь, как бьют и мучают нас, как мы голодаем...”»¹²

Правда, в петиции присутствовали и непонятные для многих рабочих слова, вроде «Учредительного собрания», но Гапон иногда выпускал эти места петиции, а иногда говорил вместо «Учредительное собрание» «всенародное собрание»¹³. Большевики удивлялись: стоит в выступлении коснуться самодержавия, как рабочие кричат: «Это нам ни к чему, самодержавие нам не мешает!». Хотя в речах, которые произносятся гапоновцами, говорится об Учредительном собрании, они говорят, что «это означает не свержение самодержавия, а приближение царя к народу»¹⁴. Таким образом, большинство рабочих либо не знало о политических лозунгах петиции, либо не понимало их смысла.

Надежды рабочих подкрепляло то обстоятельство, что власти не предпринимали никаких действий, чтобы прекратить многолюдные собрания. Отсюда как будто вытекало, что собрания, на которых произносились, в том числе, и антиправительственные речи, разрешены кем-то сверху. Один из петербургских полицмейстеров писал, что «в дни, предшествовавшие 9 января, рабочие собрания шли непрерывно... шла явно революционная пропаганда, но мер, как говорилось, по приказу министра, не принималось никаких»¹⁵.

Власти «проснулись» лишь к вечеру 8 января. На улицах были срочно расклеены объявления градоначальника Фуллона о том, что «к устроителям всяких массовых беспорядков будут приняты предписываемые законом меры, с применением в случае необходимости военной силы»¹⁶. Как вспоминал свидетель событий, врач Дьячков, «народ думал, если будут вызваны войска, то это на всякий случай, если бы кто стал безобразничать, хулиганить, выкидывать красные флаги и т.п. Но верноподданному народу не приходило на ум заниматься такими преступными вещами, и потому общее настроение, убеждение, судя по слухам, у народа было таково, что стрелять не будут, к царю допустят. Я даже слышал такую версию, будто бы идущую из народа, что для выборных из народа царем будет приготовлено в Зимнем дворце парадное угощение на 40 или на 60 человек»¹⁷. «Нам никогда не представить, — писал французский журналист Э. Авенар, — с какой детской доверчивостью большая часть рабочих приняла участие в шествиях, которые в воскресенье утром со всех сторон направлялись к Зимнему дворцу: “Ведь войска, конечно, пропустят их; царь не может не принять...”»¹⁸.

Гапон тоже надеялся на лучший исход, но, с другой стороны, ощущал грозящую ему опасность. Днем он собрал свой штаб на квартире купца Михайлова и перед началом заседания предложил всем сфотографироваться «на прощанье». Это вызвало беспокойство «штабных», и Гапон начал всех успокаивать, мол «никому не грозит опасность, кроме него, что он чувствует, что его убьют или арестуют»¹⁹. Затем он стал рассказывать о своем визите к Муравьеву и о встрече с Фуллоном, произошедшей еще 4 января. Очевидно, «штабные» были не в курсе многих важных деталей происходящих событий. На вопрос «как он думает, будут стрелять или нет, и примут ли? Гапон ответил, что стрелять не будут и примут. Тогда его спросили, что делать, когда начнут стрелять. Он говорил: “Тогда бейте все и громите, и после окончательного поражения, кто сумеет, удирай, кто куда может”»²⁰.

«Сопоставляя с этим передаваемые Гапоном слова градоначальника о неприкосновенности депутации, я думал, что идти за Гапоном

можно», — рассказывал в полиции В.А. Иноземцев ²¹. Однако на совещании речь шла и о приготовлениях на случай столкновений с войсками, причем выяснилось, что эсеры так и не прислали оружие, но через Михайлова удалось достать 20 револьверов ²². Кроме того, Гапон написал письмо Мирскому, в котором уверял министра в мирном характере шествия — и все «штабные» подписались под этим письмом. Видимо, тогда же было написано письмо к Николаю II, в котором Гапон убеждал царя выйти к народу, гарантируя его безопасность «ценой собственной жизни» ²³.

После совещания Гапон вместе со своим штабом отправился фотографироваться в ателье, но по дороге двое из «штабных» (Янов и Климов) умышленно отстали. «Мы увидели, что затевается что-то опасное», — рассказывал впоследствии В.А. Янов ²⁴. Сфотографировавшись, гапоновцы «распрощались с поцелуями и уехали по домам и больше уже не видали друг друга» ²⁵. Гапон отправился в Нарвский отдел, где он выступал до семи часов вечера, а затем встретился с журналистом Филипповым в какой-то квартире на Измайловском проспекте. «Он был простужен, весь лихорадочно трепетал и пил без конца воду с лимоном, либо квас... — вспоминал Филиппов. — И в долгих речах... он жаловался на отсутствие помощников с организационными способностями, на свое одиночество и на возможность неудачи шествия, назначенного на 9-е января... Но у самого его уже не было отступления. И кажется, в этот день единственно... чего он истинно желал — это чтобы какие бы ни было внешние силы, но помешали осуществлению плана...» ²⁶

Гапон плохо разбирался в политике и поначалу, действительно, как писала «Искра», «не вполне понимал, куда и на что он идет» ²⁷. Теперь он стал понимать лучше — и в растерянности предпринимал все возможное, чтобы избежать столкновения. Узнав, что Филиппов увидится вечером с личным секретарем императрицы Марии Фёдоровны князем Шервашидзе, он стал упрашивать его «ехать к нему немедленно и представить все положение дел угрожающим и повлиять на то, чтобы не было никаких насилий со стороны полиции, и народ мог увидеть Государя, которому Гапон лично и в почтительных выражениях передает верноподданнические просьбы» ²⁸.

Еще раньше Гапон «послал Кузина к известным либералам, в том числе и к Максиму Горькому, с просьбой сделать, что можно, чтобы предотвратить кровопролитие» ²⁹. Кузин должен был сначала отвезти в Министерство внутренних дел петицию и письмо к Мирскому. В министерстве ему ответили, что Мирский отсутствует, и, передав документы, Кузин отправился в редакцию «Наших Дней».

Как отмечалось выше, редакция «Наших Дней» состояла по большей части из членов «Комитета», организованного по решению Парижской конференции, в том числе, с целью «к концу января создать грандиозные уличные беспорядки с участием рабочих масс» ³⁰. Среди известных полиции членов «Комитета» были М. Горький, Н.Ф. Анненский, А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, Е.И. Кедрин и В.И. Семевский ³¹. Всех этих лиц Гапон перечисляет в своих «Записках» среди «либералов», к которым он направил свою просьбу. До этого Гапон вел переговоры с другой группой либералов — с так называемой «Большой группой», которую возглавляли В.Я. Богучарский, С.Н.

Прокопович и Е.Д. Кускова. Обе организации, «Комитетская группа» и «Большая группа», действовали согласованно. Это доказывает тот факт, что после ареста «Комитет» передал свои функции «Большой группе». Однако в то время, как «Большая группа» была на виду, «Комитет» (согласно парижским договоренностям) действовал законспирировано. Одно из полицейских донесений говорит о том, что поначалу в «Комитете» считали забастовку преждевременной и пытались «локализовать» начатое Гапоном движение, но потом решили им воспользоваться³². О встречах членов «Комитета» с Гапоном до 9 января практически ничего не известно — если они были, то происходили тайно. Поначалу «Комитет» действовал через Матюшенского (который был корреспондентом «Наших Дней»), а потом на квартиру Горького стали приходиться от Гапона связные, среди которых был Кузин³³. Связь поддерживалась также через Рутенберга, который, как выражался Горький, был «учителем и другом попа»³⁴. Очевидно, что Рутенберг действовал не один, а вместе с «Комитетом»; «Комитет» же опирался на моральный авторитет Горького. Директор Департамента полиции А.А. Лопухин в своей записке отмечает, что перед 9 января в полицию стали поступать «агентурные сведения на сношения “Комитета” со священником Гапоном и его организацией»³⁵. Поступали также сообщения о постоянных совещаниях членов «Комитета» на квартире Горького. Днем 8 января в Министерство внутренних дел сообщили по телефону, что вечером к Мирскому прибудет делегация «по делам громадной важности» во главе с Горьким (а также Арсентьевым и Кареевым). Мирский приказал передать, что он в это время будет у императора в Царском Селе, но вместо него депутацию примет товарищ министра генерал К.Н. Рыдзевский³⁶.

Таким образом, когда Кузин появился в редакции «Наших Дней», там уже готовили депутацию к Мирскому. Но члены «Комитета» ждали не Кузина, а Гапона³⁷ — очевидно, с ним была договоренность на этот счет, и он должен был войти в состав депутации. Кузин сообщил присутствующим, что рабочие уже не требуют, чтобы царь предстал перед ними на Дворцовой площади: они согласны, если их депутацию примут в Царском Селе³⁸. Это была важная уступка Гапона, которая могла бы облегчить компромисс с властями.

В редакции «Наших Дней» было многолюдно, и обсуждение напоминало митинг. «Все понимали, что начинается долгожданная революция», — вспоминал один из присутствовавших на собрании³⁹. Раздавались призывы послать депутатов к Гапону, чтобы условиться с ним и действовать совместно. Одни предлагали ехать в казармы и убеждать офицеров и солдат не стрелять в толпу, другие — издать бесцензурный номер газеты с прокламациями для рабочих. Несколько человек отправились разыскивать Гапона по городу и, вернувшись, сообщили, что увидеть его самого им не удалось⁴⁰. Видный эсер С.Д. Мстиславский вспоминал, что «большинством выступавших высказывалась твердая уверенность, что мирное гапоновское шествие неизбежно приведет к столкновению с властями и может развернуться в дальнейшем в восстание. На этот случай выражали готовность поддержать его всеми имеющимися в распоряжении представленными на совещании организаций средствами. Более того: для

общего руководства... был избран особый комитет из трех членов, облеченный неограниченными полномочиями»⁴¹.

Одна из полицейских записок подтверждает, что на совещании был создан некий комитет, но путает этот «особый комитет» с «парижским» «Комитетом»⁴². Присутствовавший на этом собрании Матюшенский также говорит об избрании «комитета общественной безопасности... с функциями временного правительства». После создания комитета речь зашла о вооружении рабочих, и Матюшенский доложил, что у рабочих оружия «весьма небольшое количество, а, главное, настроение масс не боевое: принести себя в жертву они готовы все, а в бой пошли бы весьма немногие»⁴³. В итоге «комитету общественной безопасности» было поручено организовать через Матюшенского доставку оружия рабочим.

Спустя некоторое время, на собрание пришел видный либерал, редактор журнала «Право» И.В. Гессен и рассказал о своей встрече с председателем кабинета министров С.Ю. Витте и о том, что Витте предложил Гессену прибыть к нему «с кем-нибудь из осведомленных лиц». После этого присутствовавшие сформировали депутацию для переговоров с Мирским и Витте. В состав делегации, кроме Гессена, вошли все известные полиции члены «Комитета» и еще два постоянных участника совещаний на квартире Горького (К.К. Арсеньев и Н.И. Кареев). В депутацию включили и Кузина, который выступал в качестве представителя Гапона⁴⁴.

Вначале депутация отправилась в Министерство внутренних дел и в отсутствие Мирского была принята генералом Рыдзевским. «К нам вышел сурового вида военный генерал, — вспоминал Кареев, — принял нас стоя, выслушал, зачем мы явились, но ограничился упреком нам, как будто мы-то сами и взволновали рабочих: лучше-де не мутить народ, чем хлопотать по поводу самими затеянного»⁴⁵.

Беседа с Витте была более продолжительной. Д.Ф. Пешехонова писала со слов своего мужа: «Они явились к министру ночью с просьбой, скорее требованием, отменить подготовляемое военное нападение на ожидаемую в воскресенье демонстрацию безоружных рабочих... Первым говорил В.И. Семевский. Он как историк указывал, что такие правительственные распоряжения неизбежно заканчиваются революцией...»⁴⁶ Горький тоже предупреждал, что «если завтра прольется кровь — они дорого заплатят за это»⁴⁷. Витте прекрасно понял суть этого заявления, и с его слов в излагавшей ход событий записке Лопухина было дважды зафиксировано, что депутаты заявляли об угрозе «открытого сопротивления войскам»⁴⁸. Какова была цель депутации? Очевидно, она старалась побудить власти отказаться от военных мер — и, следовательно, вступить в переговоры. Вступить в переговоры с «Комитетом» и с представителем Гапона Кузиным. Недаром во время собрания известный народник В.В. Водовозов призвал присутствующих ответственно подойти к формированию депутации, потому что «мы ведь не знаем, какую роль депутации придется сыграть»⁴⁹. Разумеется, переговоры велись бы вокруг предъявленных в петиции требований, а в петиции содержались, в частности, требования созыва Учредительного собрания и «прекращения войны по воле народа». Напомним, что последнее требование было пожеланием финансировавшего Парижскую конференцию японского генштаба.

Однако Витте ничего не мог сделать, даже если бы захотел. Он был «не у дел», его даже не пригласили на вечернее заседание, на котором решался вопрос о мерах по предотвращению «беспорядков». «Я им ответил, что дела этого совсем не знаю и потому вмешиваться в него не могу... — вспоминал Витте о визите депутации, — кроме того, оно до меня, как председателя комитета министров, совсем не относится. Они ушли недовольные, говоря, что в такое время я привожу формальные доводы и уклоняюсь»⁵⁰. Впрочем, Витте позвонил по телефону Мирскому (который к тому времени вернулся из Царского Села) и спросил, не примет ли он депутацию, так как «он не знает, что с ними делать». Мирский ответил, что «их желание неисполнимо, поэтому ни к чему приезжать»⁵¹. Впоследствии Витте писал: «... если бы я был во главе правительства, то... я бы дал совет, чтобы Его Величество уполномочил или главу правительства или одного из генерал-адъютантов взять это прошение и предложить рабочим разойтись, предупредив, что прошение это будет рассмотрено и по нему последуют те или другие распоряжения. Если же рабочие не разошлись бы, то, конечно, я употребил бы против них силу»⁵².

Депутация вернулась в редакцию «Наших Дней» после двух часов ночи; было уже 9 января — начиналось «Кровавое воскресенье». Собрание в редакции еще продолжалось, оно выслушало депутатов, но не приняло никакого решения. Договорились только отправить «разведчиков» в рабочие кварталы и собраться утром в Тенишевском училище⁵³. Нельзя сказать, что собравшиеся были расстроены неудачей депутации. Один из «видных и многоопытных политиков» уже на улице высказал мнение, что «даже очень хорошо, что будут стрелять в этих баранов». «Это нам очень на руку, — сказал политик, улыбаясь. — Послезавтра нас будут слушать так внимательно, как никогда не слушали. Такова диалектика истории»⁵⁴.

«Комитет» во время своих заседаний на квартире Горького, конечно, рассматривал различные варианты развития событий. Одним из них были переговоры с властями, другим — «расстрел баранов» и последующие массовые беспорядки. Матюшенский прямо признавал, что составленная им петиция была рассчитана именно на второй вариант. «Мой грех, — писал он, — это знаменитая петиция рабочих на имя царя, в результате которой получилось кровопролитие не только в Санкт-Петербурге, но и во всей России. Я ее написал по предложению Гапона, в полной уверенности, что она объединит полусознательную массу, поведет ее к царскому дворцу, и тут, под штыками и пулями, эта масса прозреет, увидит и определит цену тому символу, которому она поклоняется»⁵⁵.

Правительство прекрасно видело присутствовавшие в петиции провокационные моменты. Мирский особо обратил внимание на то, что «она касается почти исключительно политических вопросов, между прочим, чтобы по воле народа был заключен мир и чтобы церковь была отделена от государства, чтобы был общественный контроль над правительством... чтобы государь сделал все это, а не только говорил, чтобы он принял из рук рабочих их петицию — “обещай и поклянись, а то прольется кровь”»⁵⁶. Как должен был реагировать всемогущий император на такое требование: «Обещай и поклянись, а то прольется кровь»?

Понятно, что в такой форме петиция была неприемлема для правительства, но, тем не менее, необходимо разобраться в том, почему властями было принято решение о применении военной силы. Основой для этого решения были донесения полиции о готовящихся беспорядках. В рапорте от 8 января сообщалось, что «по полученным агентурным сведениям, предполагаемым на завтра по инициативе отца Гапона шествием на Дворцовую площадь забастовавших рабочих намерены воспользоваться революционные организации столицы для производства противоправительственных демонстраций. Для этой цели сегодня изготавливаются флаги с преступными надписями, при этом флаги эти будут скрыты до того момента, пока против шествия рабочих не станет действовать полиция, тогда, воспользовавшись замешательством, флагоносцы выкинут флаги, чтобы создать обстановку — что рабочие идут под флагом революционных организаций. Затем социалисты-революционеры намерены воспользоваться беспорядками, чтобы разграбить оружейные магазины на Большой Конюшенной улице и Литейном проспекте»⁵⁷. Как доносил пристав Шлиссельбургского участка, «в 7 отделении “Собрания” члены такового... решили явиться на площадь вооруженными и оказать полиции и войскам сопротивление»⁵⁸. Градоначальник Фуллон, суммируя поступавшие донесения, писал, что «настоящим положением пользуются и социалистические партии разных фракций, распространяющие среди рабочих прокламации, призывающие их к настойчивости в своих требованиях и к ниспровержению существующего государственного строя, защищающего интересы фабрикантов. Общее настроение среди рабочих все более и более возбужденное, причем многие главари этого движения заявляют, что в случае отказа в удовлетворении их требований, будут выкинута красные флаги, как знак начала беспорядков и насильственных действий»⁵⁹.

Далее мы увидим, что «главари» не собирались ждать «отказа в удовлетворении их требований» — они сразу же, в начале демонстрации, выкинули красные флаги. Некоторые группы собирались напасть на правительственные учреждения, а Рутенберг в тайне от Гапона планировал покушение на царя. Вот что писал об этом жандармский генерал А.В. Герасимов: «Внезапно я спросил его, верно ли, что 9 января был план застрелить государя при выходе его к народу? Гапон ответил: “Да, верно. Было бы ужасно, если бы этот план осуществился. Я узнал о нем гораздо позже. Это был не мой план, а Рутенберга...”»⁶⁰

Около 6 час. вечера у Мирского состоялось совещание по вопросу об ожидавшемся шествии. Один из участников событий вспоминал, «что князь Мирский высказал, что представлялось бы, по его мнению, возможным объясниться с рабочими, когда они явятся на площадь Зимнего дворца, растолковать им, что такая бесформенная толпа не может быть принята, и предложить им избрать депутацию. Против этого горячо восстали Муравьев и Коковцов, и князь Мирский перестал настаивать; было решено скопища рассеять»⁶¹.

Такое решение еще не означало, что войска будут обязательно стрелять в демонстрантов; дело могло ограничиться использованием кавалерии. Впрочем, практика использования огнестрельного оружия против демонстрантов и забастовщиков в те времена была довольно

обычной, но, так сказать, в ограниченных масштабах: число убитых обычно не превышало десятка. Разумеется, никто не предполагал, что жертв «Кровавого воскресенья» будет так много.

После заседания генерал Рыздзевский отправился в департамент полиции и там подписал приказ об аресте Гапона. Но Гапон не был арестован, потому что, как объяснял Фуллон, он ночевал среди рабочих, и арест был невозможен без серьезного сопротивления. По другой версии, градоначальник не считал себя вправе нарушить данное Гапону слово не подвергать его аресту ⁶².

Мирский после совещания отправился в Царское Село. Герасимов свидетельствует, что в тот день «до позднего вечера в окружении государя не знали, как поступить. Мне передавали, что Государь хотел выйти к рабочим — но этому решительно воспротивились его родственники во главе с великим князем Владимиром Александровичем» ⁶³. Мирский показал Николаю II петицию, что, видимо, и решило дело. Царь отказался от своего намерения и возложил поддержание порядка в столице на Владимира Александровича (который был командующим Петербургским военным округом). Тем не менее, военное положение решили формально не вводить, так как Кокцов опасался падения курса русских ценных бумаг. Мирский вспоминал, что «государь был совершенно беззаботен» ⁶⁴, — видимо, он не осознавал серьезности положения. После отъезда Мирского Николай II записал в своем дневнике: «8-го был Мирский с докладом. Рабочие ведут себя спокойно, во главе какой-то священник-социалист» ⁶⁵.

По возвращении Мирский совещался с Рыздзевским, Фуллоном, Лопухиным и командиром гвардейского корпуса князем Васильчиковым. Обсуждалась диспозиция войск. 8 января в Петербург прибыло 20 рот и 15 эскадронов, к утру ожидалось прибытие еще 20 рот ⁶⁶. Ночью город фактически оказался на военном положении — повсюду были размещены войска. Перед военными была поставлена задача не допустить демонстрантов в центр города, к Зимнему дворцу. Солдатам раздали патроны, а офицерам предоставили возможность действовать по усмотрению — то есть, в случае необходимости они могли приказывать солдатам стрелять в толпу ⁶⁷. Полиция, со своей стороны, приказала дворникам запереть ворота и калитки и предупредить жителей не выходить на улицу, «так как будут приняты решительные меры к подавлению беспорядков». Все свободные городские были собраны в участковых управлениях, откуда на улицы выслались патрули ⁶⁸.

В ночь на 9 января были произведены превентивные аресты готовившихся к действиям революционеров. В Петербурге была арестована группа Константина Леошкевича — та самая эсеровская группа, которая направила своих представителей на встречу с Гапоном в ночь на 8 января. Всего было задержано 12 чел., у них нашли два револьвера, красные знамена, множительную технику и кипы прокламаций ⁶⁹. Много арестов было в Москве — вероятно, полиция пыталась разом накрыть всю известную ей сеть партийцев ⁷⁰. Из социал-демократов в Петербурге было арестовано только трое, причем у них ничего не нашли ⁷¹.

Между тем, вечером 8 января социал-демократы, большевики и меньшевики, наконец, встретились на квартире Горького и догово-

рились о совместных активных действиях во время предстоящего шествия ⁷². Вождь большевиков Гусев писал, что было решено идти вместе с толпой к Зимнему дворцу с целью превратить шествие в «грандиозную демонстрацию» ⁷³. Распространявшиеся 8 января листовки социал-демократов призывали рабочих к вооруженному восстанию и революции, а солдат — к переходу на сторону рабочих ⁷⁴. «8-го числа Центральная группа постановила принять самое решительное участие в движении 9 числа, — писал жандармский генерал А.И. Спиридович, — и когда в этот день рано утром началось с пяти сторон Петербурга движение рабочих толп к дворцу — социал-демократы сделали все зависящее от них, чтобы придать шествию рабочих революционный характер. Благодаря им, среди серой массы рабочих, наивно думавших, что их ведут для подачи челобитной к Государю о их нуждах, виднелись в некоторых местах красные флаги, раздавались революционные песни, разбрасывались прокламации, слышались угрозы по адресу монарха» ⁷⁵.

Гапон решил идти с колонной Невского отдела — путиловцами. Когда утром он появился на месте сбора, к нему подошел Рутенберг и спросил, есть ли у него какой-нибудь план дальнейших действий. Плана не оказалось, тогда Рутенберг взял инициативу в свои руки. «Наскоро план был составлен, — описывает события корреспондент «Революционной России», — определены направления, по которым идти, стали изготавливать флаги... был составлен список оружейных лавок, находящихся по дороге, составлено ядро из наиболее верных людей для охраны Гапона во время шествия, посланы с утра же в город достать хоть несколько револьверов и т.д... В 11 часов собравшимся было сказано, что у Нарвских ворот стоят войска... что если войска будут стрелять, то пробиться во чтобы то ни стало, обезоружить солдат, порвать проволоки, позади себя не оставлять ни одной казармы, ни одного участка. Были указаны адреса оружейных лавок, был дан маршрут, вызваны были люди повернее и с оружием» ⁷⁶.

В 11 час. процессия тронулась. Впереди шел Гапон, «он поднимал крест перед собой — словно вел этих людей в землю обетованную... Слева от него шел... Васильев с большим деревянным распятием в руках, справа — социалист Рутенберг. За ними следовала группа рабочих с портретами царя, хоругвями, распятиями и образами» ⁷⁷. Гапон вспоминал, что «процессия двигалась под мощное пение “Спаси, Господи, люди твоя”, причем, когда доходило до слов “императору нашему Николаю Александровичу”, то представители социалистических партий неуместно заменяли их словами “спаси Георгия Аполлоновича”, а другие повторяли: “Смерть или свобода”» ⁷⁸.

Полиция ожидала беспорядков, но ее не предупредили относительно «крестного хода» и, подчиняясь традиции, полицейский наряд по собственной инициативе пошел впереди процессии, освобождая для нее дорогу ⁷⁹. Картину дополняет рассказ Д.Н. Любимова: «Он (Гапон. — С.Н.) шел, окруженный ближайшими своими сотрудниками, рядом с ним — инженер Рутенберг с партийными представителями, главным образом, из учащейся молодежи, которые делали все возможное, чтобы придать шествию революционный характер. В некоторых местах виднелись красные флаги, в хвосте пели революционные песни. Группа социал-демократов немедленно вступила в рез-

кие пререкания с офицером и жандармскими чинами, вышедшими навстречу процессии. Дело осложнилось тем, что какой-то студент... обратился к солдатам с речью, убеждая их не слушать офицеров и примкнуть к шествию»⁸⁰. Тогда офицер приказал конно-гренадерскому эскадрону разогнать толпу. Как говорит полицейское донесение, эскадрон, «направившись в толпу, разделил ее на две части, причем кто-то из рабочих ударил вахмистра образом по голове, а в другого нижнего чина был произведен выстрел из револьвера. Когда эскадрон прошел через толпу, то последняя, сомкнувшись, двинулась дальше. Вследствие этого начальник пехотной части протрубил несколько раз боевой сигнал, а затем четыре раза скомандовал “к прицелу”, после чего был дан первый залп»⁸¹.

В других колоннах, двигавшихся к Зимнему дворцу, не несли икон и не пели «Спаси, Господи, люди твоя». Горький и его друзья-большевики шли с колонной Выборгского отдела; они первыми, как рассказывал писатель, стали кричать «Долой самодержавие!» и подняли красный флаг, который Горький сохранил после расстрела⁸². В колонне Невского отдела вооруженные эсеры вышли в голову колонны, и, ведя толпу, сумели пробиться к Зимнему дворцу. По дороге они рвали телеграфные провода и рубили столбы. Как только началось шествие, на Васильевском острове революционеры начали строить баррикаду, над которой был водружен красный флаг⁸³. Очевидно, целью революционеров, независимо от действий полиции, было спровоцировать столкновения — тактика, характерная для революции 1848 года. Во время кавалерийских атак на толпу эсеровские боевики стреляли во всадников из револьверов⁸⁴, затем революционеры стали громить оружейные магазины и вооружать народ. На Васильевском острове было сооружено одиннадцать баррикад, но после непродолжительного сопротивления они были взяты войсками штурмом⁸⁵. У восставших было слишком мало оружия; бомбы, обещанные социал-революционерами, оказались пустым обещанием. «Со всем уж плохо было то, — писал Невский, — что с.-р., зная свою слабость, обещали то, что выполнить не могли»⁸⁶.

Конечно, гапоновское шествие не было заранее спланировано революционерами, они лишь пытались использовать его в своих целях. Тем не менее, «Комитетская группа» пыталась что-то сделать. Вот как описывает ситуацию один из сотрудников «Наших Дней»: «Утром мы на собрании решили: кто отправляется на место отправки рабочих, кто по городу для сбора денег, иные должны были изготовить в нескольких тысячах экземпляров петицию рабочих к царю и письмо к Святополку, наконец, были организованы санитарные отряды с врачом, фельдшером и сестрами во главе, для них были назначены в ближайших к предполагаемым местам побоища квартиры у частных лиц. Перед уходом собрание выслушало вести, принесенные из трех главных пунктов посланными накануне разведчиками... Наши разведчики приехали на пункты в 7 часов утра и, кроме 5 отдела, везде застали уже толпы. Двери в собрание им открывали карточки “Наши Дни”»⁸⁷. Днем, когда началось шествие, из разных районов города в редакцию «Наших Дней» приходили рабочие — очевидно, редакция была одним из координационных центров⁸⁸. Однако, хотя некоторые рабочие уже знали о роли «Наших Дней», в массе они по-

прежнему относились к интеллигентам с недоверием. «Не надо нам вас», — говорили в одном из отделов пришедшим к ним медикам. — «Спасибо, но... не надо нам вас. Лучше... уходите, пожалуйста»⁸⁹.

Многие либералы с утра 9 января собрались в Тенишевском училище, обсуждали события и слушали рассказы «разведчиков». К двум часам дня собрание переместилось в здание Публичной библиотеки на Невском проспекте. Здесь были члены «Комитета», Горький и Анненский; Горький призывал занимавшихся в библиотеке студентов присоединиться к шествию⁹⁰. Собравшиеся организовали некое «бюро» в дополнение к организованному вчера «комитету общественной безопасности»⁹¹. В это время вбежал один из «разведчиков» и сообщил, что на Дворцовой площади расстреливают народ. «Невыразимое волнение охватило всех присутствующих, — рассказывал корреспондент «Daily Telegraph» Диллон, — все вскочили и бросились вперед по широкой лестнице и сплоченной толпой вышли на Невский проспект. Было два с половиной часа; мы направились к дворцу, решив пройти возможно дальше. Но не успели мы сделать половину пути, как казаки бросились на нас и отбросили нас вместе с остальной толпой в поперечную улицу»⁹².

Между тем, Гапон и Рутенберг после первых залпов укрылись в одном из соседних дворов. Здесь Гапона переодели в рабочую одежду, а Рутенберг остриг ему бороду. Вспоминая позднее об этом эпизоде, Гапон воскликнул: «Ну да и ловкий же человек! Никому не пришло бы в голову заpastись, на всякий случай, ножницами!»⁹³ Очевидно, Рутенберг предвидел исход шествия и подготовил пути отступления; он повел Гапона на квартиру Горького. До прихода Гапона к Горькому приходили разыскивавшие священника рабочие — судя по всему, они знали о роли Горького и его связи с Гапоном⁹⁴. Сам Горький говорит о приходе Гапона, как о чем-то заранее согласованном: «Рабочих, с которыми шел Гапон, расстреляли у Нарвской заставы в 12 часов; в 3 часа Гапон был уже у меня»⁹⁵. По словам Гапона, Горький обнял его и заплакал. «Что теперь делать, Алексей Максимович?» — спросил священник⁹⁶. Эта фраза свидетельствует о том, что Гапон и раньше следовал рекомендациями Горького и «Комитета». По словам Горького, Рутенберг «сурово сказал попу: “Довольно, батька! Довольно вздохов и стонов. Рабочие ждут от тебя дела... Иди, пиши им!”»⁹⁷ Однако Гапон не умел писать прокламации, и в итоге знаменитое воззвание к рабочим было написано, по большей части, Рутенбергом — причем, по-видимому, в два приема — днем 9 января и на следующий день утром⁹⁸. По другим сведениям, это воззвание написал Горький⁹⁹.

В описанном выше эпизоде Горький и Рутенберг предстают в роли руководителей Гапона, командуют им (причем не очень почтительно) и сочиняют за него воззвание к рабочим. Надо думать, они выступали в такой роли и ранее, при подготовке шествия 9 января. Знавший Рутенберга лидер социалистов-сионистов Н. Сыркин писал, что это Рутенберг «организовал 9 января 1905 года — день рождения русской революции; он шел, а точнее сказать, вел Гапона»¹⁰⁰. О влиянии Горького на Гапона говорил и видный гапоновец Карелин: «Гапон очень уважал Горького. Часто он нам советовал: “Если что вам говорит Горький, слушайте его”»¹⁰¹.

Вечером Горький привел переодетого и загримированного Гапона на многолюдное собрание (или скорее, митинг) интеллигенции в Вольном экономическом обществе (ВЭО). Горький от лица Гапона зачитал воззвание к рабочим и предоставил слово «представителю Гапона», в роли которого выступил, сохраняя инкогнито, сам Гапон. На митинге собирали деньги на оружие для рабочих, Горький дал 1500 руб., Шаляпин — 1000. Горький закрыл митинг следующими словами: «Сегодня, 9 января, я считаю, в России началась революция!»¹⁰² После митинга состоялось совещание «доверенных лиц» — должно быть, это был «Комитет общественной безопасности» или то «бюро», которое избрали в Публичной библиотеке. Мирский назвал его «временным правительством»¹⁰³. Известно, что в число «доверенных лиц» входили Горький, Рутенберг, Прокопович, Батюшков; присутствовал и Гапон. На совещании обсуждался вопрос — «как достать оружие и организовать народное восстание?»¹⁰⁴ Корреспондент «Революционной России» писал, что на совещании «были приняты некие боевые решения, каждый взял на себя определенную функцию», а главное, совещанию «был предложен поступивший из рабочих районов вопрос: что делать?» Рабочие, приходившие днем в редакцию «Наших Дней» и на квартиру к Горькому, нашли его в ВЭО и задали все тот же вопрос: «Что делать?» Очевидно, они считали Горького — наряду с Гапоном — организатором шествия. Однако, — продолжает корреспондент, — «совещание, состоявшее из специалистов историков, экономистов, юристов — на вопрос *не ответило* (выделено в оригинале. — С.Н.). Один только предложил определенно — прекратить “военные действия” безоружной массы и убедить рабочих стойко и спокойно продолжать стачку. Другой, между прочим, предложил, “просить Гапона написать прокламацию к рабочим, чтобы не грабили магазины и не били стекла”»¹⁰⁵. Этим «другим» специалистом был Прокопович, и его пожелание в приличествующей форме было вставлено в текст воззвания к рабочим.

Конечно, из-за общей неподготовленности движения «временное правительство» мало, что могло сделать, но оно надеялось на порожденную расстрелом волну стихийного протеста. Горький в письме к Е.П. Пешковой так подвел итоги дня: «Настроение — растет, престиж царя здесь убит — вот значение дня. Итак, началась русская революция, с чем тебя и поздравляю. Убитые — да не смущают — история перекрашивается в новые цвета только кровью. Завтра ждем новых событий более ярких и героизма бойцов...»¹⁰⁶

Такое настроение было у многих участников собрания в ВЭО. «Прелюдия окончилась сегодня, — писал один из них. — Завтра примут участие *все* (выделено в оригинале. — С.Н.). На собрании в Экономическом обществе выработана программа, представленная “бюро”, организованным сегодня нашими радикалами в Публичной библиотеке. Идет агитация в войсках... Настроение у публики чисто революционное»¹⁰⁷. Оппозиция была уверена, что революция уже началась. Один из руководителей петербургских социал-демократов С.И. Сомов писал о собрании партийцев вечером 9 января: «Тон собрания был крайне бодрым, большинство его участников выражало твердую уверенность, что теперь рабочие окончательно распростятся со свои-

ми прежними иллюзиями, и на следующий день начнутся активные выступления народных масс...»¹⁰⁸

10 января Матюшенский пришел в штаб оппозиции — в редакцию «Наших Дней». «Там была толпа светил нации и революции... Она вся была под впечатлением грандиозности вызванного движения и первое, что мне бросилось в глаза, это один из известных людей России; он сидел на краю стола, держал копию петиции и говорил: “Вот как надо писать! А то, что мы пишем, пустяк по сравнению с этим”... О критическом отношении к 9 января с их стороны не могло быть и речи. Движение продолжалось и сулило нечто сильное, единое и повсеместное. Было временное правительство, которое готовилось принять власть из рук старого...»¹⁰⁹

На волне этих революционных настроений «Комитет общественной безопасности» установил связь с иностранными журналистами и даже сделал некоторые заявления внешнеполитического характера. Одна из видных французских газет опубликовала сообщение, в котором говорилось, что в Петербурге «образовался клуб из журналистов и литераторов, числом около 15 человек, среди которых, между прочим, находится Максим Горький — под названием “Русский Якобинский клуб”». Клуб это учредил нечто вроде комитета, который должен составить будущее временное правительство России. Члены комитета — люди, имеющие известное положение, имена которых пользуются известностью и уважением в России». Далее говорилось о финансовой программе комитета, которая, в частности, подразумевала непризнание займов, которые могут быть заключены царским правительством после 9 января¹¹⁰.

Обилие комитетов и бюро, которые создавались чуть ли не на каждом собрании-митинге интеллигенции, может запутать неподготовленного читателя. Но имеется документ, который указывает на связь «Якобинского клуба» с настоящим «Комитетом», созданным после Парижской конференции оппозиционных и революционных организаций Российского государства. Это — заявление «Союза оппозиционных и революционных организаций Российского государства», которое сохранилось в фонде Струве, и которое объявляет о том же, что и «Якобинский клуб» — о непризнании займов, которые могут быть заключены царским правительством после 9 января¹¹¹. Как мы помним, помимо «Комитета» в Париже было создано заграничное посредническое бюро под руководством японского агента К. Циллиакуса. Только это бюро могло выступать от имени «Союза оппозиционных и революционных организаций Российского государства». Тождественность заявлений говорит о том, что «Якобинский клуб» согласовал свое заявление с Циллиакусом. Это означает, что «Якобинский клуб» был связан с «Комитетом», и, более того, это означает, что «Комитет» координировал свои действия с Циллиакусом и его патроном, полковником Акаси. Для японского Генштаба было чрезвычайно важно заблокировать получение Россией иностранных займов для продолжения войны на Дальнем Востоке. И мы видим: первое, что делает «Якобинский клуб» во главе с Максимом Горьким — пытается блокировать русские займы.

«Якобинский клуб» рассчитывал на то, что расстрел шествия вызовет восстание в Петербурге, которое отзовется беспорядками в Мос-

кве и провинции. Партийные листовки призывали к восстанию и к всероссийской забастовке. В огромных количествах распространялось написанное Рутенбергом воззвание Гапона к рабочим: «Так отомстим же, братья, проклятому народом царю, всему его змеиному царскому отродью, его министрам и всем грабителям несчастной русской земли! Смерть им всем!»¹¹² «Царь Николай, — писал. Струве, — стал открыто врагом и палачом народа... Сегодня у русского освободительного движения должны быть единое тело и един дух, одна двуединая мысль: возмездие и свобода во что бы то ни стало...»¹¹³ Велась пропаганда в армии, распространялись слухи о целых полках, якобы отказавшихся стрелять в народ и перешедших на сторону «революции»¹¹⁴. Чтобы возбудить негодование рабочих, оппозиция в своей пропаганде до крайности преувеличивала число жертв «Кровавого воскресенья». По официальным данным, было убито 130 чел.¹¹⁵, причем были опубликованы списки пострадавших. Корреспондент «Дик» писал Струве, что социал-демократы говорят о 976 убитых, а «комиссия Технологического университета» насчитала якобы 1216 жертв расстрела. Однако, признает «Дик», другая, созданная либералами, комиссия не нашла пострадавших, которые не фигурировали бы в официальных списках¹¹⁶. Двадцать лет спустя В.И. Невский произвел тщательные подсчеты и установил, что с учетом столкновений в последующие дни число убитых составляло 150—200 человек¹¹⁷.

Как бы то ни было, число жертв было велико. Известие о «Кровавом воскресенья» вызвало забастовку протеста в Москве, но число единовременно бастовавших не превышало 20 тыс. чел., забастовка продолжалась около недели и обошлась без столкновений. Волной негодования сумели воспользоваться действовавшие в контакте с «Комитетом» польские националисты. 14 января в Варшаве из толпы демонстрантов начали стрелять в полицейских; полиция ответила огнем, после чего начались беспорядки, продолжавшиеся три дня. По официальным данным в эти дни погибли 61 «бунтовщик» и несколько полицейских¹¹⁸.

«Кровавое воскресенье» вызвало восстание в Варшаве, но не привело к восстанию в Петербурге. Конечно, рабочие, бывшие в первых рядах и видевшие стрелявших солдат, были охвачены гневом. Карелин описывает, как вернувшиеся после расстрела люди «не только молодые, но и верующие прежде старики топтали портреты царя и иконы»¹¹⁹. Но большинство, слышав, что впереди стреляют, просто разбежалось, рабочие не понимали, что случилось¹²⁰. Мстиславский также пишет о том, что рабочие массы держались пассивно и как-то недоуменно, что на Невском проспекте оскорбительные крики по адресу солдат раздавались, в основном, из групп интеллигентов¹²¹.

Власти поспешили объяснить рабочим, что же произошло, что стало причиной стрельбы. Новый губернатор Петербурга Д.Ф. Трепов, сменивший Фуллона, приказал расклеить по всему городу объявления. И уже утром 10 января, как вспоминал Сомов, «самый вид улиц предместья принес первое опровержение наших расчетов... По пути нам то и дело попадались большие плакаты — треповские объявления, которые молчаливо читались группами рабочих...»¹²² В объявлении Трепова говорилось, что рабочим движением «воспользовались неблагонамеренные лица... В руках их трудящийся люд... оказался

слепым орудием, не давая себе ясного отчета, что именем рабочих заявлены требования, ничего общего с их нуждами не имеющие... Пусть знает трудящийся люд, что его нужды близки сердцу Государя императора, что Е.В. еще недавно повелел... приступить к разработке вопроса о страховании рабочих, что... с соизволения Е.И.В. министерство финансов готово приступить к разработке вопроса о сокращении рабочего времени и таких мер, которые дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своих нуждах»¹²³.

Не будет преувеличением сказать, что объявление Трепова произвело на рабочих столь же большой эффект, что и петиция Матюшенского. Рабочие поняли, что Государь их услышал. И это были не просто слова. От заводууправлений стали поступать сообщения о повышении расценок, о сокращении рабочего дня. «Масса фабрик делает уступки рабочим, которые мало-помалу становятся на работу, — писал свидетель событий. — В Москве гораздо спокойнее. Хотя забастовка началось 9 января... много местных фабрикантов почти что моментально согласились на требования рабочих»¹²⁴. 12 января к Мирскому пришла депутация от рабочих, которая заявила, что «они хотят начать работать, что все вышло совсем не из-за рабочих вопросов, что их обманули»¹²⁵. Рабочие пришли также к министру финансов, и Коковцов объявил депутатам, что «все их требования такие умеренные, что очень просто их принять»¹²⁶. По сообщению Департамента полиции, в Петербурге «14 января все фабрики и заводы, за исключением Невского судостроительного... открыли свои действия, и рабочие тихо приступили к работе»¹²⁷.

Между тем, 14 января власти предприняли новую атаку в пропагандистской войне. В столицах были расклеены плакаты, сообщавшие о том, что «японское правительство роздало 18 миллионов рублей русским революционерам, социалистам, либералам, рабочим для организации беспорядков в России»¹²⁸. Через день появилось «Послание Синода по случаю беспорядков рабочих». В нем говорилось: «В столице и других городах России начались стачки рабочих и уличные беспорядки. Люди русские, искони православные... подстрекаемые людьми злонамеренными, врагами отечества, побросали свои мирные занятия... Всего прискорбнее, что происходящие беспорядки вызваны подкупамии со стороны врагов России и всякого порядка общественного. Значительные средства присланы ими, дабы произвести у нас междоусобицу»¹²⁹.

Правительственная пропаганда произвела впечатление на рабочих; в Петербурге начались избияния интеллигентов. «Студентов и интеллигентов ловили на улицах, стаскивали на глазах у прохожих с извозчиков, — писал Невский, — избивали и тут же бросали на улице в кучу, и потом либо убивали их, либо отправляли их в участок...». Но особенно большое впечатление пропаганда произвела в деревнях. Местные священники рассказывали крестьянам о кознях «врагов отечества», и в некоторых районах крестьяне пошли в города, чтобы громить интеллигентов и евреев. Матюшенский, полагавший, что это он своей петицией поднял рабочих на борьбу, теперь раскаивался в содеянном. «Опасения ошибки, ужасной ошибки в расчетах, оправдались, — писал он. — Кровь, пролитая в городах, не смыла “темной воды” с глаз деревенских людей. Виновным для деревни оказался не

царь, а японец, коварный враг, подкупом старающийся свалить своего противника»¹³⁰.

«Коварный враг» между тем, праздновал успех, превзошедший все ожидания. «То, что священник смог возглавить десятки тысяч рабочих и в итоге потрясти столицу России, — это выходило далеко за рамки моих ожиданий», — писал полковник Акаси¹³¹. Японский эmissар был воодушевлен результатом деятельности своих русских друзей и предлагал в следующий раз вооружить «стогысячную толпу», прежде чем направлять ее к Зимнему дворцу. Полковник обещал предоставить оружие и деньги — сколько понадобится¹³². Конечно, Акаси преувеличивал свои заслуги в «делании» русской революции. На самом деле он лишь использовал благоприятную ситуацию и сумел поспособствовать организации взаимодействия между «освобожденцами» и эсерами, которое выразилось в создании «Комитета». Появление «Комитета», в свою очередь, сделало возможным совместную деятельность Горького, Богучарского, Рутенберга, Анненского, Пешехонова и других «героев 9 января».

Однако дни «Комитета» были сочтены: используя данные зарубежной агентуры, полиция сумела выйти на его след. В ночь на 11 января были арестованы члены депутации, приходившие ночью 9 января к Витте. Среди них были известные полиции члены «Комитета» Анненский, Пешехонов, Мякотин, Кедрин, Семевский, а также Гессен, Кареев и Кузин; Горький успел бежать, но на следующий день был арестован в Риге. Несмотря на аресты, организационный центр оппозиции продолжал действовать. Полицейское донесение говорит, что «после ареста членов названного комитета в ночь на 11-е сего января оставшимися революционными деятелями было сформировано для руководства беспорядками временное бюро, в состав которого, между прочими, вошли... Василий Яковлев (литературный псевдоним Богучарский), Сергей Прокопович и Екатерина Кускова, всего до 15 человек, причем... большинство невыясненных членов бюро принадлежало к составу редакции газеты “Наши Дни”... Несмотря на кратковременность своего существования, названное бюро проявило активную деятельность в агитационном направлении, выслав делегатов за границу для установления связей, между прочим, в Берлин, чтобы при посредстве местной с.-д. партии поднять в рейхстаге вопрос по поводу действий русского правительства при подавлении беспорядков в Петербурге 9 сего января. Названное бюро выслало делегатов в Москву, Киев и Харьков с целью возбудить беспорядки в указанных городах. Получены также указания на связь местных революционных деятелей с руководителем польской социалистической партии Пилсудским...»¹³³

Вечером 14 января полиция внезапно нагрянула в редакции «Наших Дней» и «Нашей Жизни». Корреспондент «Дик» свидетельствует, что обыск продолжался с 6 до 11 час., было обыскано 54 чел., 7 чел. было арестовано — среди них были Богучарский, Прокопович и Кускова¹³⁴. Однако в смысле обнаружения улик улов полиции был незначительным. Жена Богучарского Э. Яковлева писала Струве, что «у наших, очевидно, особенно серьезного ничего нет. Попались, кажется, основательно Горький и Кедрин»¹³⁵. У Кедрина был найден написанный рукой Горького черновик воззвания, призывавшего к

«немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием»¹³⁶. Эта улика в случае передачи дела в суд могла привести к осуждению обвиняемых, однако дело до суда не дошло. В защиту арестованных была развернута широкая общественная кампания в России и за рубежом. Она проходила на фоне еще более мощной антироссийской кампании, начавшейся после событий 9 января. Особенно эмоционально выступали английские и американские газеты. «Такие газеты как “Daily News”, “Daily Graphic”, “Daily Mail”, “Daily Express” и многие другие выражали свое возмущение, говоря, что кровавый петербургский день вызывает лишь чувство отвращения во всех честных и любящих свободу людях, во всех христианских сердцах. Официозный “Daily Telegraph” дошел даже до сравнения кровавого царя с Нероном»¹³⁷. «Хотя гапоновская демонстрация была сокрушена силой, российское правительство потеряло престиж в Европе», — радовался полковник Акаси¹³⁸.

В этой обстановке власти предпочли замять дело «Комитета». На одном из многих прошений об облегчении положения арестованных Мирский написал резолюцию: «Надо ускорить это дело»¹³⁹. Первым, уже 18 января, был освобожден Богучарский — причем полиция сделала вид, что обнаруженная у него рукопись «явно противоправительственного направления» попала к нему «случайно»¹⁴⁰. Горький был освобожден под залог в 10 тыс. руб., который внес Савва Морозов. Полиции, по-видимому, не удалось получить от обвиняемых сведения, которые подтверждали бы агентурные данные о деятельности «Комитета». В деле имеется указание на то, что «на проведенном дознании вышеуказанные сведения Департамента полиции... подтверждены не были». Агентурные сведения было невозможно использовать в суде, поэтому 31 августа 1905 г. в отношении всех подследственных, кроме Горького, дело было прекращено «за недоказанностью события преступления»¹⁴¹. Дело Горького было закрыто после амнистии, объявленной «Манифестом 17 октября»¹⁴².

Освобождение единомышленников-либералов было, по-видимому, последним решением Мирского на посту министра внутренних дел. «Кровавое воскресенье» стало для неудачливого сановника концом служебной карьеры. Жена Мирского писала в дневнике, что он «все эти дни ужасно грустный, говорит, что никогда у него не было такого тяжелого чувства, что он все подвергает свои действия критике, но все-таки приходит к заключению, что иначе действовать не мог, что какая бы толпа мирная не была, нельзя давать скопляться в одном месте такому количеству народа (150 тысяч), а тут была не мирная толпа, то есть громадное большинство, конечно, шло как бараны и, вероятно, даже искренно думали, что государь их зовет, но главари шли с угрозой, если государь не примет и не согласится на их требования, то будет кровь...»¹⁴³

В правительственных кругах Мирского и Фуллона обвиняли в слабости, в том, что они не арестовали Гапона и не подавили забастовку в самом начале. Царь считал Мирского главным виновником произошедшего; он полагал, что вечером 8 января министр слишком мягко докладывал ему о положении в столице, не обратив его внимания на грозящую опасность. 18 января Николай II подписал прошение Мирского об отставке, причем не назначил ему даже минимальной пенсии¹⁴⁴. Фуллон был уволен с большим понижением в должности (он был назначен командиром одного из армейских корпусов).

Между тем, в Департаменте полиции пытались разобраться, что же действительно произошло в роковые дни перед 9 января, почему «крестный ход» к «царю-батюшке» превратился в антиправительственную демонстрацию. Директор департамента А.А. Лопухин в докладе новому министру внутренних дел, А.Г. Булыгину следующим образом подвел итоги событий: «...Священник Гапон, еще в первых числах января рекомендовавший рабочим не возбуждать политических вопросов, не читать и жечь подпольные листки и гнать разбрасывателей их, войдя затем в сношения с упомянутыми главарями, постепенно начал на собраниях отделов вводить в программу требований рабочих коррективы политического характера и по внесении в нее последовательно общеконституционных положений закончил, наконец, эту программу требованием отделения церкви от государства, что ни в коем случае не могло быть сознательно продиктовано рабочими. Зайдя так далеко в размерах и конечных целях им же вызванного по ничтожному случаю движения, Гапон, под влиянием подпольных политических агитаторов, решился закончить это движение чрезвычайным актом и, инспирируемый агитаторами, стал пропагандировать мысль о необходимости публичного представления государю императору петиции от забастовавших рабочих об их нуждах... Именно в этот вечер Гапон распространил текст петиции... в которой независимо от пожеланий об улучшении экономических условий были включены дерзкие требования политического свойства. Петиция эта большинству забастовщиков осталась неизвестной и таким образом рабочее население было умышленно введено в заблуждение о действительной цели созыва на Дворцовую площадь, куда и двинулось с единственным сознательным намерением принести царю челобитную о своих нуждах и малом заработке»¹⁴⁵.

«Так совершилось величайшее по своей трагичности и последствиям событие, прозванное революционерами «Кровавым воскресеньем», — писал жандармский генерал А.И. Спиридович. — Провокация революционных деятелей и Гапона, глупость и бездействие подлежащих властей и вера народная в царя — были тому причиною»¹⁴⁶.

Примечания

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

1. ПЕТРОВ Н.П. Записки о Гапоне. Ч. 1. — Всемирный Вестник. 1907, № 1, с. 52.
2. ПАВЛОВ И.И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне. — Минувшие годы. 1908, кн. 4, с. 92.
3. ГУРЕВИЧ Л.Я. Девятое января. Харьков. 1926, с. 24.
4. РУТЕНБЕРГ П.М. Убийство Гапона. М. 1990, с. 8.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 124, оп. 43, д. 1737, л. 9об.
6. Там же, ф. 102, ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4, ч. 1, л. 27.
7. Там же; НЕВСКИЙ В. Январские дни в Петербурге в 1905 году. — Красная летопись. 1925, № 2, с. 32.
8. ГОНЧАРОВ В.Ф. Январские дни 1905 г. в Петербурге. — Каторга и ссылка. 1932, № 1, с. 151.

9. КУБИКОВ И.Н. Девятое января. (Страничка воспоминаний). — Историко-революционный бюллетень. 1922, № 2—3, с. 16.
10. ФИЛИППОВ А. Странички минувшего. I. Несколько слов о Гапоне. — Новый Журнал для Всех. 1913, № 6, с. 116.
11. ШИЛОВ А. К документальной истории «петиции» 9 января 1905 года. — Красная летопись. 1925, № 2, с. 33.
12. ГУРЕВИЧ Л.Я. Ук. соч., с. 24—25.
13. Первая русская революция в Петербурге. 1905 г. Сб. 1. Л.-М. 1925, с. 20.
14. Революционные дни. — Вперед. № 4, с. 2.
15. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 569, оп. 17, д. 2387, л. 17.
16. ГА РФ, ф. 102. ДП. Д-3. 1905, оп. 103, д. 5, т. 1, л. 22.
17. Начало русской революции, с. 109.
18. АВЕНАР Э. Кровавое воскресенье (9-ое января 1905 г.). Харьков. 1925, с. 114.
19. Протокол допроса В.А. Янова. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 320.
20. ПЕТРОВ Н.П. Ук. соч., с. 51—53.
21. Протокол допроса В.А. Иноземцева. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 310.
22. ВАРНАШЁВ Н.М. От начала до конца с гапоновской организацией. — Историко-революционный сборник. Т. 1. М.-Л. 1924, с. 206.
23. ГАПОН Г. История моей жизни. Л. 1926, с. 85.
24. Протокол допроса В.А. Янова, с. 320.
25. ПЕТРОВ Н.П. Ук. соч., с. 53.
26. ФИЛИППОВ А. Ук. соч., с. 120.
27. Искра. 1905, № 85, с. 4.
28. ФИЛИППОВ А. Ук. соч., с. 122.
29. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 89.
30. ГА РФ, ф. 124, оп. 43, д. 1738, л. 5.
31. Там же; ф. 102. ДП. ОО. 1905, оп. 233а, д. 4. ч. 1. т. 2, л. 9.
32. Там же, л. 1.
33. Протокол первого допроса А.М. Горького в связи с его участием в событиях 9 января 1905 года. — Исторический архив. 1955, № 1, с. 99.
34. ГОРЬКИЙ М. Савва Морозов. ГОРЬКИЙ М. Полное собрание сочинений Т. 16. М. 1973, с. 523.
35. Из еженедельной записки директора Департамента полиции А.А. Лопухина начальникам охранных отделений о революционном движении в России. В кн.: Начало первой русской революции. Январь-март 1905 года. М. 1955, с. 676.
36. ЛЮБИМОВ Д.Н. Гапон и 9 января. — Вопросы истории. 1965, № 8, с. 127.
37. Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л. 1989, с. 172.
38. АВЕНАР Э. Ук. соч., с. 82.
39. ЧУЛКОВ Г. Годы странствий. М. 1999, с. 88.
40. Из общественной хроники. — Вестник Европы. 1906, № 2, с. 851.
41. МСТИСЛАВСКИЙ С. Отрывки о пятом годе. — Каторга и ссылка. 1928, кн. 39, с. 9.
42. ГА РФ, ф. 102. ДП.ОО. 1905, оп. 233а, д. 4. ч. 1. т. 2, л. 1.
43. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Гапон и мой антихрист. Благовещенск. 1917, с. 32—33.
44. ГЕССЕН И.В. В двух веках. Жизненный отчет. — Архив русской революции. Т. 22. Берлин. 1937, с. 192; ГОГОЛЬ Д. Максим Горький в Петропавловской крепости. — Каторга и ссылка. 1932, № 8—9, с. 7.
45. КАРЕЕВ Н.И. Прожитое и пережитое. М. 1990, с. 226.
46. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 225. к. 1, д. 65, л. 2.
47. ГОРЬКИЙ М. Ук. соч., с. 518.
48. Из еженедельной записки директора Департамента полиции А.А. Лопухина, с. 676.
49. ГЕССЕН И.В. Ук. соч., с. 192.
50. ВИТТЕ С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М. 1960, с. 392.
51. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. — Исторический архив. 1965, т. 77, с. 274.
52. ВИТТЕ С.Ю. Ук. соч., с. 392.

53. ГУРЕВИЧ Л.Я. Ук. соч., с. 37.
54. ЧУЛКОВ Г. Ук. соч., с. 88.
55. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. За кулисами гапоновщины. Исповедь. А.И. Матюшенского. — Красное знамя. Париж. 1908, № 2, с. 91—92.
56. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской, с. 273.
57. Начало русской революции, с. 35.
58. ГА РФ, ф. 124, оп. 43, д. 1737, л. 20.
59. Там же, ф. 102. ДП. Д-3. 1905, оп. 103, д. 5. т. 1, л. 22об.
60. ГЕРАСИМОВ А.В. На лезвии с террористами. Paris. 1985, с. 64; МАКСИМОВ А. Признание Гапона. — Двухглавый орел. Вестник Высшего Монархического Совета. 1930, № 37, с. 1785; ГИМЕР Д. 9-е января в Санкт-Петербурге. — Былое. 1925, № 1, с. 5.
61. АННИН. Из воспоминаний о 9 января. — Речь. 1908, № 7, с. 1
62. Там же.
63. ГЕРАСИМОВ А.В. Ук. соч., с. 25; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 279, оп. 2, д. 230, л. 35.
64. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской, с. 273.
65. Цит. по: ЛЮБИМОВ Д.Н. Ук. соч., с. 129.
66. ГА РФ, ф. 102. ДП. Д-3. 1905, оп. 103, д. 5. т. 1, л. 22об.
67. ГУРЕВИЧ Л.Я. Ук. соч., с. 37.
68. ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 17, д. 2387, л. 6об.
69. ГА РФ, ф. 124, оп. 43, д. 702, л. 1.
70. РГАСПИ, ф. 279, оп. 2, д. 230, л. 72об.
71. ГА РФ, ф. 124, оп. 43, д. 702, л. 1об.
72. СОКОЛОВСКАЯ А.Л. Несколько строчек воспоминаний. — Красная летопись. 1923, № 7, с. 29.
73. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. Т. 1. М. 1970, с. 584.
74. Начало первой русской революции, с. 37, 41.
75. СПИРИДОВИЧ А.И. Революционное движение в России. Вып. 1. СПб. 1914. с. 78.
76. Рабочее движение в городах и деревнях. — Революционная Россия. 1905, № 60, с. 19.
77. ГЕРАСИМОВ А.В. Ук. соч., с. 26.
78. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 93.
79. Там же.
80. ЛЮБИМОВ Д.Н. Ук. соч., № 9, с. 114.
81. ГА РФ, ф. 124, оп. 43, д. 1737, л. 20.
82. ГОРЬКИЙ М. Ук. соч., с. 519.
83. ГОНЧАРОВ В. Ук. соч., с.154; ЛЕОНОВ М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907. М. 1997, с. 169.
84. ГА РФ, ф. 124, оп. 43, д. 1737, л. 20.
85. ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 17, д. 2387, л. 18об.
86. НЕВСКИЙ В. Ук. соч., с. 36.
87. ГА РФ, ф. 102. ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4. ч. 1. т. 2, л. 65.
88. ГУРЕВИЧ Л.Я. Ук. соч., с. 58.
89. Рабочее движение в городах и деревнях, с. 20.
90. КАХОВСКАЯ И.К. Горький 9 января 1905 года. — Новый мир. 1959, № 3, с. 219.
91. ГА РФ, ф. 102. ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4. ч. 1, т. 2, л. 64.
92. Освобождение. 1905, № 64, с. 236.
93. ДЕЙЧ Л.Г. Священник Георгий Гапон. В кн.: ДЕЙЧ Л.Г. Провокаторы и террор. По личным воспоминаниям. Тула. 1927, с. 52.
94. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 104; ГОРЬКИЙ М. Ук. соч., с. 522.
95. ГОРЬКИЙ А.М. Поп Гапон. — Архив А.М. Горького. Т. VI. М. 1957, с. 19.
96. РУТЕНБЕРГ П.М. Ук. соч., с. 13.
97. ГОРЬКИЙ А.М. Поп Гапон, с. 19.
98. ЕГО ЖЕ. Савва Морозов, с. 523; РУТЕНБЕРГ П.М. Ук. соч., с. 14.
99. СВЕРЧКОВ Д. Гапоновщина и 9 января 1905 года. М.-Л. 1925, с. 32.
100. СЫРКИН Н. Моя встреча с Пинхасом Рутенбергом. В кн.: ХАЗАН В.И. Пинхас Рутенберг. Иерусалим-Москва. 1998, с. 939.

101. КАРЕЛИН А.Е. 9 января и Гапон. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 113.
102. ГА РФ, ф. 102. ДП. ОО. 1905, д. 4. ч. 1. т. 2, л. 125.
103. Дневник Е.А. Святополк-Мирской, с. 274.
104. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 105.
105. Рабочее движение в городах и деревнях, с. 20.
106. Архив А.М. Горького. Т. V. М. 1955, с. 148.
107. ГА РФ, ф. 102. ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4. ч. 1. т. 2, л. 64.
108. СОМОВ С.И. Из истории социал-демократического движения в Петербурге в 1905 году. — Былое. 1907, № 4, с. 41—42.
109. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. За кулисами гапоновщины, с. 97.
110. ГА РФ, ф. 102. ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4. ч. 1. т. 2, л. 97.
111. РГАСПИ, ф. 279, оп. 1, д. 96, л. 882.
112. РУТЕНБЕРГ П.М. Ук. соч., с. 15.
113. Цит. по: СПИРИДОВИЧ А.И. Записки жандарма. Харьков. 1928, с. 176.
114. МАТЮШЕНСКИЙ А. И. Гапон и мой антихрист, с. 39.
115. Доклад директора департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9-го января. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 336.
116. РГАСПИ, ф. 179, оп. 2, д. 230, л. 85об.
117. НЕВСКИЙ В. Ук. соч., с. 56.
118. Начало первой русской революции, с. 668—683.
119. КАРЕЛИН А.Е. Ук. соч., с. 113.
120. ВАЛК С. Петербургское градоначальство и 9-е января. — Красная летопись. 1925, № 1, с. 39.
121. МСТИСЛАВСКИЙ С. Ук. соч., с. 11.
122. СОМОВ С.И. Ук. соч., с. 41—42.
123. Наши Дни. 1905, № 61, с. 1.
124. ГА РФ, ф. 102. ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4. ч. 1. т. 2, л. 109.
125. Дневник Е.А. Святополк-Мирской, с. 276.
126. Там же.
127. ГАРФ, ф. 102. ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4. ч. 1. т. 2, л. 46.
128. Цит. по: КАНДИДОВ Б.П. Церковь и 1905 г. М. Б.г., с. 31—32.
129. НЕВСКИЙ В. Ук. соч., с. 120.
130. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Гапон и мой антихрист, с. 39.
131. AKASHI M. Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Helsinki. 1988, p. 42.
132. Донесение Манусевича-Мануйлова директору Департамента полиции. В кн.: ПАВЛОВ Д.Б. Японские деньги и первая русская революция. М. 2011, с. 214.
133. ГА РФ, ф. 102. ДП. ОО. 1905, д. 4. ч. 1. т. 2, л. 1.
134. РГАСПИ, ф. 279, оп. 2, д. 230, л. 72об.
135. Там же, оп. 1, д. 96, л. 2об.
136. ГА РФ, ф. 102. ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4. ч. 1. т. 2, л. 13.
137. Начало русской революции, с. 198.
138. AKASHI M. Op. cit., p. 42.
139. ГА РФ, ф. 102. ДП. Д-7. 1905, оп. 202. т. 1, д. 96. ч. 2, л. 4; д. 154, л. 2.
140. Там же, л. 19об.
141. Там же, л. 49.
142. А.М. Горький и события 9 января 1905 г. в Петербурге. — Исторический архив. 1955, № 1, с. 115—116.
143. Дневник Е.А. Святополк-Мирской, с. 277.
144. ЛУРЬЕ Ф.М. Полицейские и провокаторы. СПб. 1992, с. 276.
145. Доклад директора..., с. 334—335.
146. СПИРИДОВИЧ А.И. Записки жандарма, с. 176.

Ростовский комитет помощи беженцам в годы первой мировой войны

К.А. Степанов

Деятельность различных благотворительных организаций в России, в том числе комитетов помощи беженцам в годы первой мировой войны в последнее время привлекает пристальное внимание исследователей¹. Однако тема не исчерпана. Настоящее исследование призвано показать работу комитета при помощи местного самоуправления по приему и размещению беженцев в одном из уездов Центральной России — Ростовском, а на его примере — в Ярославской и соседних губерниях.

В организованном порядке вынужденные переселенцы начали поступать в Ярославскую губернию в июне-июле 1915 г., в связи с чем 28 июля 1915 г.² был образован Ярославский городской комитет помощи беженцам, а 21 августа 1915 г. — комиссия при губернской управе. Однако первая партия беженцев в количестве 200 чел. прибыла в Ярославль еще в середине марта 1915 г. из г. Жирардова Варшавской губернии³. В Ростовском уезде заботу о беженцах взял на себя уездный комитет помощи больным и раненым воинам Всероссийского земского союза. Свою деятельность он начал с медицинского осмотра приезжающих: все прибывавшие партии беженцев на вокзал Ростова осматривались дежурившими круглосуточно фельдшерами и врачами.

Принимая во внимание важность и большой объем предстоящей работы, уездное врачебное совещание 4 августа 1915 г. заслушало доклад врача В.И. Ивановского, из которого следовало, что многие из приезжих нуждаются в медицинской помощи. В связи с этим собравшиеся постановили: «...Просить уездный комитет о расширении его деятельности мероприятиями и в отношении беженцев — в смысле организаций медицинской помощи и осмотров, обеспечения помещением, одеждой и продовольствием, обеспечения возможности прискания занятий и работ...»⁴ Учитывая это, а также доклад уездного

Степанов Константин Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль».

предводителя дворянства Г.М. Леонтьева, сделанный им 10 августа 1915 г. по данному вопросу, заседание комитета 12 августа 1915 г. решило учредить при Ростовском уездном комитете помощи больным и раненым воинам особый отдел, который бы «ведал это дело».

23 августа 1915 г. на публичном собрании по устройству беженцев, в количестве 250 присутствовавших, сообщая о прибытии в Ярославскую губернию 100 тыс. чел., Ивановский отметил, что в Ростовский уезд должно «попасть» до 15—20 тыс., в том числе 400—500 чел. — в город ⁵. Их следовало размещать с учетом национальности, веры и не отдельными семьями, а целыми группами в больших населенных пунктах, таких как г. Петровск, с. Борисоглебские слободы, с. Ильинско-Хованское и других. При этом многие из подростков нуждались в приютах, которые необходимо было открывать, принимая во внимание их вероисповедание. Как и намечалось ранее, в помощь организационному бюро образовали шесть подсекций: регистрационно-справочная, санитарно-медицинская, квартирная, продовольственная, труда, а также общего призрения. Для направления и координации их деятельности был создан совет секций.

Следует заметить, что сведения о числе беженцев, озвученные Ивановским, противоречили тем, которые были приведены 23 октября 1915 г. на заседании губернской комиссии. На ней обсуждалось, что Ярославская губерния могла принять 48 500 чел., из них 3500 предполагалось расселить в Даниловском уезде, 4313 — Мологском, по 3000 — Ярославском и Романово-Борисоглебском, 1183 — Угличском, 4500 — Пошехонском, 4000 — Ростовском, 3000 — Мышкинском, 2500 — Рыбинском, 1500 — Любимском и по 9000 — в Ярославле и Рыбинске ⁶.

Ожидание большого количества беженцев в Ярославскую губернию было связано не только с неудачами на фронте, но и принудительным выселением населения из прифронтовой зоны. В начале июня 1915 г. Ставка направила войскам приказ о том, что оставляемая противнику территория «должна быть превращена в пустыню, т.е. очищена — как от населения, так и от всего того, что могло составить для врага известную ценность». На основании этого по всей линии фронта началось выселение народа и, «в первую очередь, мужчин призывного возраста от 17 до 45 лет, чтобы сохранить кадры для пополнения армии и лишить врага трудовых ресурсов» ⁷.

Профессор Р.М. Орженцкий условно разделял беженцев на две группы — тех, кто уехал заранее и имеет небольшие средства, и кто покинул свой очаг за час или два перед отходом войск, а то и во время бомбардировки. Последние при себе имели только то, в чем были в «момент выселения». По сведениям, собранным национальными организациями, со своих мест «выдворено» более 3 млн чел., многие из которых идут неделями и месяцами в глубь страны, плохо питаются, поэтому «страшный тяжелый путь усеивается трупами детей». Освещая вопрос о размещении беженцев в Ярославле, Орженцкий отметил, что в начале город нанимал для беженцев квартиры и складские помещения, но в последующем ограничился подысканием отдельных изолированных «углов». Стоимость содержания каждого беженца на квартире обходилась в 1 руб. 25 коп. в месяц, а на казенный продовольственный паек выдавалось 20 коп. в день ⁸. Ярославцы

признали эти суммы небольшими, поэтому стали заниматься вопросами трудоустройства всех здоровых мужчин и за 2—3 недели приискали для них 200 мест.

На заседании секции (бюро) помощи беженцам 3 сентября 1915 г. собравшиеся поддержали предложение Ивановского о введении двухнедельного карантина для беженцев в «обсерватории» с целью предупреждения эпидемических заболеваний в уезде. Собрание решило обратиться в уездную управу с заявлением о постройке «заразного» барака.

В годы первой мировой войны в местах массового скопления людей эпидемии были не редкостью — не удалось их избежать и в Ростовском уезде. Так, в с. Макарово регистрировались случаи «кровоного поноса среди беженцев». Учитывая это, Главный Комитет Всероссийского земского и городского союза ассигновал 5149 руб. 34 коп. «Ростовскому комитету [помощи больным и раненым воинам] на приспособление части земской больницы под расширение заразных коек для беженцев до 25 кроватей»⁹.

На это деньги выделялись и в других уездах Ярославской губернии. Например, 16 сентября 1915 г. Рыбинский уездный комитет помощи беженцам обратился в Ярославскую губернскую комиссию по устройству беженцев с просьбой об «отпуске 6000 руб. пособия и 4000 руб. ссуды на постройку заразного барака»¹⁰. Заседавшее 19 сентября 1915 г. бюро комиссии решило выдать рыбинцам пособие, но только в размере 4000 руб., с предоставлением плана барака и сметы на постройку.

Для упорядочения работы по приему и размещению беженцев «на местах» Николай II 30 августа 1915 г. утвердил закон «Об обеспечении нужд беженцев», ранее одобренный Государственным советом и Государственной думой. Документ предусматривал выделение в 1915 г. в распоряжение Министерства внутренних дел 25 млн руб. на безвозмездное «удовлетворение» нужд беженцев. Согласно приложению к закону, забота о беженцах возлагалась не только на министра внутренних дел, главноуполномоченных, губернаторов и градоначальников, но и «на земские учреждения и городские общественные управления, с предоставлением им права приглашать лиц обоего пола, как из местных деятелей, так и из беженцев, а равно образовывать особые комитеты в тех местах, где указанные органы местного самоуправления признают это нужным»¹¹.

Обсуждая этот документ 7 сентября 1915 г. на заседании Ростовской городской думы, собравшиеся отметили, что еще до его опубликования комитет помощи больным и раненым воинам принял на себя призрение беженцев. Учитывая большое количество переселенцев, управа предложила думе: «Наметить меры к дальнейшему изысканию средств и способов к оказанию помощи комитету в деле призрения беженцев»¹².

На заседании 9 сентября 1915 г. городская дума решила ввести от городского самоуправления в комитет тех же лиц, которые были избраны в Ростовский комитет помощи больным и раненым воинам: Д.С. Завьялова, И.А. Павлова, Л.Я. Богданова, Н.Г. Яковлева, А.И. Щербакова, Д.А. Иванова и В.Я. Дударева. Учитывая, что в Ростове уже было около 700 беженцев, и они продолжали приезжать «большими партиями», а также «переполненность» города войсками, управа

предложила думе обратиться к уездному комитету с предложением расселять их и в уезде. Для оказания материальной помощи вновь учреждаемому комитету дума решила «в дополнение к тем 230 руб., которые выручены управою от устроенных гуляний в саду, ассигновать еще 500 рублей»¹³.

На заседании губернской комиссии 3 октября 1915 г. с участием представителей уездных организаций председатель Орженцкий сообщил присутствующим о прибытии в Ярославль из Витебска партии беженцев в количестве свыше 600 чел. «под началом» Татьянинского Комитета. Он особо подчеркнул, что среди эвакуированных нашлись горожане, которые отказались поселиться в селениях губернии, в противном случае они просили отправить их обратно в Харьков. Губернская комиссия решила, что «беженцы должны быть поселены там, где это представляется возможным, и если они не хотят добровольно отправиться в назначенные места, не следует отступать перед необязательностью принудительных мер»¹⁴. Впоследствии мнение переселенцев было учтено, и всех, кто приезжал в Ярославскую губернию из одной местности, старались расселить в одном населенном пункте.

По постановлению губернского комитета помощи беженцам от 12 сентября 1915 г., Ярославль был признан главным распределительным пунктом в губернии, а в уездах расселение беженцев осуществлялось при согласовании с уездными комитетами.

Прибывшим на вокзал Ростова переселенцам оказывалась не только медицинская помощь, но и «продовольственная». Согласно специально подготовленной инструкции, они получали «чайный» паек. По указаниям губернской комиссии об устройстве чайной, на каждого человека выделялось по 5 коп. в день. Беженцам полагалось по 2 куска сахара, $\frac{1}{2}$ ф. хлеба, а также $\frac{1}{8}$ ф. чая из расчета на 10 человек¹⁵. «Кушать чай» они могли в вагоне, пользуясь кипятком на станции «Ростов-Ярославский», или же на питательном пункте в «чайной Жуковой», но не позднее 10 час. утра. Это стало возможным после обращения секции помощи беженцам 10 сентября 1915 г. к начальству Северных железных дорог с просьбой «отвести в пределах станции место для устройства кухни для питания беженцев, находящихся на железнодорожных путях»¹⁶.

Беженцев кормили и обедом. Дежурный уточнял, сколько людей будет обедать в этот день (в 1 час пополудни) в чайной при вокзале и сообщал об этом Жуковой. Только после этого составлялось «требование» на продукты из расчета по $\frac{1}{4}$ ф. мяса 1-го сорта, фунт черного хлеба, $\frac{1}{4}$ ф. гречневой крупы, подсолнечного масла на 1 коп. (в среднем фунт на 20 чел.), капусты или картофеля на $1\frac{1}{2}$ коп. на каждого беженца¹⁷. После окончания обеда дежурные заполняли «дневные листки» о количестве людей и продуктов.

Пункты питания были открыты и в других местах Ярославской губернии. Например, осенью 1915 г. в Данилове выдавалась горячая пища с хлебом на 200 чел., на станциях «Всполье» и «Ярославль-город» администрация железной дороги выдавала по 300 обедов ежедневно, а на средства Северного союза в сумме 9000 руб. в Рыбинске организовали такой же пункт, как и в Ярославле¹⁸.

Следует отметить, что сведения о прибывших в секцию помощи беженцам представляли не только дежурившие на вокзале фельдше-

ры, но и начальник станции «Ростов-Ярославский» управления Северных железных дорог. В частности, 14 октября 1915 г. он сообщил: «Сего числа прибыло на вверенную мне станцию два вагона беженцев, в числе 33 человек». Данные о переселенцах, которых необходимо было принять, в Ростовскую земскую управу давали губернские комитет и комиссия. Так, 13 октября 1915 г. из губернского комитета была получена телеграмма: «Присылаем 33 беженца дополнительно последней отправке»¹⁹, а 21 октября из губернской комиссии: «Досылаем станцию Петровск 125 беженцев для вашего уезда»²⁰.

Примечательно, что через станцию «Ростов-Ярославский» следовали беженцы не только в Ростовский, но и в Угличский уезд. Во избежание недоразумений в случае задержки их из-за запоздания прибытия уполномоченного по приемке, Угличский соединенный комитет помощи беженцам 31 октября 1915 г. предложил Ростовскому обращаться за помощью к начальнику станции.

Доклад о мероприятиях по организации приема беженцев заслушивался 20 сентября 1915 г. на заседании чрезвычайного Ростовского земского собрания. В конце июля — начале августа 1915 г. беженцы размещались городским самоуправлением на квартирах и, в случае необходимости, получали денежную помощь из городских средств. В связи с этим председатель уездной управы С.М. Леонтьев сказал: «Конечно, то количество беженцев, какое вошло в город и уезд сейчас и которое не достигает еще и тысячи человек, не велико. Но город и уезд должны быть готовы к тысячам...»²¹ Поэтому он предложил гласным учредить особый комитет для помощи беженцам, который бы работал независимо от Ростовского комитета помощи больным и раненым воинам.

Собрание постановило: «Учредить комитет помощи беженцам, который, как местный орган Всероссийского земского союза, ведал бы все дело о беженцах в городе и уезде». Оно избрало в состав вновь образуемого комитета членов уездного комитета от Ростовского земства: С.М. Леонтьева, Н.И. Шультена, Л.И. Афанасьева, М.А. Ошанина, В.И. Ивановского, И.Д. Барышкина и Н.В. Каукина. Земцы высказались за предоставление беженцам права пользования лечебными и школьными земскими заведениями, а также получения медикаментов на тех же основаниях, что и местное население. При этом медицинская помощь должна была оказываться как земскими, так и городскими врачами, но на выписанных больным рецептах для получения лекарств необходимо было ставить букву «Б» (беженец)²².

После этого уездная земская управа обратилась к губернатору, графу Д.Н. Татищеву, за разрешением открыть комитет помощи беженцам. 26 сентября 1915 г. на заседание по образованию комитета вместо 22 представителей от земства и города явилось только 7, которые постановили «созвать комитет 1 октября [1915 г.]». Следующее собрание комитета, назначенное на 6 октября 1915 г., не состоялось, так как 1 октября 1915 г. было получено отношение губернатора, в котором он уведомил уездную управу, что не имеет «препятствий к образованию сего комитета... и считая желательным, чтобы означенный комитет немедленно приступил к исполнению своих обязанностей». Одновременно он заметил, что «по силе ст. 2-й и 22-й приведенного закона (30 августа 1915 г. — К.С.) местное попечение о бе-

женцах возлагается на земские учреждения и городские общественные управления, а не на отделы или местные органы Всероссийского земско-городского союза... руководствуясь ст. 87 зем[ского] Пол[ожения], постановление земского собрания в указанной части... приостанавливаю исполнением»²³. Учитывая это, Ростовский уездный комитет помощи беженцам был переподчинен земскому и городскому самоуправлению.

21 октября 1915 г. в земской управе состоялось заседание Ростовского уездного комитета помощи беженцам в составе 14 представителей от земского и городского самоуправлений, 6 — от подсекций, по 2 представителя — от общего собрания и Кооперативного комитета и 1 — от еврейской национальной группы. Председателем комитета был избран Леонтьев, заместителем — Ф.З. Чембулов, товарищами председателя — ростовский городской голова Д.С. Завьялов и член уездной управы Д.И. Афанасьев, секретарями — Л.Р. Прушак и В.К. Подольский, а казначеем — А.В. Смыслов²⁴. Комитету предоставлялось право приглашать представителей из других организаций, занимающихся оказанием помощи нуждающимся.

Собравшиеся решили проводить заседания комитета еженедельно по воскресным дням в 19 час. вечера в «зале заседаний» городской думы, без предварительного о том уведомления. Канцелярия комитета находилась при земской управе в доме на улице Угличской и была открыта в присутственные дни с 10 час. утра до 15 и с 17 до 19 час. вечера, а в праздничные с 10 до 13 час. пополудни. С целью облегчения работы канцелярии, в связи с большим количеством беженцев, в помещении городской управы было открыто справочное бюро комитета помощи беженцам для ежедневного приема с 10 час. утра до 13 и с 17 до 19 часов²⁵.

Примечательно, что за время с 3 сентября по 20 декабря 1915 г. секция, а потом комитет 15 раз собирались на свои заседания, а с 10 января по 15 декабря 1916 г. — 34. Обсуждались вопросы помощи переселенцам. Приоритетными среди них были: выдача продовольственных пайков, одежды, обеспечение жильем, проведение противоэпидемических мероприятий, рассмотрение и утверждение ежемесячной финансовой отчетности попечительств в уезде и смет предстоящих расходов.

Свою деятельность Ростовский земско-городской комитет помощи беженцам, как и Ростовское уездное по призрению семейств нижних воинских чинов попечительство, осуществлял через районные, волостные и сельские попечительства. Ростов для удобства работы был разбит на 10 участков и за каждым был закреплен попечитель.

Согласно указаниям губернского совещания от 10 января 1916 г., которое установило порядок финансирования уездных комитетов, попечительства должны были своевременно предоставлять в комитет сведения о беженцах и затратах на них, а он в течение полуторамесячного срока высылал данные в Ярославскую губернскую комиссию по устройству беженцев. Так делалось для того, чтобы на «линии» деньги — отчеты не имелось «разрывов». Однако были случаи несвоевременного предоставления сведений председателями попечительств уезда. В связи с этим Завьялов 11 ноября 1916 г. указал, что для избежания «задержек в ассигновании» необходимо предоставлять данные о переселенцах на каждое 1-е число месяца, «никак не

позже 5-го числа»²⁶. Попечительства, не предоставлявшие сведений, исключались из списка на получение денег. Например, 10 января 1916 г. на заседании комитета были исключены 17 попечительств, в том числе Скнятиновское и Воскресенское.

Несмотря на старания ростовцев, разместить вынужденных переселенцев равномерно в селениях уезда удавалось не всегда. Это было вызвано не столько неподготовленностью помещений, сколько занятием их под другие нужды, в том числе и частями русской армии. Так, 14 декабря 1915 г. священник церкви с. Гвоздево о. Николай Соколов уведомил земско-городской комитет о невозможности принять беженцев в Гвоздево, д. Исады и д. Левково из-за того, что все свободные комнаты «заняты военными лицами расквартированного на Исадской мельнице гг. Вахромеевых пехотного баталиона». Наряду с этим в ряде селений было так много беженцев, что попечительства ходатайствовали об их расселении. В частности, 26 января 1916 г. председатель Макаровского попечительства П.А. Хмельницкий попросил комитет «о переводе из района подведомственного попечительству ста человек беженцев из общего числа двухсот пятнадцати человек куда-либо в иное место, так как Макарово в настоящее время переполнено пришлым населением (215 беженцев и учебн[ая] коман[да] 255 запасн[аго] баталиона)»²⁷.

Нашедшие кров в Ростовском уезде продовольственный и квартирный пайки получали только при наличии беженских книжек, выдаваемых Ярославской губернской комиссией, в которых содержались сведения о главе хозяйства и членах семьи, их возрасте, а также ежемесячных выплатах.

Одежда для беженцев, проживавших в Ростовском уезде, поступала и из Ярославской комиссии, на заседании которой 24 ноября 1915 г. говорилось о заказе в Всероссийском союзе земств и городов 2500 комплектов одежды и получении накладных на 750 комплектов для мужчин, 1165 пар валенок для женщин и детей, 150 пар лаптей и 150 аршин сукна на 240 пар портянок. При этом на средства губернской комиссии были куплены 400 пар валенок разных размеров, а общие затраты на покупку одежды составили 9170 руб. 8 копеек²⁸.

Население уезда также помогало в сборе вещей. О том, что жертвовали и в каком количестве, можно узнать из ведомостей о сборах, проводившихся в октябре 1915 г. в селениях Борисоглебского попечительства. Так, в ведомости от 25 октября содержатся сведения о пожертвованиях крестьянами д. Старово-Смолино: 70 коп., 1 четверть 4 меры ржи, 3 четверти 3 меры картофеля, 2 пальто женских, пиджак летний, 2 кофточки, полушубок, картуз, пара валенных сапожек²⁹.

Поскольку в Ростовском уезде было много переселенцев, и они нуждались в помощи, губернская земская управа выделила 25 тыс. руб., а Всероссийский земский союз — 5 тыс. руб. для нуждавшихся и нетрудоспособных из расчета по 20 коп. на человека. Деньги выделялись и местными благотворительными объединениями и частными лицами. Так, 10 сентября 1915 г. заседание секции помощи беженцам выразило благодарность Дамскому комитету «за отчисление в пользу беженцев 400 р.»³⁰. 1 ноября 1915 г. присутствовавшие на заседании комитета поблагодарили А.А. Титова за пожертвование в сум-

ме 100 руб. «на помощь детям-беженцам». 20 декабря комитет также выразил признательность директору гимназии имени А.Л. Кекина С.П. Моравскому и учителю А. Звонилкину за деньги, полученные от проведения спектакля в пользу детей-беженцев.

Поскольку среди прибывших в Ростов беженцев были дети, секция 24 сентября 1915 г. постановила: «Приспособить помещение Мальгинской школы (на Малой Заровской улице. — К.С.) под устройство там приюта для детей-беженцев... установив число детей, которых возможно поместить туда, в 20 человек... по возможности близкого возраста и одной национальности»³¹. Несмотря на старания ростовцев, открыть приют не удалось, но часть ребят все же была определена в эту начальную школу, а Ростовское отделение Татьянинского Комитета стало оплачивать их содержание, ежемесячно перечисляя по 50 рублей.

Чтобы дети беженцев-литовцев могли продолжить обучение во второй половине 1915/1916 учебного года, было найдено училище на северной окраине Ростова. Для разрешения вопроса комитет обратился к инспектору народных училищ, а тот — в Ростовскую городскую управу. 18 января 1916 г. был получен ответ, что «к допущению занятий беженцев-литовцев в помещении 6-го приходского училища во вторую очередь, т.е. после 2 час., препятствий... не встречается». После окончания учебы 14 мая 1916 г. учитель Ростовского частного начального училища Ярославского отдела Литовского общества С. Свенцицкий 31 мая 1916 г. сообщил инспектору, что во втором полугодии в школе-приюте было 43 чел. обоего пола, в том числе в 1-м отделении 37, во 2-м — 5 и в 3-м — 1 ученик³².

Занятия с детьми-литовцами продолжились и в 1916/1917 учебном году, а для облегчения труда учителей и наличия «полного» комплекта учеников, в школу сверх штата был принят еще один преподаватель — Шлякис. 5 октября 1916 г. он уведомил инспектора народных училищ, что уроки со 2 октября 1916 г. проходили в школе на Калмыцкой улице с 3 час. 30 мин. пополудни до 7 час. 30 мин. вечера³³. Ребята были разделены на две группы — младшую (15 мальчиков и 16 девочек) и старшую (6 мальчиков и 3 девочки). С учениками младшей группы занятия начались с изучения литовской азбуки, а старшей — русского языка по учебнику «Новая школа» (1-я книга после азбуки). В ответ на отношение Ростовского комитета от 12 сентября 1916 г. Ярославский отдел Литовского общества выслал 22 сентября в его адрес список 49 детей литовцев-беженцев, которые «осели» в Ростове и уезде и находились в литовском приюте на полном иждивении.

Ростовский комитет оказывал помощь беженцам в изучении русского языка. Рассмотрев предложение эвакуированного в Ростовский уезд Гривского высшего начального училища Рижского учебного округа от 13 февраля 1916 г. земско-городской комитет обратился 18 февраля 1916 г. к участковым попечителям Ростова с просьбой сообщить, сколько беженцев из числа взрослых «и в какие вечерние часы желало бы изучать русский язык». В ответ, например, попечитель священник о. Иоанн Карашев 23 февраля 1916 г. уведомил, что в настоящее время в Ростове при духовном училище проживают 14 человек и 7 из них желают изучать русский язык после 5 час. вечера³⁴.

8 октября 1915 г. Ф.З. Чембулов доложил комитету о новых нормах содержания беженцев, установленных губернской комиссией. По

ним продовольственный паек составлял 20 коп. в месяц на человека (6 руб. в месяц на каждого из первых четырех членов семьи, а пятому и др. — по 3 руб.) и не должен превышать 30 руб. в месяц на семью; наем квартиры в городе с отоплением и освещением до 3 чел. — по 2 руб. на каждого, от 3 до 6 — прибавка по 1 руб. 50 коп. на каждого, а также по 10 коп. в месяц на баню, проживающим в городе и селе; до 20 руб. — на одежду и обувь, детям до 15 лет — 10 руб. каждому, при условии, чтобы количество снабженных не превышало половины общего числа беженцев; затраты на медицинское обслуживание — 50 коп. в месяц на беженца³⁵. Обсудив предложенные губернской комиссией нормы, собрание решило временно оставить 15 коп. на паек, предоставив продовольственной комиссии право в любой момент увеличить его до 20 копеек.

Свое постановление ростовцы не изменили несмотря и на то, что Главный Комитет распоряжением с 10 ноября 1915 г. установил выдавать продовольственный паек из расчета 20 коп. на взрослого и 10 коп. на ребенка от 5 до 12 лет, а для питательного пункта он был отставлен прежним — 15 коп. «без различий возраста»³⁶.

По решению Ростовского комитета от 8 ноября 1915 г. те из беженцев, кто имел постоянный заработок около 15 руб. в месяц, лишались продовольственного пайка. Наряду с этим собравшиеся решили обеспечивать детей до 2-х лет молоком (крынка на 2 дня) по усмотрению участкового попечительства, и «свыше 2-х, по усмотрению врача, из средств, пожертвованных Туберкулезной лигой»³⁷.

Продовольственный паек в размере 15 коп. на человека был принят не только в Ростовском уезде, но и в других регионах России. Например, Алатырский городской комитет помощи беженцам и комитеты в Астраханской губернии также выдавали по 15 коп. на беженца. В Острогжском, Пензенском, Ростовском-на-Дону, Уфимском уездах сумма пайка колебалась от 14 до 26 копеек³⁸. Однако же в целом по стране большинство комитетов, как и Ярославский, приняли паек в 20 копеек.

Паек выдавался 3 раза в месяц, частью деньгами, частью продовольствием. Продукты беженцы получали и в магазине Ростовского общества потребителей в кредит в счет средств, поступавших также из Всероссийского земского союза. Но общая нестабильность в стране и материальные трудности привели к тому, что он отказался от финансирования местных земских комитетов. В результате правление Ростовского общества потребителей 29 ноября 1915 г. уведомило уездный комитет, что с 1 декабря 1915 г. оно прекращает отпуск продовольствия беженцам: выдача продуктов нуждающимся может производиться при условии, «если комитет будет вносить в кассу общества аванс в размере месячного забора беженцами товаров». В сложившихся условиях комитет 1 декабря 1915 г. попросил Правление общества продлить кредит на 10 дней, а также выразил согласие вносить в потребительскую лавку аванс на 10 дней вперед. Однако денег найти не удалось. В ответ 10 декабря 1915 г. общество потребителей известило комитет о прекращении с этого дня отпуска продуктов беженцам «впредь до полного погашения числящейся за комитетом задолженности»³⁹.

Забота о людях, нашедших кров в Ростовском уезде, выражалась и в улучшении удобств их проживания. Так, 1 ноября 1915 г. на

заседании комитета было решено обратиться в городскую управу с ходатайством о проведении электрического освещения в двух квартирах, где проживали беженцы — доме Павлова на Благовещенской улице и «помещении, предоставленном духовным училищем в кремле Ростова»⁴⁰.

Если говорить об отоплении квартир, в которых жили переселенцы, то возникает вопрос: сколько дров они могли купить при выдаче комитетом денег из расчета по 2 руб. на каждого члена семьи до трех человек? Об этом можно узнать из письма Карашского попечительства от 10 ноября 1915 г. на имя Ростовского комитета, где сообщалось, что «местные цены на дрова достигли до 8 руб. за саж.»⁴¹. То есть, семья из трех человек в течение месяца могла купить дров около сажени. Порой беженцы вместо денег получали удостоверение у земского начальника, и сами заготавливали дрова в Велико-Ростовском лесничестве Ярославской губернии, как правило, валежник или сухостой.

Выделял комитет деньги и на погребение умерших беженцев. Так, 1 ноября 1916 г. заседание президиума комитета приняло решение о выдаче 6 руб. 3. Токар на погребение матери Хаи-Рохли Токар, умершей на Ростовской земле 15 октября 1916 года⁴².

Иногда у беженцев возникали недоразумения с хозяевами квартир, если они проживали совместно. В частности, беженка-полячка Д.Я. Гаркова из д. Шишки Селенского уезда Гродненской губернии (солдатка нижнего чина О.А. Гаркова) 30 августа 1916 г. пожаловалась ярославскому губернатору на хозяйку квартиры, крестьянку с. Осоево Е. Гладкову. В письме она сообщила, что 29 августа 1916 г. Гладкова «взяла мои вещи и выбросила на улицу, а также выгнала меня с малолетними детьми... говоря, что я ей ничего не работаю даром». 6 сентября 1916 г. заявление Гарковой было направлено в адрес Ростовского комитета для расследования конфликта. Чтобы разобраться, председатель Перовского попечительства священник о. Димитрий Поробков на месте выяснил причину и 11 сентября 1916 г. направил в адрес комитета обстоятельное описание случившегося. В результате расследования инцидента крестьянка Гладкова показана как жертва возникшего между ней и Гарковой недоразумения, поэтому комитет, не найдя весомых причин, подтверждающих сказанное полькой, жалобу беженки оставил «без последствий»⁴³.

Следует отметить, что дети-беженцы при достижении 14-летнего возраста уже не имели права на получение пайка от Ростовского комитета. Это обуславливалось тем, что все взрослое население из числа вынужденных переселенцев должно было трудоустроиваться, если позволяло здоровье. Остальные привлекались «к сельскохозяйственному труду, в том числе [практиковался и] вывод проживающих в городах беженцев в сельские местности»⁴⁴.

Поскольку страна нуждалась в продуктах, инициатива по проведению сельскохозяйственных работ исходила «сверху». Товарищ министра внутренних дел князь В.М. Волконский указал Ярославской губернской комиссии ежемесячно к 1 числу представлять сведения о количестве беженцев, «ставших на сельскохозяйственные работы». Поэтому не случайными были распоряжения губернатора от 15 и 19 апреля 1916 г., а также постановление президиума Ростовского

земско-городского комитета от 21 апреля 1916 г., предусматривавшие снятие продовольственных и квартирных пайков у беженцев за уклонение от сельхозработ. Если они занимались нищенством или отказывались от предлагаемой работы, то также могли лишиться пайка. В марте 1916 г. Отдел по устройству беженцев Всероссийского бюро труда направил в губернские и уездные комитеты «практические мероприятия» по проведению сельскохозяйственной кампании. Он предлагал вместо «вынутых» из деревни миллионов крестьянских рук использовать труд беженцев, которых к тому времени было расселено по России около 2,5 млн, из которых от 300 до 500 тыс. чел. числились трудоспособными ⁴⁵.

В первоисточниках содержатся противоречивые сведения об участии беженцев в сельхозработах в уезде. Например, Петровское попечительство уведомило комитет, что никто из переселенцев в поле не вышел, а Татищевское и Гарское отметили, что по мере возможности работают все. В свою очередь Поречское 25 апреля 1916 г. сообщило о 38 беженцах, проживавших в районе попечительства, из которых 20 занимались трудом в поле. При отсутствии навыков работы у беженцев порой возникали трудности. В письме председателя Щениковского попечительства священника о. Михаила Соколова отмечалось: «Население слабо относится к вопросу об использовании труда беженцев, так как большею частью работа беженцев не соответствует запросам нанимателей» ⁴⁶. Не случайно, например, в Карашском попечительстве из 100 проживавших там семей только одна занималась сельхозработами, а другие трудились чернорабочими на железной дороге или пилили дрова в казенных лесных дачах. В письме Ростовского земско-городского комитета Ярославской губернской комиссии от 30 апреля 1916 г. сообщалось о 203 беженцах, занимавшихся сельскохозяйственными работами «и от работ этих никто из них не уклоняется... остальные, способные к труду беженцы, работают на железной дороге, на фабриках и других заведениях». Наем беженцев на работы в поле осуществлялся по «вольной» цене, которая на 15 июля 1916 г. составляла от 80 коп. до 2 руб. в день для мужчин и от 25 до 75 коп. в день для женщин ⁴⁷.

Беженцы, проживавшие в Ярославской губернии, могли принимать участие в полевых работах и в других губерниях. В письме главноуполномоченного ⁴⁸ по устройству беженцев в Костромской и Ярославской губерниях, отправленном 26 марта 1916 г. в губернскую комиссию, отмечалось: «Новгородский губернатор сообщил о необходимости в Новгородском, Демьянском и Валдайском уездах до 2500 рабочих беженцев для исполнения сельскохозяйственных работ. Работы начнутся со второй половины апреля. Поденная плата предложена от одного до трех рублей мужчинам и пятидесяти копеек до двух рублей женщинам» ⁴⁹.

Для того, чтобы беженцы лучше освоили навыки работ в поле, Гривское высшее начальное училище 27 апреля 1916 г. уведомило Ростовский комитет об открывающихся практических занятиях по садоводству и огородничеству в «Хлебниковском саду» на Покровской улице г. Ростова, которые планировалось проводить с половины третьего пополудни до семи часов вечера под руководством садовника ⁵⁰.

Переселенцы могли принимать участие и в заготовке дров под Ярославлем, куда требовались 750 «пильщиков» в составе 5 партий от 27 до 315 чел. в каждой. Об этом известно из отношения Ярославского отдела Всероссийского общества попечения о беженцах, направленного 5 апреля 1916 г. Ростовской земской управе. Беженцам предлагалось с 15 марта до 15 мая принять участие в «лесных работах» с оплатой за «пилку и кладку одной погонной сажени при длине поляна 12 вершков... 2 р. 50 коп.»⁵¹. Расходы, связанные с перевозкой людей, обеспечением их одеждой, инструментом, а также наймом квартир с отоплением и освещением, отдел брал на себя.

О работе беженцев на железной дороге можно судить на основании письма земско-городского комитета на имя участковых попечителей г. Ростова от 7 мая 1916 года. В нем сообщалось о потребности до 3000 рабочих рук на Петроградско-Витебскую и Рыбинско-Псковскую железнодорожные линии на срок до 1 октября 1916 г. при зарплате 55—75 руб. в месяц⁵².

Некоторые беженцы работали на предприятиях города, в «Петровской экономии племенного скотоводства и свиноводства, семенного хозяйства» в имении Александра Андреевича Титова, а также в лазаретах и приютах Ростова. Например, А. Ющик трудилась в приюте Ростовского отделения Польского общества помощи жертвам войны⁵³. В сентябре 1916 г. там находились 38 ребят⁵⁴.

Ростовское отделение Польского общества по мере возможности оказывало помощь переселенцам-полякам, о чем известно из его письма от 3 апреля 1916 г. в Ростовский земско-городской комитет. В отношении отдела по устройству беженцев Ярославской губернской земской управы от 28 апреля 1916 г. на имя Ростовского земско-городского комитета сообщалось об организации Центральным обывательским комитетом Царства Польского в Ростовском уезде двух колоний поляков-беженцев. Колония «Демидовка» была рассчитана на 1200 чел. и располагалась в Савинской волости. Для поляков было выделено 400 мест, остальные отводились под ремесленно-учебные мастерские «на 650 учеников и инвалидов из средств Комитета Ее Императорского Высочества великой княгини Татьяны Николаевны... колония в г. Петровске на 43 человека [также] перешла в ведение Центрального обывательского комитета»⁵⁵.

Примечательно, что в «Демидовке» находились и пленные поляки. Они попали сюда на основании 11 и 12 пунктов «Правил о льготах для военнопленных поляков», утвержденных 30 июня 1917 г., и имели возможность «заниматься трудом, соответственным их специальности... по оказанию помощи жертвам войны».

На 1 января 1916 г. в Ростовском уезде находилось 2890 беженцев, из них 1981 проживал в наемных «квартирах», за что комитет уплатил 7459 руб. 43 копеек. При этом 1558 взрослых призреваемых и 1214 детей получили 31 318 руб. 30 коп. в счет продовольственного пайка, который выдавался из расчета по 15 коп. в день на человека, а 463 беженцам были выданы одежда, белье, обувь и другие вещи на сумму 2481 руб. 77 копеек⁵⁶. Всего же к этому времени на содержание беженцев в уезде было затрачено 43 734 руб. 58 коп., в том числе 40 254 руб. 2 коп. поступили из Ярославского губернского земства, а 3480 руб. 56 коп. — от пожертвований учреждений и частных лиц⁵⁷.

Общее количество беженцев в Ярославской губернии к концу 1915 г. превысило 10 тыс. чел., в 1916 г. достигло 13 тыс., а затраты на них, выделенные из губернских средств, соответственно составили 270 200 руб. и 356 166 рублей⁵⁸.

Принимая во внимание имевшуюся в стране дороговизну, Ростовский комитет 16 февраля 1916 г. решил увеличить с 1 марта нормы продовольственного пайка до 20 коп. на человека и 40 руб. в месяц для одной семьи вместо 15 коп и 30 рублей. Решение ростовцев определило отношение Ярославской губернской комиссии от 24 февраля 1916 г., которым с 1 апреля были установлены нормы продовольственного, квартирного и дровяного пайков. В частности, продовольственный паек разрешалось выдавать по 20 коп. в день на первых 4 человек, а с 5-го — по половине пайка, то есть по 10 коп., а квартирный и дровяной — «натурою» в размере, соответствующем 4 коп. на душу в селениях и 7 коп. — в городах на первых 4 человек, а с 5-го — в половинном размере — 2 и 3,5 копейки⁵⁹.

Следует отметить, что на увеличении выплат сказывалась и обстановка в стране и, конкретно, в Ростовском уезде. В частности, 21 января 1916 г. комитет рассмотрел вопрос об оказании помощи беженцам, работавшим на Кекинской фабрике (Рольме. — К.С.). Из-за начавшейся забастовки работы на ней приостановились, поэтому президиуму комитета пришлось выдать деньги и вынужденным безработным.

При размещении переселенцев ростовцы руководствовались Положением, утвержденным 2 марта 1916 г. Министерством внутренних дел.

Для сбора данных об оседлости беженцев Ростовский комитет 19 августа 1916 г. указал председателям попечительств уезда и попечителям Ростова «в самый короткий срок, и никак не позже 26-го августа, доставить... сведения на срок 1-го июля сего года... сколько на попечении... состояло... беженцев»⁶⁰. Полученная информация обрабатывалась и заносилась в бланки, составленные и высланные Ярославской губернской управой 31 октября 1915 года. Ежемесячно 1, 10 и 20 числа через Ростовскую земскую управу данные направлялись во Всероссийский союз земств и городов, Ярославскую губернскую комиссию по устройству беженцев при губернской управе. Своевременное предоставление сведений в вышеуказанные инстанции также способствовало быстрому получению денег из казны.

При составлении отчетов о беженцах у попечительств порой возникали затруднения. Так, например, 13 ноября 1916 г. комитет предложил председателям попечительств представить списки беженцев по приложенной форме, с указанием не только членов семейств, возраста и места постоянного проживания, но и пути следования, грунтовых или железных дорог, числа, месяца и года прибытия в Ростовский уезд, а также места поселения. Эти данные были нужны для выдачи переселенцам билетов на получение пайка, которые заполнялись по установленной Министерством внутренних дел форме. В ответ Гарское попечительство заметило: «Относительно же присланной комитетом формы на составление билетов, то это представит для нас положительно Сизифов труд; придется разъезжать по деревням и расспрашивать каждое семейство, есть ли у них грунтовая или железная дорога; где они ехали и где шли пешком, куда могли деваться члены семьи, когда...»⁶¹.

Среди документов Ростовской земской управы сохранились и такие, в которых содержатся сведения о работе медико-санитарной подсекции. В 1915 г. она собиралась на свои заседания 6 раз. Говоря о продолжительности обязательного пребывания беженцев в Ростове «под обсервацией» перед отправкой их в уезд, подсекция 6 сентября решила: «Беженцев, среди кот[орых] не было заразных заболеваний, распределять по уезду немедленно. Среди кот[орых] обнаружены заразные забол[евания] в продолж[ении] икубац[ийонного] периода... оставлять под наблюдением в городе или во врачебных пунктах уезда. Это постановление касается беженцев, находившихся в одном вагоне с заразными больными, а не всей прибывшей партии»⁶². Одежда общавшихся с больными должна была подвергаться немедленной дезинфекции.

В земской больнице Ростова врачебный прием лиц из числа беженцев проводился с 9 час. утра до 14 час. дня и с 17 до 18 час. вечера, а в экстренных случаях они принимались в любое время⁶³. С 1 января 1915 г. по 1 июля 1916 г. амбулаторно было принято 954 беженца, а в стационаре «пользовано 154 человека, пролежавших 1976 дней»⁶⁴. Беженцы лечились и в больницах уезда. Так, председатель Вошажниковского попечительства протоиерей о. И. Сретенский 26 августа 1916 г. сообщил уездному комитету о 7 лечившихся в Вошажниковской земской больнице и получавших там продуктовые пайки.

С целью предупреждения заболеваний среди беженцев члены подсекции 14 сентября 1915 г. решили обратиться в квартирную подсекцию с предложением о выделении помещения из 2-х комнат для устройства в нем амбулатории для беженцев. Врач Л.Я. Богданов уведомил, что, согласно постановлению Туберкулезной лиги, ею было выделено 260 руб. «для улучшения питания ослабленных и туберк[улезных]... беженцев»⁶⁵.

Деньги выделялись и для оплаты за подводы и за пароход на о. Неро для перевозки беженцев. Поэтому в письме земского начальника 2-го участка от 23 октября 1915 г. комитету предлагалось направить беженцев из Ростова до станции «Итларь» по железной дороге, так как бесплатных подвод у Иванчищевского и Спас-Городецкого попечительств Щадневской волости не имелось, а провоз с указанной станции до места стоил 2 руб. за подводу⁶⁶. Необходимо было учитывать и то, что расстояние от попечительств до Итлари составляло 15 верст, а до Ростова — 40. Впрочем, с крестьян не всегда брали деньги, порой везли и бесплатно. Так, земский начальник сообщил, что в «Дубровском попечительстве есть помещения на 30 человек... подводы даются 4 бесплатно»⁶⁷.

Отсутствие необходимого количества подвод, а также имевшая место неразбериха сказывались на своевременной перевозке беженцев с железнодорожных станций к местам временного проживания. Об этом известно из телеграммы некоего Волосевича со станции «Деболовской», отправленной 20 декабря 1915 г. Ростовской городской управе: «Уже два вагона простаивают с беженцами, несмотря на уведомление Зверинцевскаго волостного правления никто за беженцами не приезжает, благоволите распоряжением»⁶⁸. Примечательно, что из Ростова до станций «Итларь», «Петровск», «Деболовская», «Семибратово» вынужденные переселенцы перевозились по льготному тарифу.

Уездная управа обращалась в Ярославскую губернскую земскую управу для выдачи «талона экстренного отзыва», где указывалось количество пассажиров, вес багажа, имущества, а также путь следования ⁶⁹.

19 августа 1916 г. из Ярославля в Ростов прибыло 200 евреев-беженцев ⁷⁰, часть из них была поселена в бывшей гостинице «Тулон» ⁷¹. Об их отправке Ростовскую земскую управу 5 августа 1916 г. уведомил и.д. губернатора князь М.А. Черкасский. Среди прибывших были и те, которые в составе партии около 800 человек приехали в Ярославль из г. Двинска.

Для приспособления помещений гостиницы комитет израсходовал 89 руб. 70 коп. из своих средств. Несмотря на это, уполномоченный Петроградского еврейского комитета помощи жертвам войны Т.И. Брамсон уведомил губернскую земскую управу: «...Поселенные в г. Ростове беженцы-евреи находятся в затруднительном положении ввиду того, что уездным комитетом до сих пор не устроен барак для варки пищи и не доставлены дрова в помещение гостиницы «Тулон» ⁷². В ответ управа 27 сентября 1916 г. предложила Ростовскому комитету установить в помещении бак для «варки» кипятка и привезти полсажени дров.

Государство старалось, по мере возможности, решать вопросы и по возмещению убытков, понесенных беженцами на их малой родине. Так, Е. Васильев, беженец из мещан г. Видзы Ново-Александровского уезда Ковенской губернии, проживавший в с. Татищев Погост, обратился 12 октября 1915 г. в Ростовский комитет за разъяснением, где получить деньги «за истребление» имущества. Свои действия он обосновывал наличием акта оценки утраченного на сумму 1005 руб., который 25 июля 1915 г. ему выдал старшина Таврогинской волости К. Гайвелис. На его письме сохранился ответ товарища председателя комитета: «Инструкция об оплате в казначейство не получена, во всяком случае, оплате подлежат лишь реквизированные квитанции или акты комиссий... Акт старшины может лучше служить основанием в будущем для ходатайства о возмещении убытков» ⁷³.

Некоторые из беженцев лишились домашнего скота, который был взят для нужд русской армии, и по прибытии на место временного проживания обратились за получением компенсации. Для выяснения вопроса уездный комитет помощи беженцам 10 декабря 1915 г. запросил губернскую комиссию о том, «производится ли и где именно выдача денег беженцам по квитанциям за реквизированный у них скот». В ответ она 16 декабря 1915 г. ⁷¹ предложила выслать копии «реквизиционных квитанций», так как по ее постановлению от 24 ноября 1915 г. уездные организации должны были принимать заявления от беженцев на возмещение убытков, связанных с реквизицией и уничтожением имущества. Ростовский комитет 23 декабря 1915 г. известил об этом волостные и участковые городские попечительства, предложив предоставлять ему указанные копии. Поэтому 16 января 1916 г. Вошажниковское попечительство выслало 7 копий, Карашское в тот же день — 13, а Воржское 28 ноября 1916 г. — копию с описи имущества беженца М.Ф. Лапинского из местечка Ораны Виленской губернии на сумму 379 рублей ⁷⁴.

Следует заметить, что беженцам, проживавшим в Ярославской губернии, разрешалось передвигаться в основном только по ее терри-

тории. Это видно из отношений Ярославской губернской комиссии от 15 и 31 декабря 1915 г., в которых сообщалось о выдаче «экстренных отзывов» на проезд беженцев только по Ярославской губернии, а за ее пределы — лишь в особо исключительных случаях, «после строгой проверки их уважительности, но ни в коем случае не в губернии западные, юго-западные, и в города Петроград и Москву»⁷⁵. Так, в ответ на отношение Полоцкого отделения епархиального училищного совета от 28 октября 1915 г. о выезде учительницы Екиманской церковно-приходской школы Полоцкого уезда Витебской губернии В. Черепниной к месту «своего служения», Ростовский комитет выдал ей «экстренный отзыв» на бесплатный проезд по железной дороге от станции «Ростов-Ярославский» до станции «Полоцк»⁷⁶. Комитет также пошел навстречу настоятельнице Спасо-Евфимиевского женского монастыря игуменье Елене, и в ответ на ее просьбу 22 ноября 1915 г. разрешил выезд из ростовского Богоявленского-Авраамиева монастыря⁷⁷ 8 сестрам в Полоцк Витебской губернии «для исправления послушаний в качестве чтецов и певцов за богослужениями в Спас-Евфросиниевском монастыре, совершаемыми для монашествующих и воинских частей, расположившихся в монастыре и вблизи онаго»⁷⁸. Однако 10 января 1916 г. комитет отклонил прошение игуменьи, руководствуясь распоряжением штаба Верховного главнокомандующего, по которому обратное движение беженцев в Витебскую губернию было воспрещено, и не выдал билеты на проезд в Полоцк 25 монахиням⁷⁹.

Со временем порядок выдачи предложений и «экстренных вызовов» стал ужесточаться. Об этом можно узнать из циркуляра губернатора С.Д. Евреинова от 5 марта 1916 г. и письма Ярославской губернской земской управы от 10 ноября 1916 г. на имя земских и городских управ, а также уездного комитета Ростова, в которых особо предписывалось, ссылаясь на распоряжение Министерства внутренних дел, выдачу беженцам указанных документов производить при наличии «уважительных» причин и только с согласия губернатора, как и возможность переселиться — «с разрешения губернатора тех мест, куда они намерены переехать»⁸⁰.

Ярославский губернатор циркулярами от 12 ноября 1915 г. и от 15 февраля 1916 г. запретил выдачу беженцам бесплатных билетов на проезд в Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Смоленскую, Волынскую, Подольскую, Бессарабскую, Херсонскую, Псковскую, Киевскую, Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую губернии, а от 23 ноября 1915 г. — на проезд в местности, лежащие на западном берегу Днепра⁸¹. В случаях, когда переселенцы самовольно уезжали в родные края, они, как правило, незамедлительно высылались «военными властями» обратно.

Но поскольку страна нуждалась в рабочих руках, комитет мог выдать беженцам разрешение на выезд в другие города или регионы России на заработки. Так, и.д. губернатора князь Черкасский в феврале 1916 г. известил земские и городские управы об уведомлении Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности о разрешении на выдачу льготного тарифа № 117 от 1915 г. «экстренных отзывов» на проезд по железной дороге рабочим-беженцам с семьями, согласившимся работать на фабриках и заводах⁸². В связи с

этим, например, переселенцы И. Лепешко, А. Емельяных, А. Наронович из Гарского попечительства по состоянию на 27 мая 1916 г. находились на заработках в Петрограде, а К. Крушевский 1 сентября 1916 г. оставил службу в Ростовском земстве и поступил на фабрику Хишина в Москве ⁸³.

Если потребности в рабочей силе в той или иной губернии не было, выехать в нее беженцы уже не могли. В частности, 27 ноября 1915 г. губернатор поставил в известность местные органы самоуправления о запрещении выпускать переселенцев в Амурскую и Приморскую области в связи с имевшим место там неурожаем и затруднением найти работу. Ярославское губернское совещание по устройству беженцев 17 мая 1916 г. уведомило земские и городские управы, что, согласно телеграмме замминистра внутренних дел В.Г. Кондоиди, «в Миасский завод Оренбургской губернии доступ беженцам запрещен» ⁸⁴. Это же совещание 28 мая и 7 июля 1916 г. сообщило о прекращении доступа переселенцам в Екатеринославскую и Таврическую губернии.

Некоторые беженцы из оккупированных территорий в годы первой мировой войны получали помощь от родственников, проживавших в Америке, через посредничество банка The Bank of the United States New-York. 18 марта 1916 г. Особое совещание по устройству беженцев Министерства внутренних дел уведомило уполномоченного по Ярославской губернии, что банк просит довести до сведения в России, что русские, «имеющие родных в Нью-Йорке или Бруклине, но не знающие их адреса, могут писать в банк, указывая, из какого города в России выехало в Америку данное лицо, в таком случае банк позаботится, чтобы письмо дошло по адресату» ⁸⁵. По сообщению банка, он уже много получил подобных писем и имел возможность оказать содействие в пересылке средств для нуждающихся лиц.

13 мая 1916 г. Николай II утвердил «Временные правила об оказании ссудной помощи пострадавшему от войны населению». Согласно 6-й статье, размер получаемой ссуды напрямую зависел от дохода лиц и размера вкладов «в кредитных установлениях» и составлял от 300 руб. до 6000 руб., но свыше установленной суммы выдача денег «ни в коем случае не допускается» ⁸⁶. Следует отметить, что получить ссуду по этим правилам могли не все беженцы. Первый параграф указывал: «Настоящие Временные правила не распространяются на лиц, получающих казенный беженский продовольственный и квартирный паек» ⁸⁷. Впрочем, эти Правила так и не нашли применения в Ростовском уезде.

По тарифу № 117 от 1915 г. беженцы имели право на льготный проезд по железной дороге, представляя при этом беженские книжки, удостоверения городских и земских управ, волостных попечительств. Но в связи с трудностями на фронте и отсутствием в государственной казне достаточного количества денег, Отдел по устройству беженцев издал 17 ноября 1916 г. циркуляр за № 28/9988 о сокращении расходов на нужды беженцев, который вступал в силу с 25 ноября 1916 года. Согласно § 2, правом льготного проезда могли пользоваться только нуждающиеся беженцы, которые получали продовольственный и квартирный пайки, а также «при установленном отсутствии у них собственных средств для проезда на свой счет» ⁸⁸. В случаях «экстренных отзывов» льготный проезд предусматривался при проезде беженцев

на военные и сельхозработы, при неотложной необходимости явиться в общественные присутствия и на соединение со своими семьями. Можно было провести не свыше 5 пудов багажа на одно лицо.

Находясь вдали от родины, беженцы переписывались со своими родственниками или односельчанами. Среди документов земско-городского комитета сохранилось письмо И.Б. Грибы, написанное в Ростов неустановленному корреспонденту: «Уведомляю, что мы живем в городе Иркутске, дали нам казенные квартиры и дают казенную пищу и вот скоро молодых, наверное, позабирают, уже есть объявл[ения]... Еще уведомляю, что в нашей квартире находится 50 человек, все... с нашей деревни. Всего 10 нед[ель] как выехали из дому. Пока, до свидания. Адрес наш, пиши. В городе Иркутске Сенная площадь, дом № 4. Убежище. Получить... Ивану Борисову Грибу»⁸⁹.

Становление благотворительной организации в Ростовском уезде было не простым. До 1 октября 1915 г. комитет значился в документах как секция помощи беженцам при Ростовском уездном комитете помощи больным и раненым воинам Всероссийского земского союза, а потом как Ростовский уездный комитет помощи беженцам при земском и городском самоуправлениях и только с 15 ноября 1915 г. стал называться «Ростовский уездный земско-городской комитет помощи беженцам»⁹⁰. Его деятельность получила поддержку со стороны жителей Ростовского уезда, он стал примером для других комитетов Ярославской губернии. Не случайно 4 марта 1916 г. Б.А. Головань в своем докладе отметил: «Образцовой центральной уездной организацией, носящей наиболее общественный характер, является Ростовский земско-городской комитет... Эта особенность деятельности ростовской организации выгодно отличает ее почти от всех уездных городов губернии...»⁹¹.

Таким образом, открытый Ростовским земством с помощью городского самоуправления уездный земско-городской комитет помощи беженцам проделал в годы военного лихолетья большую работу по оказанию помощи переселенцам. Она заключалась в выдаче продовольственных и квартирных пайков, лечении и отпуске бесплатных медикаментов, предоставлении бесплатного жилья, содействии в трудоустройстве, получении образования.

Примечания

1. КУРЦЕВ А.Н. Беженцы Первой мировой войны (1914—1918 гг.). — Вопросы истории. 1999, № 8, с. 98—113; ГЭТРЕЛЛ П. Беженцы в России в годы первой мировой войны. — Исторические записки. 2001, № 4, с. 46—72; БОМБИР О.В. Социальный портрет беженцев в годы Первой мировой войны. — Вопросы отечественной и зарубежной истории. Ярославль. 2003, с. 56—63; ГРИЦАЕВА А.Н. Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий. Дисс. канд. ист. наук. М. 2008; КИЩЕНКОВ М.С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии. — Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. Т. II. Ярославль. 2010, №. 2, с. 61—65; ГУЛИДОВ А.Ю. Размещение беженцев на территории Владимирской губернии в годы Первой мировой войны. — Там же. Т. I. Ярославль. 2011, №. 1, с. 32—35.
2. Все даты приведены по старому стилю.

3. ПОПИНОВА М.В. Организация помощи беженцам первой мировой войны (на примере деятельности Ярославского городского комитета помощи беженцам). В кн.: Народ, политика, власть в России. Ярославль. 2000, с. 92, 96.
4. Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (РФГА ЯО), ф. 5, оп. 1, д. 1012, л. 8.
5. Там же, ф. 65, оп. 1, д. 2, л. 42, 44—44об.
6. Там же, д. 6, л. 12.
7. Цит. по: КУРЦЕВ А.Н. Ук. соч., с. 101.
8. РФГА ЯО, ф. 65, оп. 1, д. 2, л. 45об.
9. Там же, д. 1, л. 7об., 29.
10. Там же, д. 6, л. 5.
11. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 1012, л. 4об., 9.
12. Там же, л. 5об.
13. Там же, л. 6.
14. Там же, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 6.
15. Там же, д. 12, л. 60.
16. Там же, д. 1, л. 3.
17. Там же, д. 12, л. 60.
18. Там же, д. 6, л. 13.
19. Там же, д. 12, л. 69, д. 14, л. 2.
20. Там же, л. 1.
21. Журнал чрезвычайного Ростовского уездного земского собрания. Заседания 20-го сентября 1915 года. Ярославль. 1915, с. 29— 30.
22. РФГА ЯО, ф. 5, оп. 1, д. 1012, л. 10.
23. Там же, л. 13, 16—16об.
24. Там же, л. 18—18об.; ф. 65, оп. 1, д. 1, л. 13об.
25. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 1012, л. 17.
26. Там же, ф. 65, оп. 1, д. 4, л. 492.
27. Там же, д. 14, л. 125, 140.
28. Там же, д. 6, л. 90.
29. Там же, д. 3, л. 3.
30. Там же, д. 1, л. 2об., 3об.
31. Там же, л. 9.
32. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 103, л. 5, 7.
33. Там же, л. 6.
34. Там же, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 170, 172, 197.
35. Там же, д. 1, л. 10, 21об.; д. 11, л. 93.
36. Там же, д. 1, л. 19, 21об.; д. 6, л. 112.
37. Там же, д. 1, л. 21об.
38. Там же, д. 6, л. 109, 110.
39. Там же, л. 63, 93.
40. Там же, д. 1, л. 19об.
41. Там же, д. 6, л. 41.
42. Там же, д. 11, л. 103об.—104.
43. Там же, д. 6, л. 374, 376.
44. Там же, л. 243.
45. Там же, л. 198; д. 26, л. 2.
46. Там же, д. 6, л. 361.
47. Там же, л. 269—269об., 314.
48. Прекратил свою деятельность с 31 августа 1916 г. на основании распоряжения Министерства внутренних дел. РФГА ЯО, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 357.
49. Там же, л. 240.
50. Там же, л. 251—251об.
51. Там же, л. 241.
52. Там же, л. 273, 283.
53. На 8 сентября 1916 г. в приюте также находились и «беженские дети: Михаил, Иван и Антонина Маньковские и Константин, Анна и Вацлав Марвойши... на

- полном иждивении, не получают лишь обуви и ночуют дома». РФГА ЯО, ф. 65, оп. 1, д. 4, л. 412.
54. Там же, л. 455—455об.
55. Там же, д. 14, л. 204—204об.
56. Там же, ф. 65, оп. 1, д. 4, л. 46—47; д. 7, л. 2—3, 5—6.
57. Там же, л. 1об., 4об., 11.
58. КИЩЕНКОВ М.С. Ук. соч., с. 62.
59. РФГА ЯО, ф. 65, оп. 1, д. 11, л. 16об., 22.
60. Там же, д. 4, л. 298.
61. Там же, л. 525.
62. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 1012, л. 25об.
63. Там же, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 38.
64. Там же, д. 4, л. 359.
65. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 1012, л. 28.
66. Там же, ф. 65, оп. 1, д. 14, л. 8.
67. Там же, л. 3.
68. Там же, л. 119.
69. Там же, д. 14, л. 221—222.
70. Исполняя распоряжение министра внутренних дел, ярославский губернатор С.Д. Евреинов 12 декабря 1915 г. уведомил земские и городские управы, что «беженцы-евреи не должны совсем направляться в города Петроград и Москву». РФГА ЯО, ф. 65, оп. 1, д. 13, л. 41.
71. Там же, д. 11, л. 83—83об.; д. 14, л. 256.
72. Там же, д. 14, л. 265.
73. Там же, д. 12, л. 68.
74. Там же, д. 6, л. 92, 141—142, 146, 427.
75. Там же, д. 11, л. 4об.; д. 13, л. 40, 47.
76. Там же, д. 13, л. 9, 10.
77. Полоцкий Спасо-Евфросиниевский женский монастырь из Витебской губернии был эвакуирован в Ростов и размещался в Богоявленском Авраамиевом мужском монастыре. РФГА ЯО, ф. 65, оп. 1, д. 4, л. 75.
78. Там же, д. 13, л. 12—13.
79. Там же, д. 11, л. 5; д. 13, л. 50—50об.
80. Там же, д. 13, л. 72, 144.
81. Там же, д. 1, л. 28об.; д. 11, л. 19—19об.; д. 13, л. 16.
82. Там же, д. 13, л. 67.
83. Там же, д. 11, л. 94об.; д. 14, л. 186.
84. Там же, д. 13, л. 96.
85. Там же, д. 6, л. 242.
86. Временные Правила об оказании ссудной помощи пострадавшему от войны населению. Петроград. 1916, с. 3—4.
87. Там же, с. 1.
88. РФГА ЯО, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 437.
89. Там же, д. 13, л. 38.
90. Там же, д. 1, л. 1—25.
91. КУЗНЕЦОВА О.В. Поляки и Ярославский край (конец XVIII — начало 30-х гг. XX в.). Научно-справочное издание. Ярославль. 2012, с. 898; РФГА ЯО, ф. 65, оп. 1, д. 14, л. 156—156об.

Государственное устройство и политическая система имамата Шамиля

Сечжин Чжун

После убийства в Аварии в 1834 г. Гамзат-Бека многочисленное собрание мусульманских ученых, старейшин и почетных людей из среды узденей избрало имамом Шамиля. С тех пор он стоял во главе мюридистского движения вплоть до 1859 г., когда был взят в плен русскими войсками. Шамиль по сравнению со своими предшественниками (Гази-Мухаммедом и Гамзат-Бекком) был несравненно более яркой и талантливой личностью. Важнейшей особенностью имамата являлось то, что его основной функцией с самого начала была борьба с превосходящими силами царизма и местными феодалам. В годы наибольшего успеха движения Шамиля значительная часть Дагестана (за исключением земель, населенных кумыками, даргинцами, лезгинами, лакцами и табасаранцами), а также большая часть территории Чечни входили в имамат. По данным Р.А. Фадеева, его площадь составляла «около 900 верст в окружности»¹ и была разделена на участки, называемые наибствами, число и размеры которых подвергались изменениям в зависимости от успехов или же поражений движения. Наибольшее их количество было в 40-х гг. XIX в. во время подъема мюридистского движения. Наибства объединялись в три области (лишь одно наибство — Ичкерииское — не входило в состав областей и управлялось непосредственно Шамилем). Из числа зажиточных и состоятельных узденей, отличавшихся личной преданностью имаму, назначались наибы. Им подчинялись более мелкие администраторы — мазуны, старейшины и т.д. Большая власть была в руках судей — кадиев.

В имамате было более 150 наибов, представлявших разные народы: аварцев, чеченцев, ингушей, лакцев, даргинцев, рутульцев, кабардинцев, кумыков и др. Возникновение имамата было вызвано потребностями вооруженной борьбы против царизма, хотя сам Шамиль объяснил его создание стремлением получить возможность беспрепятственно вводить шариат. Большую роль в агитации против колониального режима царской России сыграл чисто религиозный момент.

Сечжин Чжун — профессор университета Ханъянг. Республика Корея.

В Дагестане и прилегающих районах в 30-х гг. XIX в. широко распространялось учение мюридизма, призывавшего к объединению всех мусульман на священную борьбу за веру. Многие ханы, беки и старшины начали получать в начале 30-х гг. XIX в. специальные обращения о том, что приблизилось время «джихада», «войны за веру», что они обязаны «восстановить народ против неверных, дабы не уничтожилась мусульманская вера темнотою неверия и властью их над магометанами»². Завершился первый этап движения падением знаменитой крепости Ахульго и вынужденным уходом Шамиля в Чечню.

Внедрение шариата как единого исламского закона давало возможность создать своеобразную горскую государственность. Согласно догмам ислама, все верующие равны перед Аллахом, понимание этого основополагающего религиозного постулата и принятие шариата всеми горцами способствовало устранению межэтнической вражды и объединению многочисленных племен Северного Кавказа в единую силу, способную противостоять как внешним, так и внутренним врагам. М.А. Абдуллаев, говоря об основной базе движения сопротивления горцев, подчеркивает, что оно содержало в себе положение о божественном происхождении политической власти, дававшее возможность использования религии в политических целях.

Всякая мысль облекалась в религиозную форму. Иной формы идеологии не было³. Гази Мухаммед выбрал более воинственную интерпретацию ислама — тарикат: распространение обучения одним только словом недостаточно; нужно также использовать меч⁴. Вся административная, хозяйственная, а также военная жизнь в имамате строго регламентировалась нормами шариата — этого религиозно-правового кодекса феодального общества на Востоке.

Во главе властной пирамиды стоял сам Шамиль. Как имаму ему принадлежала верховная светская и религиозная власть. Он официально принял титул халифа, что должно было придать его правлению легитимность в глазах мусульман Кавказа и Ближнего Востока. Тем самым Шамиль прямо связывал себя с преемниками Мухаммеда, четырьмя праведными халифами, при которых в мусульманском мире VII в. и появился этот титул. Вместе тем, в дипломатической переписке Шамиль продолжал признавать примат духовной власти османского султана, который также носил этот титул и претендовал на духовную преемственность с правителями Арабского халифата⁵.

В конце 40-х гг. XIX в. под верховное управление Шамиля вошла и большая часть Северо-Западного Кавказа, населенная сотнями тысяч черкесов. Посланец Шамиля, наиб Магомед-Амин, по примеру верховного имамата сумел сплотить здесь военные силы горцев и создать организованную систему управления государственного типа. Население было разноязычным и разноэтническим — насчитывалось до 50 народов и этнических групп. К этому времени власть Шамиля распространялась на большие территории.

Шамиль стремился проводить одинаковую политику по отношению к разным народам. В его письме к обществу Аргуна сказано: «Да будет известно и ведомо вам, что жители всего Дагестана у меня наравне с детьми моими. Мы не полагаем никакого различия между ними, не считаем одних близкими своими и любящими, а других далекими врагами»⁶. Шамиль прекрасно знал, что в прошлом народы Кавказа много-

кратно объединялись в борьбе против завоевателей. Эту традицию дружбы и исторический опыт он не только поддерживал, но и «предпринимал титанические усилия для объединения сил народов в общей борьбе и достиг в этом деле немалых положительных результатов» ⁷.

Для решения различных вопросов Шамиль создал «Совет ученых», который действовал под его личным председательством. Шамиль и его Совет олицетворяли высшую военную, административную и судебную инстанции, где сходились все нити местного управления и рассматривались наиболее важные вопросы общественной жизни. Совет заседал ежедневно, кроме пятниц, посвященных молитве ⁸. «Совет ученых» заседал с утра до обеда, а иногда до самого вечера в специальной комнате, примыкавшей к покоям имама и строго охранявшейся. Помимо постоянных членов Совета на заседаниях присутствовали писарь-секретарь, готовивший письменные распоряжения Шамиля и прочие бумаги, переводчик с чеченского и других языков, начальник караула, начальник корпуса телохранителей.

Шамиль лично принимал жалобы от трудящихся. Если дело было сложное, он предварительно наводил через наибов необходимые справки ⁹. В случае необходимости Шамиль направлял соответствующему должностному лицу или общине письмо с указанием, как поступить в том или ином деле. Шамиль мог решить дело и не в пользу представителей своей администрации. Когда ответчиком выступал уполномоченный имама, а имам решал дело в пользу истца, виновному высказывалось порицание и давалось указание, чем и как возместить нанесенный ущерб. Для решения вопросов общегосударственного масштаба созывались специальные съезды наибов, ученых, алимов и других представителей администрации. Такие съезды были созваны в Дарго (1841), Алмае (1845), Анди (1847), Ругудже (1851), Шали (1858) и в Хунзахе (1859) ¹⁰.

Как уже было сказано, Шамиль разделил территорию государства на наибства в целях эффективного управления — границы наибств соответствовали границам расселения народов и обществ. Наибство делилось на участки, во главе каждого из которых стоял начальник — мазун. При нем для разбирательства дел состояли муллы, а для выполнения решений — муртазикаты, набиравшиеся по одному из 10 семей. В обязанности мазуна входила заготовка провианта на указанное наибом число людей и сбор вооруженных отрядов к выступлению. Эти воины, как и мюриды, составляли отборную конницу, и на поле боя обычно действовали отдельно от прочих войск под командой своего мазуна. Общая численность конницы достигала 1000 человек ¹¹.

При мазуне для разбирательства дел находился мулла. Кроме того, в каждой деревне имелся мулла, решавший дела словсно. Муллы составляли первую инстанцию судебной власти. Рассмотренные ими дела поступали на рассмотрение и решение к наибу ¹².

Во главе наибств Шамиль стремился ставить людей мужественных и храбрых, пользовавшихся доверием и любовью народа. Феодализирующаяся верхушка горских племен поддерживала политику Шамиля и его наибов, направленную на ликвидацию остатков патриархальной демократии, уничтожение общинных традиций и родовых обычаев, на замену адатов шариатом, а древних родоплеменных религиозных культов — единой монотеистической системой, так как все эти мероприятия ослабляли силу сопротивления крестьян, боров-

шихся против усиления феодальной зависимости. Наибы были опорой военно-административного аппарата. Часто руководителем того или иного вилайета (района) становился его уроженец. Они назначались имамом. Наибство обычно включало в себя одно вольное общество, но в некоторых случаях — несколько. Все население имамата считалось военнообязанным, и поэтому каждый горец в возрасте от 15 до 50 лет должен был по первому требованию включаться в народное ополчение. В отдельных боях под знаменами Шамиля и с лозунгами газавата участвовало 10—15 тыс. человек ¹³.

Как пишет К.И. Прушановский: «Обязанности каждого наиба состоят в том, чтобы управлять вверенной ему частью, строго и добросовестно наблюдать за непрерывным исполнением шариата, уничтожать существовавшие между различными племенами раздоры, соглашать их различные выгоды, устранять между ними враждебные столкновения и в особенности кровное мщение» ¹⁴. То есть в обязанности наивов входило: управление наибством, сбор установленных налогов, набор рекрутов ¹⁵. В частности, наиб следил за тем, как подчиненные исполняют наставления и приказы Шамиля.

Обычно наиб осуществлял всю полноту власти в своей области, за исключением права предания смерти виновного — это право принадлежало самому имаму. Наиб отвечал за соблюдение законности и порядка. Он был обязан прекращать междоусобицы, особенно кровную месть. Наиб имел поверенных в каждом селении — своих ассистентов: одного по гражданским и военным делам (старшина или дебир), другого — по духовным (кадий). В разделе «Низам» об обязанностях кадиев говорится следующее: каждый законовед, муфтий и кадий должен быть готов по первому зову имама выступить с войсками в поход против неверных. Если же он не в состоянии сражаться руками, то пусть сражается языком: наставляет, предостерегает, побуждает верующих к тому, что бог обещал сражающимся ¹⁶.

Административные функции были поручены сельским кади и муфтиям союзов селений, то есть специалистам по мусульманскому праву, а не суфиям ¹⁷. Судопроизводство в селах, входивших в состав имамата, осуществляли муллы и кадии, а на территории наибств — муфтии. В ведении последних находились как гражданские, так и религиозные дела. Решения указанных должностных лиц исполнялись добровольно. В случае несогласия одной из сторон уголовное или гражданское дело разбиралось наибом, на решения которого можно было подавать апелляции имаму ¹⁸. Муфтий ведал несколькими кадиями, руководил их деятельностью и решал поступавшие к нему спорные дела на основании шариата. Кадии произносили хутбу в мечети каждую пятницу и вообще следили за тем, чтобы их подопечные жили в соответствии с шариатом. Кадии действовали на местном уровне, подчиняясь муфтиям, а те обеспечивали власть имама на уровне вилайета и отвечали за образование.

Назначенные имамом наибы полностью покорялись ему как в военных, так и в административных делах. В горском обществе, пропитанном духом и бытом войны, они были одновременно и «генералами» и гражданскими «губернаторами». Главными рекомендациями при получении этой должности являлись: личная преданность Шамилю, соблюдение шариата, полководческие и организаторские спо-

собности, храбрость. Социальное происхождение не имело принципиального значения: подразумевалось, что перед аллахом, имамом и шариатом все равны ¹⁹.

У двух первых имамов были верные последователи числом от несколько десятков до нескольких сот человек, которые составляли ядро военной силы горцев. При Шамиле эти горские рыцари были сведены в особое образование и стали называться «наиб-мюриды». Из них 120 чел. были разбиты на десятки и составляли личную охрану имама. Остальные распределялись по мудирам и наибам, служили им телохранителями и доверенными лицами для особых поручений ²⁰.

Каждое наибство представляло собой военно-административную единицу. Самой главной функцией наиба было осуществление военного командования в своем районе, руководство своими людьми на поле боя и, следовательно, обеспечение их боеготовности. Нередко наиб имел одновременно и военное и духовное звание ²¹. Кавалерия имама, мобилизованная из всех наибств, могла достигать до пяти тысяч человек и более. В промежутках между походами ее использовали в качестве полицейских сил для охраны внутреннего порядка в наибстве и инструмента проведения соответствующей социальной и идеологической политики ²².

Основную военную силу имама составляло ополчение, собиравшееся по его требованию со всех подчиненных земель. В ополчение каждое семейство было обязано выставить одного вооруженного пешего или конного воина, снабдив его определенным количеством провианта. Мичиковцы могли составить отряд из 2000 воинов, ауховцы — из 1500, жители Большой Чечни — 2500, Малой Чечни — 4000 человек ²³. Призыву на воинскую службу подлежали все мужчины от 16 до 60 лет. Шамиль не исключал возможности тотальной мобилизации общества. Кроме того, он постановил, что «всякая женщина должна иметь пику с железным наконечником и в случае надобности сражаться вместе с мужчинами» ²⁴. Наиб имел при себе небольшую «гвардию» (до 20 чел.) личных (или наибских) мюридов, которые, как правило, набирались из бедных слоев и содержались, иногда вместе с их семействами, за его счет ²⁵.

В 1840-е гг. для контроля над деятельностью наибов была введена должность «мудира». Имамат был разделен на 4 «губернии». Каждая из них состояла из нескольких наибств. Управляющие «губерниями» назывались мудирами. Мудир стоял над несколькими наибами, руководил их действиями на поле боя и осуществлял контроль в назначенной ему сфере жизни. Мудир выполнял функции наиба в месте проживания, точно так же, как сам имам — в районе своей резиденции. Однако вскоре Шамиль ликвидировал «губернии», считая их не соответствующими особенностям государства.

Для контроля за деятельностью наибов и мудиров и сбора параллельной информации, не зависящей от докладов помощников, Шамиль учредил институт мухтасибов (осведомителей). Это были особые надзиратели, которые следили за исполнением заповедей ислама, выявляли нарушителей этих заповедей и наказывали их. Они ездили по всей стране инкогнито и доносили имаму о деятельности его уполномоченных. Временами имам проводил официально инспекцию того или иного наиба, о чем последний предупреждался заранее ²⁶.

В имамате существовала так называемая «летучая почта», которая служила для поддержания связей центра с местными властями. Организация ее была очень проста: посылаемые лица, исполнившие роль гонцов, в любом ауле могли предъявить бланк, выданный им имамом или наибом, и немедленно и беспрекословно получить свежего коня и проводника, а на ночлег — комнату и пропитание. «Летучая почта» обеспечивала непрерывное сношение имама как с наибами, так и с отдельными лицами. Таким образом, любое сообщение или приказ достигали места назначения за два-три дня.

Что касается экономической ситуации в имамате в правление Шамиля, то стоит отметить, что Шамиль учредил государственную казну (байтулмал), построенную в соответствии с экономической жизнью страны гор, на основе единственной системы налогообложения. Он организовал правильный сбор податей, являвшихся основным источником доходов государства. Все это Шамиль подчинил единой, общей для всех цели — борьбе горцев за независимость. Государственная казна существовала и до Шамиля — став имамом, он лишь ее реорганизовал. Создание нового государства, имамата, значительно повлияло на сложившуюся систему земельной собственности. Возникла ее новая форма — собственность государственной казны. Основным источником ее образования стала ханско-бекская собственность, так как все три имама последовательно уничтожали феодальную верхушку²⁷. Финансовая организация имамата признавала как натуральную, так и денежную системы, которая строилась на монете русского чекана (тифлиские рубли). Налоги взимались с денег, скота и хлеба, причем в процентном выражении последний был наиболее высоким (платило его в основном чеченское крестьянство), затем шел скот и, наконец, деньги.

Земли, принадлежавшие раньше ханам и мечетям, были переданы государству; доходы духовенства были резко ограничены; все что раньше население платило своим помещикам, теперь поступало в общественную казну. При этом любопытно, что Шамиль, облагая население различного рода податями, не ввел унифицированной системы взимания налогов, а дифференцировал их по состоянию хозяйства и платежеспособности каждого двора. Ростовщики, торговцы и сельские богачи платили вдвое и втрое больше, чем все остальное население²⁸.

Поступления в казну шли из разных источников. Налоги подразделялись на два вида: шари Харадж (поземельный налог) и зякат (пожертвование). Главную статью дохода, по всей видимости, составлял «Хамус» — одна пятая часть военной добычи и трофеев, которую следовало отдаваться правителю. Сюда входило все: имущество, деньги, скот, пленники и причитавшийся за них выкуп. В казну шли все взимаемые с людей штрафы. Туда же поступали все доходы с земель, принадлежавших мечетям (вакуф), на которые ранее содержались и они и их служители. Особую статью дохода составляла подать в три рубля серебром в год с каждого двора тушинов в качестве платы за охрану от набегов других горцев²⁹.

Все эти средства были сосредоточены в общественной казне, откуда распределялись на нужды страны. Наиболее крупная доля по смете падала на военный фонд, предназначенный специально на вооружение и содержание войск. Все приходные и расходные операции производились через казначея под личным наблюдением Шамиля³⁰.

В связи с усилением военных действий, Шамиль стал ощущать недостаток средств для ведения войны. Нужны были деньги, продукты, снаряжение. Именно исходя из этих соображений, был создан байтул-мал. Этот источник доходов своего казначейства Шамиль пополнял также податью с горных кутанов, ранее принадлежавших дагестанскому дворянству³¹. Все мечетные (вакуфные) земли перешли в казенную собственность. Экономика имамата постепенно обрела черты натурального хозяйства. Бурки, кони, седла, оружие и порох стали основными промыслами. А купцам, умевшим обходить препоны и доставать для горцев жизненно необходимые товары, Шамиль даже выдавал охранные грамоты и необходимые ссуды из казны. Процентом купцы не платили, так как это вообще считалось у мусульман делом греховным.

Фонд казенной земли пополнялся также за счет общинных, родовых и личных крестьянских земель. Происходило это в том случае, если аул, род или отдельное лицо наказывались имамом за проступки. Поступали в казну и земли умерших, не имевших наследников. Земли бежавших, изгнанных из имамата, предателей также поступали в казну. Появление подобной формы собственности повлияло на существовавшее землепользование. Казенные земли отдавались в аренду нуждавшимся, предоставлялись отличившимся воинам и наибам. Выделялись уголья и перебежчикам, которые переходили в имамат из царской армии³². В имамате находили убежище и поддержку беженцы-мухаджеры из числа всех горских народностей.

Судя по материалам А.Р. Руновского, имам Шамиль и государственные средства стремился расходовать в соответствии с постановлениями шариата — он пытался организовать этот процесс так, чтобы средства от каждой статьи дохода шли именно на те цели, которые предписывал шариат. Однако нарушения этих правил были неизбежны, что признавал и сам Шамиль³³. Денежные поступления шли в казну Шамиля, а сборы натурой оставались в распоряжении наибов и расходовались по указанию имама.

Созданное Шамилем теократическое государство — имамат — обеспечило на первых порах успешный ход руководимого им восстания, позволило создать единое командование чеченских и дагестанских ополчений, заложить основу регулярной армии, обеспечить ее продовольствием и боеприпасами. Однако во второй половине 1840-х гг. началось перерождение правящей верхушки имамата. Представители администрации (наибы, мазуны, кадии) захватывали значительные земельные владения. Бесперывные войны и связанная с ними мобилизация, огромные жертвы, расправы с недовольными — все это разрушало хозяйственную жизнь населения, подтачивало основы имамата, приводило к отходу от движения целых аулов, кланов, племенных объединений.

Государственное устройство имамата складывалось, во-первых, под влиянием, прежде всего, нужд обороны края от внешней опасности, что определило его военный характер. Во-вторых, большое воздействие на своеобразие облика горского государства и принципы его формирования оказал ислам, единственная (и единственно возможная в тот период в данном регионе) идеология повстанческого движения. В-третьих, в государственном устройстве имамата отразились мечты о справедливом обществе, где наличествует социальное равен-

ство и общая ответственность каждого перед богом и родиной. Это определило внесловный характер государства, которое выступало, по крайней мере, на первом этапе, защитником общенациональных интересов.

Примечания

1. ФАДЕЕВ Р.А. 60 лет Кавказской войне. Собрание сочинений. Т. 1: СПб. 1889, с. 89.
2. СМЕРНОВ Н.А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М. 1958, с. 201.
3. По мнению А.Д. Яндарова, на Северном Кавказе в рассматриваемую эпоху религиозно-политическая система имамата не была единственно возможной формой борьбы. См.: ЯНДАРОВ А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата. 1975, с. 91.
4. KNODARKOVSKY M. Bitter choices. Loyalty and betrayal in the Russian conquest of the North Caucasus. Ithaca-L. 2011, p. 93.
5. КУЛИКОВ А., РУНОВ В. Все Кавказские войны России. М. 2013, с. 209.
6. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в.: Сб. документов. Махачкала. 1959, с. 621.
7. РАМАЗАНОВ Х.Х., РАМАЗАНОВ А.Х. Шамиль. Исторический портрет. Махачкала. 1990, с. 10.
8. ДЕГОЕВ В. Имам Шамиль — пророк, властитель, воин. М. 2001, с. 96.
9. МАГЕМЕДОВ Р.М. Шамиль в отечественной истории. Махачкала. 1990, с. 93.
10. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в., с. 492.
11. КУЛИКОВ А., РУНОВ В. Ук. соч., с. 209.
12. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в., с. 403.
13. Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. первая. М. 1988, с. 68.
14. ПРУШАНОВСКИЙ К.И. Исторические записки. Глава об обязанностях набивов. Центральный государственный Военно-исторический архив (ЦГВИА). ВУА, № 6512.
15. Шамиль и Чечня. Военный Сборник. Т. IX. СПб. 1859, № 9—10, с. 141—142.
16. Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис. 1870, вып. III, с. 12.
17. КЕМПЕР М. К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане. В кн.: Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М. 2003, с. 282.
18. КАЗИЕВ Ш.М., КАРПЕЕВ, И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М. 2003, с. 160—161.
19. БЛИЕВ М.М., ДЕГОЕВ В.В. Кавказская война. М. 1994, с. 386.
20. ГАММЕР М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М. 1998, с. 309—310.
21. Хроника Мухаммеда-Тахир ал-Карахи. М.-Л. 1941, с. 83.
22. БЛИЕВ М.М., ДЕГОЕВ В.В. Ук. соч., с. 385.
23. КУЛИКОВ А., РУНОВ В. Ук. соч., с. 209—210.
24. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в., с. 495.
25. РУНОВСКИЙ А. Мюридизм и газават по описанию Шамиля. — Российский вестник. 1862, № 12, с. 650—651.
26. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в., с. 628.
27. РАМАЗАНОВ А.Х. О земельно-правовых отношениях в имамате Шамиля. В кн.: Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в. Материалы всесоюзной научной конференции 20—22 июня 1989 г. Махачкала. 1994, с. 140—141.
28. Там же.
29. ГАММЕР М. ГАММЕР М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М. 1998, с. 313—315.
30. Шамиль и Чечня. — Военный сборник. 1856, № 9, с. 139.
31. МАГЕМЕДОВ Р.М. О движении Шамиля. Махачкала. 1949, с. 90.
32. Там же.
33. РУНОВСКИЙ А. Кодекс Шамиля. — Военный сборник. 1862, с. 368, 377—378.

Французская пресса в «банкетной кампании» 1847 г.

С.И. Кушнир

В данной работе будут описаны социальные и политические условия «банкетной кампании» 1847 г. и их изложение в прессе.

Для достижения общей цели — избирательной и парламентской реформ — радикальная и умеренная оппозиция планировала воспользоваться во-первых «Адресом», который должен был обнародовать все недостатки закона 1831 г., во-вторых — «банкетами», как в столице, так и в департаментах, с целью добиться общего согласия и, наконец, созданием смешанного комитета, который сосредоточивал бы в своих руках все направления реформистского движения.

В конце мая на собрании Паньер прочитал проект «Адреса», который приняли единодушно и без малейшего колебания¹. Вслед за тем секретарь комитета изложил план: он настаивал на необходимости открытых действий и считал, что самым результативным средством достижения успеха являются «банкеты» в Париже и департаментах. Он говорил, что «если этого рода манифестации были иногда шумны, то обстоятельства, производившие их были совсем другого рода; на этот же раз настроения умов и обстоятельства обеспечивали мирный и правильный характер этих манифестаций; притом же в Лизье, в Миранде, в Мирамбо Гизо, Лакав-Лаплан и Дюшатель своим примером доказали важность и законность банкетов и, что наконец, это самое энергичное средство добиться ответа народа на дерзкие вызовы кабинета»².

Газета «Le National» опубликовала несколько сообщений о прошедшем собрании: «После непродолжительного спора собрание приняло мысль о реформистской пропаганде посредством банкетов и о составлении смешанного комитета. Таким образом союз был окончательно заключен»³.

Кушнир Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, доцент Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России.

В начале июня 1847 г. последовало еще несколько собраний, посвященных вопросу распространения идей по средствам банкетов. Банкеты были проведены объединенной оппозицией в таких городах как Орлеан, Мо, Кон, Данвиль, Шартр, Сен-Марсель, Компьен⁴. Уже в ходе их проведения начались разногласия по поводу произносимых тостов, которые, как известно, были по сути дела призывом к какому-либо действию или выступали своего рода формой лозунга. Представители династической оппозиции настаивали на произнесении тоста за короля, однако радикалы воспротивились этому. Из газет стало известно, что молодой судья Гамбона в знак протеста против подобного тоста покинул банкет в Коне, за что был лишен на пять лет своей должности⁵.

В этот период в газете «La Réforme» была опубликована статья, в которой говорилось о противоречиях редакции с либералами: «... Мы не являемся либералами, и наши учения не являются учениями либерализма. Либерализм, рожденный в период Реставрации, начался именно с Людовика XVIII и Бенжамена Констана. Гизо, Тьер, Талейран, Луи-Филипп также либералы. “Журналь де Деба”, “Конститусьонель”, “Сьекль” и еще некоторые другие — либеральные газеты.

Мы революционеры в своих позициях и демократы по своим принципам. Либерализм и демократия представляют собой две не только различные идеи, но и просто противоположные. Либерализм защищает интересы привилегий, привилегий, выращенных на пне старых привилегий, разбитых революцией. Демократия защищает интересы народа; она хочет заставить признавать всеобщее право. Демократы должны говорить не от своего имени, а от имени своих принципов»⁶.

Через несколько дней газета напишет: «Среди коммунистических, материалистических и других газет, “Реформ” занимает свое место... Мы не коммунисты! Мы не материалисты! Те, кто применяют к ней эти определения — просто обманывают себя!»⁷

Известно, что Ледрю-Роллен и его единомышленники с самого начала воспротивились коалиции реформистов⁸. Они могли бы довольствоваться непринятием участия в этом движении, но не ограничились этим. Каждый день, с постоянно возрастающей энергией они указывали на нерадение парламентских радикалов. Они не говорили об измене, но это слово подразумевалось⁹. Для представителей «Le National» эти обвинения не имели серьезного значения.

Большую известность получил банкет, проведенный объединенными оппозиционерами в Шато-Руж. Первая статья, которая являлась своеобразным отчетом о банкете, была опубликована в «Le National» 12 июля. В ней было сказано: «В действе приняло участие от 60 до 80 человек, которые представляли собой все оттенки оппозиции, объединенные в общем порыве чувств»¹⁰. Этот банкет и последовавшая за ним статья вызвали бурю негодования в «La Réforme». Статья, ставшая ответом газеты, была наполнена ядом, желчью, недоверием не только к либералам, но и к радикалам.

«“Конститусьонель”, “Сьекль” и “Насьональ” дают нам, наконец, отчет о банкете в Шато-Руж. Первая вещь, которая поражает нас при чтении — это пробел, который мы не можем понять. Имелось, как говорят, имея в виду этот банкет, шестьдесят или восемьдесят депутатов. Почему не публикуют их имена? Между тем по обыкнове-

нию всех политических демонстраций, и это правда, все они принимают характер тех людей, которые участвуют в них. Почему же при этом они молчат? Имелось слишком мало депутатов, или же хотят скрыть имена тех, кто не присутствовал? Мы надеемся, что “Конститусьонель”, “Сьекль” и “Насьональ” исправят это недоразумение»¹¹.

Далее газета писала: «Тем временем давайте удовлетворимся тем, что нам подали, и давайте посмотрим, были ли мы вправе относиться с недоверием к этому, как и обещали.

Намеревались, как сказали, объединить в общем порыве все оттенки оппозиции. Если это цель, которой они хотели достигнуть, надо признать, что они были очень неудачливы, или неловки, так как люди, которые должны были быть объединены в одном месте, представляли собой две крайности оппозиции и испытывали почти вражду; с одной стороны, отсутствовали господа Араго и Ледрю-Роллен, которые не желают слияния с оппозицией; с другой стороны, напрасно разыскивали господ Тьера и Ремюза, которые силятся объединиться уже три года, поддерживая это название.

И спрашивается, почему Араго и Ледрю-Роллен не присутствовали?!

Господин Регле произнес тост в поддержку печати. Также выступил господин Шамболл, редактор “Сьекль”. Они высказали мысль о том, что представляют в департаменте мнение столицы. Но население даже не знает о них, и “Реформ” имеет повод их за это осуждать.

Первым выступил президент банкета господин Ластейри. Он произнес тост за национальный суверенитет! Какому направлению принадлежит этот лозунг? Это безусловно какая-то демократическая школа.

Но в данном случае национальный суверенитет — это пустое словосочетание, не имеющее смысла!... Но суверенитет будет проявляться во всем своем великолепии и полном смысле только тогда, когда получит всю свою власть...»¹²

«Господин Рикер произнес тост за Революцию 1830. Это очень достойный тост и мы можем его поздравить с этим. Но он имел несчастье дать возможность выступить по этому поводу красноречивому господину Одилону Барро. Одилон Барро и Июльская революция, какой контраст! Может быть господин Барро забыл, что он делал в первые дни июля и потом? Он проилластрировал слезы над этой революцией, изуродованной, задушенной в своей борьбе душегубами, которые и были им поставлены, он, чья политическая карьера приходится на время, когда Париж был заключен в тюрьмы... И избиратели аплодировали одутловатому пафосу этого оратора, судя по отчету, который мы изучаем, его лживые слова были покрыты громом аплодисментов»¹³.

Через несколько дней газета вновь вернулась к прошедшему банкету, так как «Le National» и другие издания по-прежнему хранили молчание относительно участников собрания: «“Конститусьонель”, “Сьекль” и “Насьональ” возвращаются сегодня к банкету Шато-Руж; но они по-прежнему сохраняют молчание по поводу существующих в отчете пробелов. Это ущерб; мы знали бы имена депутатов, которые участвовали в демонстрации, и это любопытство слишком законно, и мы не единственные кто испытывает нетерпение по этому поводу»¹⁴.

«La Réforme» обвинила «Le National» на сей раз в том, что газета, называя себя органом радикалов, на самом деле «имеет между министерством и нами другой пункт назначения, о котором он нас не

уведомляет». «“Насьональ”, который называет эту манифестацию республиканской — шутит! Ибо он лучше, чем кто-либо другой знает, что представляет из себя республиканское собрание. А это действие было очень парламентским и очень разрешенным. Одна ошибка притягивает другую ошибку. Создается впечатление, что все действия партии подчинены желанию господина Тьера. Что подумал бы об этом Арман Каррель?!

Мы не перестанем повторять, что мы можем быть привлечены всегда туда, где речь идет о реформе, которая будет иметь эффект, который даст всем права, и в которой, наконец, для народа будет хоть что-то сделано. Однозначно достаточным фактом является название нашей газеты»¹⁵.

Представители «Le National», участвовавшие в банкетах, не обращая внимания на подобные публикации, продолжали свою работу, и ни критика, ни осуждения, ни нападки не оказывали на них никакого влияния¹⁶. Позднее газета опубликовала лестную статью о своих взаимоотношениях с либеральной прессой. В ней она сообщала о том, что «все истинные слуги Франции готовы рука об руку идти вместе, к победе общего дела... Господин Тьер, искренне желающий своими действиями привести страну к лучшему будущему, и ратующий за те же идеалы господин Барро, стремятся объединиться с истинными демократами в тех же благородных целях»¹⁷.

Через несколько дней «La Réforme» ответила на эту статью: «Мы видели, как было приготовлено слияние и в своих номерах мы рассмотрели, какие элементы туда входят (имеется в виду конституционная оппозиция), чтобы указать истинную цель, для которой все это содружество было создано. Мы увидели, как сначала господин Тьер, слуга преимущественно династических интересов, приручил господина Барро, который поспешил ответить на его призыв; затем оба, в чем им помогли господа Маллевиль и Дювержье де Горанн, начали склоняться ко взглядам той стороны Палаты, которая хочет призвать исключительных левых, и вербовать там в свою поддержку господ Карно и Гарнье-Пажеса. Мы услышали призывы от всех этих представителей, истинная цель которых отправить к власти господина Тьера. Мы прочитали манифест господина Карно, где он заявил, что Франция с Луи-Филиппом в качестве короля и с господином Тьером в качестве министра осуществила бы мечту монархического окружения и установила бы институт республиканской монархии. Но ни авторитет этих двух депутатов, ни похвалы, которые “Насьональ” им расточает, не смогли нас обмануть... мы вполне в состоянии определить, что же имеется в действительности»¹⁸.

Все еще не решаясь на участие в банкетах, «La Réforme» однако уделяла много внимания всей «банкетной кампании» и одновременно продолжала в своих статьях либо агитацию в поддержку избирательной реформы, либо публикацию информации о банкетах¹⁹.

Кроме этого, газета продолжала свою агитацию в поддержку создания комитетов, которые могли бы оказывать реальную помощь рабочим, и осуждала всякое лицемерие со стороны организаций, которые были созданы якобы для их поддержки. Так, подтверждая необходимость пересмотра избирательного законодательства, она привела пример избирательного списка, где фигурировали: «адвокаты —

967 человек, мастера — 29 человек, предприниматели — 67 человек, простые рабочие — 0 человек»²⁰.

В статье «Банкеты в поддержку реформы избирательного права» «La Réforme» сообщила о готовящихся банкетах в таких городах, как Страсбург, Руан, Бордо. Также она проинформировала о том, что на прошедшем банкете в Рейне пели Марсельезу и только речь либерала Фошэ смогла смягчить почти революционную обстановку. Во всем этом газета не видела ничего серьезного и опасного для правительства: «Мы говорим, что начало этого движения абсолютно не враждебно и имеет всего лишь целью агитацию, и мы вовсе не желаем сдерживать это маленькое буржуазное движение, которое всего лишь хочет немного раздвинуть границы привилегий, мы вовсе не рассчитываем на сколько-нибудь серьезный политический результат; для нас действительна настоящая практика, которая даст возможность учредить избирательное право и суверенитет народа»²¹.

После проведения очередного оппозиционного банкета в Бар-ле-Дюке «La Réforme» написала: «Всякий, кто принял бы такие демонстрации за показатель состояния общественного мнения во Франции, без сомнения, совершил бы большую ошибку; они устраиваются исключительно буржуазией, и народ совершенно отстранен от участия в них. Если агитация будет ограничена такими же рамками, как на банкете в Бар-ле-Дюке, она сойдет на нет, как и все буржуазные движения, например, движение за свободу торговли, которое замерло вскоре же после нескольких пустых речей»²².

21 сентября газета сообщила о банкете, который прошел в Мако-не, а также упомянула о том, что там выступил Ламартин с речью о Великой французской революции. Вообще, по сообщениям газеты, «после известного собрания в Шато-Руж почти каждый день газеты приносят нам известия об этих реформистских действиях, которые для либеральной буржуазии являются лишь местом сбора. Свободный обмен мнениями на таких действиях состоялся уже в Марселе и Бордо»²³.

На следующий день «La Réforme» вновь обрушилась на либеральную оппозицию, в особенности на газету «Le Siècle», которая призывала прислушаться к словам Карно: «“Съекль” говорит, что не надо огорчать законную власть, мы располагаем либеральными учреждениями, и что устав интерпретированный г. Карно вовсе не отталкивает никакого либерального прогресса, и что он был бы приемлемее и полезнее, если бы дорожил маленькими конституционными средствами»²⁴.

По поводу претензий в «Le Siècle», даже «Le National» вынуждена была оправдываться за предпринятые на банкетах действия: «Мы даем гарантии, что наша деятельность вовсе не является угрозой легитимной власти. Наши цели не изменились, мы всего лишь хотим добиться пересмотра избирательного законодательства, а вовсе не свержения власти»²⁵. Эта статья была опубликована еще ранее, чем известная статья в «La Réforme» от 22 сентября, но она видимо не была замечена газетой «Le Siècle», о чем «La Réforme» и упомянула: «...несмотря на данные вчера “Насьональ” гарантии в нежелании революции, убедить в спокойном завтрашнем дне не удалось»²⁶.

«Множество банкетов сторонников реформы состоялось почти во всех частях Франции»²⁷. Эти слова подтверждают публикации в

прессе. Так, 23 сентября «La Réforme» написала о банкете в Сен-Кантене, который она назвала «патриотическим» и который являлся одним из таких, которые «тревожат контрреволюцию... трясут плохие правительства, поднимают народы и спасают родину»²⁸.

Со временем стало понятно, что только писать о проходящих в разных частях страны банкетах не достаточно для того, чтобы собрать как можно больше своих сторонников. Пора было начинать действовать самим.

Такой случай предоставился сторонникам «La Réforme» после того, как на банкете в Конне радикальный судья Габон, протестовавший против тоста за короля, подвергся после этого судебному взысканию. У Флокона и Ледрю-Роллена появился повод принять участие в очередном реформистском банкете, который состоялся в Лилле. На нем выступил лидер «La Réforme»²⁹. Эта речь и сам банкет вызвали волну публикаций и противоречивых отзывов в прессе.

Другая речь Ледрю-Роллена, произнесенная на банкете в Шалонне-на-Саоне³⁰ 18 декабря, заключала в себе личный выпад против бывшего редактора «La Tribune» Марраста, ставшего защитником бастилий, апологетом Хартии, союзником Тьера; он требовал, чтобы третейский суд, избранный из среды вождей французской демократии, решил спор между «La Réforme» и «Le National».

Во вступительном слове Ледрю-Роллен провозгласил тост за Национальный конвент и за 1793 год как «освободителей от ига королевской власти»³¹.

В этой же речи оратор высказал предложение, которое было тогда новостью: он предлагал для объединения революционных сил всей Европы созвать в одном из швейцарских городов конгресс демократов всех стран. Гарнье-Пажес ответил на критику Ледрю-Роллена в своей речи в Монпелье³²; но крайние радикалы с каждым днем приобретали все большее влияние и высказывались все решительнее.

Эта речь произвела большое впечатление на присутствовавших своей смелостью, даже Ламартин заявил решительный протест против подобных высказываний³³. Редакция «Насьональ» предпочла скорее отказаться от участия в банкете в Руане, чем принять тост в честь короля.

Один из руководителей этого банкета, состоявшегося 25 декабря — Сенар — начал само действие с того, что предупредил собравшихся об опасности неправильного истолкования агитации со стороны властей после речей Ледрю-Роллена³⁴. Этот банкет явился последним в 1847 году.

Оппозиция решила закончить серию банкетов грандиозной манифестацией в Париже. Власти, в свою очередь, выдвинули предложение назначить судебное заседание, где будет рассмотрено «политическое поведение» «Le National» и «La Réforme»³⁵.

По словам Лоренца фон Штейна, «во Франции время чисто политических движений прошло. Подготавливается иное движение, не менее серьезное и могучее. Как в конце прошлого века одно сословие народа восстало против государства, так теперь один класс мечтал о том, чтобы произвести переворот общественного строя, и следующая революция теперь могла быть только социальной»³⁶.

«В печати, в газетах, в журналах... росло оппозиционное настроение, принимавшее постепенно все более определенный республиканс-

кий и социалистический характер»³⁷. В конце 1847 г. «La Réforme» писала: «Послезавтра откроется сессия 1848 года. Трон сверкает под своим темно-красным балдахином; кресла ожидают принцев, табуреты — министров, а стулья — депутатов. Немного золотой бахромы, сотня больших сановников и цензоров закрыли как покрывалом то, что оставалось у нас от Революции, после пятидесяти лет ожесточенной борьбы против старого мира! Если бы наши предки встали бы из могилы и пришли занять трибуны, которые сейчас занимают любопытные бездельники, то что бы они сказали, услышав планируемую программную речь, которая должна будет резюмировать работу царствования на благо большого народа, открыть перед ним новые красивые перспективы мира, цивилизации, основанной на праве, но которое на самом деле лишь принесло ослабление, концессии, страхи и банкротства?»³⁸

Начало сессии 1848 г. было очень бурным. Тронная речь, которую по обыкновению произнес Луи-Филипп, была наполнена обвинениями в адрес оппозиции в «слепых или враждебных» страстях.

В ответ династическая оппозиция проявила не меньше резкости и суровости, чем радикалы; Тьер и Бильо превзошли едкостью речей Ледрю-Роллена и Гарнье-Пажеса.

Решающий пункт «Адреса», в котором повторялись небосторожные слова тронной речи, был принят после того, как Дюшатель заявил о намерении правительства запретить новый банкет в Париже. Умеренно настроенные республиканцы стали готовиться к более активным действиям, чем просто обсуждение «Адреса» и проекта реформ. Реформистская оппозиция решила игнорировать распоряжение Дюшателя или по крайней мере констатировать нарушение полицией права собраний.

В конце 1847 г. в «Le Journal des Débats» была опубликована статья, обвинявшая сторонников «Le National» в том, что они «кровапийцы», противники собственности и террористы.

«Le National» разместила ответную статью, в которой назвал «Le Journal des Débats» «органом двора». А далее газета начала по пунктам разбирать обвинения в свой адрес: «Они сто раз сказали, что радикальная партия не имеет веры в существующую систему, что мы слишком серьезно подошли к рассмотрению фундаментальных принципов законности, принципам суверенитета народа; что мы считаем, что дальнейшее расширение правительства только ухудшит существующую ситуацию, потому что оно (правительство), будучи очень мощным инструментом политического воздействия, призвано защищать интересы народа, а на самом деле оно защищает только свои собственные интересы»³⁹.

Газета ответила: «Да, общественная партия думает, что у любого народа есть свои интересы и обычаи, свои потребности и свой характер, и что этот характер приобретает те формы, которые присущи национальному сознанию: если это общество аристократическое — это одно, а если это демократическое общество, то должны быть взяты формы демократии. Радикальная партия считает, что поддерживая антиправительственную агитацию, тем самым излечивает различные заболевания общества, расстройства, появившиеся из-за таких политических форм, которые чинят препятствия идеям, направленным на демократические тенденции развития общества»⁴⁰.

Газета критиковала своих оппонентов, которые призывали любить монархию и родину, ставя эти слова как синонимы, считая, что это далеко не одно и то же. Монархия создала коррумпированную систему, которая из-за своей непорядочности не взывает уважения. «И вы предлагаете действовать в ее интересах, желать ее славы?»⁴¹

«Если мы заметим, что существующее правительство использует методы контрреволюции для начала беспорядков, то нам будет запрещено об этом сказать, т.к. мы принадлежим к радикальной партии?... В чем состоят претензии “Дебатс”, что они хотят от нас, когда мы заявляем, что для достижения своих целей мы будем использовать только законные средства — слова, которые использует весь мир. Чего добиваются они и их сторонники своими запретами и своей критикой? Чтобы вместо агитации мы вышли на улицы?!»⁴²

«Le National» была убеждена, что с существующим режимом Франция не может идти по пути прогресса, что в системе и таится корень зла для всей страны, и именно радикалы способны решить все существующие проблемы.

А через несколько дней газета начала обвинять министерства в коррупции. Согласно статьям, помещенным в ней, сборщик податей в Корбейле, господин Пти был назначен на эту должность за то, что смог по заданию правительства уговорить одного депутата и одного чиновника счетной палаты отказаться от своих мест за взятку, а правительство намеревалось передать эти места другим, за какие-то оказанные правительству услуги. Причем было заявлено, что дело это не обошлось без непосредственного участия самого Гизо.

Таким образом, газета хотела показать, как кабинет обеспечивает себе большинство в палате депутатов, и старалась дать четкое представление о моральных ценностях этого большинства. И хотя статьи произвели большое впечатление на читателей, все же «Адрес», который просто перефразировал тронную речь «о слепых страстях», был принят Палатой 144 голосами против 43⁴³.

Когда 21 января начались прения, и депутаты потребовали объяснений по делу Пти, Гизо, отвечая им, назвал подобные дела «вполне обычными и практикуемыми прежними правительствами уже более 30 лет». Гизо был прекрасным оратором и образованным человеком, поэтому в своей речи он не отрицал произошедшего, но назвал это «ничтожными фактами». Более того, министр порадовался тому, что «общественная совесть становится с каждым днем все более строгой и требовательной»⁴⁴.

Фактически его слова стали обвинением в адрес всех бывших министров Июльской монархии, что вызвало их протест и многочисленные выступления. А оппозиция — и династическая во главе с Одилоном Барро, и радикальная — получила новые возможности для предъявления обвинений существующему режиму в коррупции.

Но это было только начало. Тьер выступил с речью о финансовом состоянии дел в стране. Поскольку он являлся прекрасным специалистом в области финансов, то опроверг заверения министерства в том, что стране ничего не грозит, и финансового кризиса не будет. Ему удалось доказать что неконсолидированный долг правительства дошел почти до 800 млн франков, вопреки правительственным заявлениям о том, что он составляет менее 623 миллионов⁴⁵.

«Le National» писала, обращаясь к министерству: «Какое наследие вы оставите стране? Где последний предел применяемой вами системы? Приходится произнести это слово — банкротство. Если так будет продолжаться, то нет другого выхода, кроме банкротства мирным путем, банкротства, как результата этой политики общественного порядка»⁴⁶.

Радикально настроенные сотрудники газет создали комитет по организации очередного банкета в поддержку избирательной реформы, который сначала было решено провести во втором округе, а затем его перенесли в двенадцатый округ. Комитет состоял из Мари, Кремье, Гарнье-Пажеса, Буасселя и Пупинеля, которые назначили мероприятие на 19 января. Префекту полиции послали заявление о проведении банкета. И префект ответил категорическим запретом, хотя не имел на это никаких прав. Комитет опубликовал следующее сообщение: «Ввиду предписания префекта полиции, комиссия по устройству банкета реформистов XII округа собралась на заседание и обсудила положение текущих дел. Согласно законам 1831 и 1834 гг., которые не запрещают случайных собраний, предписания префекта решено рассматривать как совершенно произвольный акт и не придавать ему значения»⁴⁷. Однако ни в одном из дальнейших номеров газеты «Le National» не указывалось, когда и где точно пройдет банкет. Некоторые историки полагают, что умеренные республиканцы, которые составляли комитет, наоборот желали сворачивания банкетной деятельности⁴⁸.

Однако дебаты в Палате по вопросу об избирательной и парламентской реформах были отложены на 7 февраля. Согласно законодательству, Палата должна была в ответном адресе принять предложения тронной речи или опровергнуть их. И король и министерство отклоняли всяческие реформы, и, в том числе, избирательную. Согласно данным Гримма, Вейля, Блана и других⁴⁹, комиссия Палаты, выработавшая проект адреса, предложила сформулировать его следующим образом: «Государь, вы укрепляете каждый день здание, которое мы основали вместе с вами. Рассчитывайте на наше содействие, чтобы его защитить. Агитация, которую поднимают враждебные страсти или слепые увлечения, падает перед лицом общественного разума, просвещенного нашим свободным обсуждением. В конституционной монархии единение великих государственных учреждений превозмогает все препятствия и позволяет удовлетворить все моральные и материальные интересы страны. С помощью этого единения мы сохраним общественный порядок и все его условия и гарантируем общественные вольности и полное их развитие»⁵⁰.

Радикально настроенные депутаты начали требовать введения поправок к избирательной и парламентской реформам. Они обсуждались на заседаниях 10—12 февраля. Первой на повестке дня стояла поправка Дарбле: «если агитация реформистов вызвала в некоторых местах демонстрации, направленные против наших учреждений и законов, то она в то же время доказала, что огромное большинство страны, даже по мнению диссидентов, нерушимо держится их»⁵¹. Но подобное разграничение оппозиции на законную и мятежную не могло удовлетворить ни оппозицию, ни министерство. Тьер заявил, что такая формулировка не должна ограничивать права мирных собраний:

«Мое право записано в Хартии, оно священно так же как и право королевской власти»⁵². Поправка была отклонена большинством голосов против двух.

12 февраля приступили к обсуждению поправки Живрэ: «Поправка, которую я предлагаю, сводится к устранению двух выражений в проекте адреса, а в остальном весь адрес сохраняется. Единственное, что необходимо устранить — это приговор, это осуждение, эту экзекуцию большинством меньшинства». Живрэ предлагал исключить из адреса слова о слепых и враждебных страстях и увлечениях. В защиту поправки выступил Ламартин⁵³, но и эта поправка была отвергнута.

В результате проект был принят большинством голосов: 223 против 18. Особенностью голосования явилось то, что радикально настроенные депутаты отказались принять в нем участие. А после одобрения адреса оппозиция сообщила президенту палаты, что прерывает с ним любые отношения⁵⁴.

В ответной декларации министерства было сказано: «После того, что недавно случилось в стране и ввиду того, что происходило в Европе всякое нововведение такого рода было бы неразумно, т.к. привело бы к роспуску палаты». В заключение было сказано от имени Гизо: «Я отвергаю эту поправку»⁵⁵.

В дальнейшем Гизо напишет, что это было временное отклонение, так как момент он счел неподходящим⁵⁶.

Однако радикалы восприняли это как вызов и полный отказ. После повторного голосования адрес был принят 241 голосом против 3. Министерство победило.

Это заставило оппозицию активно решать вопрос о банкете. Уже 13 февраля у депутата Мари собрались представители оппозиции. И на этом собрании обнаружилось расхождение во взглядах радикалов: Гарнье-Пажес высказался против банкета, так как считал, что его проведение может вызвать волну возмущения, а результата все равно не будет; Марра предлагал прекратить печатать отчеты о заседаниях палаты депутатов, а заменить их на сообщения о проходивших собраниях оппозиционеров и тем самым заставить правительство распустить палату и назначить новые выборы, тогда и банкет не понадобится. Однако Тьер, Дювержье-де-Горанн и еще часть депутатов заверили, что палату не распустят. В результате было принято решение палату депутатов не покидать, а всеми силами поддерживать право собраний. 14 февраля газеты опубликовали сообщение о решении собрания.

В этот день на собрании у Одилона Барро вновь обсуждался вопрос о проведении банкета в XII округе. Было решено придерживаться мирных рамок, так как по Парижу ходили слухи о военных приготовлениях правительства. Оппозиция таким образом хотела в случае столкновений возложить всю ответственность на правительство.

Исключительные радикалы поняли невозможность при таком положении действовать обособленно. Ледрю-Роллен послал заявление о своем присоединении к акции.

В тот момент его занимала другая забота: несмотря на его собственные денежные вложения и на усилия Коссидьера, «La Réforme» погибала из-за недостатка денег. Главный редактор Флокон, зная, что банкет назначен на 22 февраля⁵⁷, думал только о том, чтобы

протянуть существование газеты еще на несколько дней, до 23 числа. Представители династической оппозиции и сторонники «Le National» должны были отправиться на банкет в полном составе; комитет «La Réforme» послал к Одилону Барро просить места в кортеже; последний предоставил ему место, так же как и республиканским студентам. 21 февраля реформистские газеты напечатали составленное Маррастом расписание кортежа, в котором каждой группе было указано ее место; это расписание напоминало приказ главнокомандующего накануне битвы. «Комиссия, организующая банкет XII округа, считает должным напомнить, что планируемая демонстрация состоится во вторник. Она проводится с целью подтверждения законных и мирных прав, прав политических собраний... Демонстрация имеет целью протестовать против незаконных претензий в палате.

Комиссия решила, что демонстрация будет иметь место в будущий вторник в одиннадцать часов на площади Мадлен № 2...

Комиссия убеждена, что эта мирная демонстрация сможет избежать любого повода для конфликта»⁵⁸.

А «La Réforme» тогда же призвала всех принять участие в предстоящей демонстрации: «Наш выбор не знает больше сомнений. Мы выходим на демонстрацию и призываем к этому всех наших друзей»⁵⁹.

Недовольный министр взял назад свое обещание позволить манифестации организоваться на улице; вечером 21-го оппозиция, собравшись у Барро, решила уступить, старалась замаскировать свое отступление угрозой преследовать министерство в суде. В тот же вечер прошло собрание в редакции «La Réforme» при участии полицейского агента Делагодда. Предложение о вооруженном восстании, поддержанное Боном, Рэ, Альбером и Коссидьером, в конце-концов было отвергнуто, благодаря усилиям Ледрю-Роллена и Луи Блана.

Утром 22-го числа Флокон писал: «Остерегайтесь всякого опрометчивого увлечения!»⁶⁰ Волнение в этот день было очень велико, но восстания удалось избежать.

Газеты опубликовали декларацию: «Ко всем гражданам.

Сегодня должна состояться великая и торжественная манифестация в защиту права собраний, оспариваемого правительством. Были приняты все меры для обеспечения полного порядка и предупреждения любого замешательства, которое может произойти. Правительство еще за несколько дней было предупреждено и знало о готовящейся демонстрации, о ее характере и целях протеста. Также правительству было известно, что депутаты отправятся к месту проведения банкета в окружении простых граждан и безоружных национальных гвардейцев...

Однако правительство, придравшись к объявлению, запретило это мирное шествие... И хотя сами оппозиционеры охраняются званием депутата, однако они не могут подвергать произвольно граждан столкновению, которое окажется пагубным как для порядка так и для их свободы. Поэтому оппозиция приняла решение воздержаться от манифестации»⁶¹.

Однако оппозиционеры высказали мысль о том, что «откладывая, таким образом, до следующего раза использование права собраний, оппозиция берет на себя обязательство отстаивать его всеми конституционными средствами»⁶².

Дальнейшие события развивались уже помимо воли республиканских лидеров. В результате, 25 февраля 1848 г. во Франции была провозглашена II Республика во главе с Временным правительством, в которое вошли представители и «Le National» и «La Réforme».

Примечания

1. BERSTEIN S. Histoire du parti radical. P. 1982, p. 231.
2. Ibid., p. 234—235.
3. Le National. 2.06.1847.
4. Ibid. 6, 19—23, 25—27.06.1847.
5. La Réforme. 10.06.1847.
6. Ibid. 12.06.1847.
7. Ibid. 15.06.1847.
8. ВЕЙЛЬ Ж. История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 год. СПб. 1906; ГАРНЬЕ-ПАЖЕС. История революции 1848 года. СПб. 1861; РЕНАР Ж. Республика 1848 года. М.-Пг. 1923; СТЕРН Д. История революции 1848 года. СПб. 1906.
9. La Réforme. 13—15.07; 12—16.08.1847.
10. Le National. 12.07.1847.
11. La Réforme. 13.07.1847.
12. Ibidem. 13.07.1847.
13. Ibidem. 13.07.1847.
14. La Réforme. 15.07.1847.
15. Ibidem.
16. ГАРНЬЕ-ПАЖЕС. Ук. соч., с. 187.
17. Le National. 3.08.1847.
18. La Réforme. 18.08.1847.
19. Почти после каждого банкета «La Réforme» публиковала на своих страницах критические статьи.
20. La Réforme. 16.08.1847.
21. Ibid. 4.09.1847.
22. Ibid. 10.09.1847.
23. Ibid. 21.09.1847.
24. Ibid. 22.09.1847.
25. Le National. 21.09.1847.
26. La Réforme. 22.09.1847.
27. ЭНГЕЛЬС Ф. Движение за реформу во Франции. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Собр. соч., т. 7, с. 359.
28. La Réforme. 23.09.1847.
29. ВЕЙЛЬ Ж. Ук. соч., с. 228.
30. La Réforme. 21, 23.12.1847.
31. Ibid. 21.12.1847.
32. Le National. 2.01.1848.
33. ГРИММ Э.Д. Революция 1848 года во Франции. СПб. 1908, с. 25.
34. La Réforme. 27.12.1847.
35. La Réforme. 27.12.1847.
36. Цит. по: ГРИММ Э.Д. Ук. соч., с. 27.
37. Там же, с. 2.
38. La Réforme. 27.12.1847.
39. Le National. 1.01.1848 г.
40. Ibidem.
41. Ibidem.
42. Ibidem.
43. Le National. 15.01.1848; La Réforme. 16.01.1848.

44. См.: *Le National* и *La Réforme* от 24.01.1848.
45. *Le National*. 26.01.1848.
46. *Ibid.* 28.01.1848.
47. *Le National*. 15.01.1848.
48. См. напр.: ГРИММ Э.Д. Ук. соч., с. 39.
49. См. напр.: BLANC L. *Pages d'histoire de la révolution de février*. Brusele. 1850; ГРИММ Э.Д. Ук. соч.
50. Цит. по: HERVÉ R. *La monarchie de Juillet*. P. 1994, p. 231.
51. *Le National*. 12.02.1848.
52. *La Réforme*. 12.02.1848
53. *La Réforme*. 13.02.1848
54. *Le National*. 13.02.1848.
55. *La Réforme*. 12.02.1848.
56. GUIZOT F. *Memoires pour servir à l'histoire de mon temps*. P. 1858.
57. «*Le National*» опубликовала это сообщение 19 февраля 1848 года.
58. *Le National*. 21.02.1848.
59. *La Réforme*. 21.02.1848.
60. *Ibid.* 22.02.1848.
61. *Le National* и *La Réforme*. 22.02.1848.
62. *Ibidem*.

Португалия и «схватка за Африку»

Д.П. Урсу

В истории европейского колониализма Португалия занимает особое место. Эта самая западная страна Европы, благодаря своему географическому положению, а также другим природным факторам и своеобразному национальному характеру, сделавшему из португальцев отличных мореплавателей, является первопроходцем в открытии новых морских путей и неведомых земель. Долгое время она была владычицей океанов и прибрежных земель в Африке, Азии, Южной Америке. Вместе с тем, Португалии принадлежит и сомнительное первенство в покорении, а затем — многолетнем угнетении ближних и дальних народов других континентов. Более того, именно португальцы развернули массовую торговлю людьми между Африкой и Америкой.

Трансатлантическая работорговля стала черным пятном в истории Португалии, о чем национальная историография предпочитает в основном молчать. Несмотря на обилие специальной литературы, вышедшей на рубеже XX и XXI вв. к 500-летнему юбилею открытия Бразилии, в истории колониальной экспансии португальцев в Тропической Африке еще остается немало лакун, узких мест и недоговоренностей. Из всего массива публикаций последнего времени хочется выделить фундаментальную работу «Новая история португальской экспансии», вышедшую в 11 томах в 1988—2003 годах. Она подготовлена под руководством выдающегося ученого и поэта Антониу ди Оливейры Маркиша (1933—2007). События XIX в., завершившие «схватку за Африку», вошли в 10-й том. Его редакторами были видные историки-африканисты Валентин Александр и ныне покойная Жил Диаш (1944—2008), англичанка по происхождению, выпускница Оксфордского университета, профессор Нового университета в Лиссабоне ¹.

Целью настоящей работы является анализ внутренних и внешних факторов колониального раздела Тропической Африки в последней

Урсу Дмитрий Павлович — доктор исторических наук, профессор Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

четверти XIX в., получившего за свою остроту и динамичность образное название «схватки за Африку», и участия Португалии в этих событиях. Источниковой базой исследования стали материалы русских дипломатических миссий и посольств в столицах европейских держав и в центральном аппарате МИД Российской империи в Петербурге. Некоторые документы вводятся в научный оборот впервые.

Главным хранилищем, где пребывает описанная выше ценная документация, является Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Здесь в фонде 183 (опись 519) размещены материалы русской миссии в Лиссабоне за 1800—1863 годы. Нами были изучены дела этого фонда за 1860 (пять дел), 1861 (два дела) и 1862 (четыре дела) годы. Они содержат информацию только о внутривнутриполитических событиях в Португалии — смене правительства, отставке отдельных министров, интригах знати при королевском дворе и т.п. Никаких сведений о колониальной политике, в частности, касающихся Африки, не обнаружено. Причиной такого положения стала, по всей вероятности, проводимая в 1864—1868 гг. реформа архивного дела в системе МИД России². Она привела к тому, что основная, самая важная, документация зарубежных учреждений стала сосредотачиваться в канцелярии министра (архивный фонд 133). Именно этот массив явился базой настоящего исследования.

Кроме того, для написания данной работы привлекались неопубликованные материалы из фондов высших органов власти и управления Империи, военного и военно-морского архивов, Национального архива Франции и трофейных архивов, в частности, фонда «Министерство колоний Франции», хранящегося в Российском государственном военном архиве. Также изучены опубликованные документы на португальском, английском и французском языках (воспоминания современников и участников событий, специальная литература).

Для Португалии XIX в. стал периодом огромных перемен и больших испытаний. Нашествие войск Наполеона заставило королевский двор и правительство бежать в Бразилию. Вернувшись через несколько лет, король приобрел родину, но потерял самый ценный бриллиант в своей короне — в 1822 г. Бразилия объявила о своей независимости. От владений в Азии остались лишь разрозненные прибрежные анклавы — Макао, Гоа, Диу и Даман, а также малонаселенный остров Тимор. Отныне вся Португальская заморская империя сосредоточилась в Тропической Африке — Ангола и Мозамбик, а также острова Сан-Томе, Принсипи (в глубине Бенинского залива), острова Зеленого Мыса и Гвинея-Бисау. Причем все эти колонии располагались на побережье, лишь в Анголе власть губернатора колонии простиралась на 100—120 км вглубь территории. Несмотря на столь скромные ресурсы, португальский колониализм не собирался капитулировать. О расширении владений, однако, речь не шла.

В первой половине XIX в. определяющим процессом в Тропической Африке и в зоне Южной Атлантики была борьба за уничтожение морской работоторговли — мрачного наследия позднего средневековья. Активное участие в достижении этой цели принимала Россия. Начиная с 1814 г., когда на Венском конгрессе было заявлено о необходимости покончить с позорной для христианского мира торговлей людьми, Россия участвовала во всех предпринимаемых Европой диплома-

тических инициативах. «...отрасль торговли, известная под именем торгоа африканскими неграми, была по справедливости добродетельными и просвещенными людьми всех времен почитаема равно противною законам человеколюбия и общей нравственности», — говорилось в указе императора Николая I от 26 марта 1848 г., вводившем в действие международный трактат «Об уничтожении торгоа неграми». Далее в документе сказано, что в Вене государи Европы приняли на себя обязанность «стремиться единодушно и употреблять все зависимые от них средства к прекращению сего торгоа повсюдно»³.

Однако втайне торговля продолжалась, и это повлекло необходимость подписания нового международного соглашения. Такой трактат был подписан 7/20 декабря 1841 г. между Россией, Австрией, Францией, Великобританией и Пруссией. В царском указе его основные положения сформулированы следующим образом: «Подтвердить запрещение всеми подданными договорившихся держав производить торговлю неграми в их владениях или под их флагом»; «продолжение торгоа считать преступлением, равным морскому разбою»; «подвергать наказанием, в законах наших определенным за разбой и грабительство на морях»⁴. Позже к договору 1841 г. и к дополнительному Лондонскому протоколу 1845 г. присоединилась Бельгия⁵, а Пруссию заменила Германская империя⁶.

В указанных выше документах не упоминается Португалия — старейшая колониальная держава, веками занимавшаяся работорговлей. К середине XIX столетия она стала изгоем европейского концерта великих держав, приобретя дурную славу нарушителя международных соглашений. Лишь только после того, как Бразилия запретила ввоз невольников из Африки (1851 г.), капитанов кораблей, занимавшихся контрабандой, стали вешать на реях их суден и, наконец, когда работорговля исчерпала себя экономически, Португалия вышла из дипломатической изоляции. Ее пригласили на конгресс в Берлине (1884—1885 гг.), а затем на Международную конференцию в Брюсселе (1889—1890 гг.).

Принятый второй конференцией Генеральный акт явился утопической попыткой создать некий «Кодекс поведения» просвещенного и гуманного колониализма, которого в принципе не может быть. Самым эффективным способом осуществления «нового» управления подневольными народами, — сказано в первом параграфе принятого документа, — является «... последовательная организация административных, юридических, религиозных и военных служб на территории Африки под суверенитетом или протекторатом цивилизованных народов»⁷. На каких основаниях будет реализована подобная организация и к каким последствиям должна привести, в Генеральном акте не уточнялось. Тем не менее, его значение не следует умалять: он явился последним гвоздем, забитым в гроб атлантической работорговли, настоящего геноцида чернокожих народов Африки, продолжавшегося несколько веков.

Еще задолго до Брюссельской конференции правящие круги Португалии стали разрабатывать планы модернизации своей Африканской империи. Запрет на ввоз в Бразилию африканских рабов по времени совпал с государственным переворотом в Португалии и приходом к власти либеральной партии. Эти чрезвычайные обстоятельства

заставили главного идеолога либералов Са де Бандейру попытаться компенсировать потери от прекращения торгового невольничества путем проведения политики «нового меркантилизма», что означало, прежде всего, внедрение плантационного хозяйства экспортных культур и переселения в Африку португальских крестьян. На роль «новой Бразилии» была выбрана Ангола, где собирались разбить плантации кофейных деревьев и сахарного тростника⁸. Кроме того, на берегах Бенинского залива, в Дагомее, к этому времени появился стихийно сложившийся весьма прибыльный рынок продукции масличной пальмы. Естественно, взоры португальских колонизаторов обратились в эту сторону, где сохранился их опорный пункт — крепость Сан-Жуан Батишта (в православной традиции — Св. Иоанна Крестителя) в г. Вида.

Усилия Са де Бандейру однако наталкивались на непреодолимые препятствия — нехватку средств для расширения плантационного хозяйства и нежелание португальских крестьян и предпринимателей эмигрировать в Африку. В 1870-е гг. на сцену выступил новый пропагандист «либерального колониализма» — министр иностранных дел Андради Корву. Он поддерживал умеренный экспансионизм, но расширение территории, по его мнению, должно было идти не военным путем, а «привлечением к себе туземного населения, его развитием к цивилизации». Кроме того, в планы Корву входило строительство в африканских владениях транспортной инфраструктуры. Но Корву, как и его предшественник, не достиг цели по тем же причинам: из-за экономической и финансовой слабости Португалии и отсутствия необходимого демографического потенциала⁹.

Планы португальских модернизаторов, тем не менее, не были пустыми мечтами, но они смогли осуществиться лишь в сильно урезанном виде. Преобразования, о которых они говорили, произошли не в масштабах всей Португальской Африки, а лишь на небольшой островной территории Сан-Томе, где и возникла «новая микро-Бразилия». Здесь с середины века стало быстро развиваться плантационное хозяйство (сначала кофе, позже какао), вызывая потребность импорта рабочей силы. Владельцы плантаций, европейцы по происхождению, нашли выход в привлечении невольников из Дагомеи, Анголы, Гвинеи, даже из Мозамбика, оформляя их под видом «заключенных рабочих».

В зоне Гвинейского залива у португальцев после потери Золотого берега, отобранного голландцами, а затем перешедшего к англичанам, опорным пунктом в XIX в. оставался форт Сан-Жуан на дагомейском берегу. Основанный в 1680 г., он несколько раз разрушался англичанами и французами и вновь восстанавливался. В последний раз португальцы обратили внимание на маленькую крепость в 1863 г. — его навестил губернатор Сан-Томе, который привез 15 солдат и офицера. Казарму отремонтировали, а оборонительные сооружения привели в боевой вид.

Стоит отметить, что о форте Сан-Жуан существует множество исторических сведений¹⁰. Наиболее надежным является документ французского архива с подробным описанием этого реликта бывшей славы Португальской колониальной империи¹¹. Общая площадь португальского анклава составляла несколько гектаров; территория форта была окружена стенами и рвом; внутри находился большой камен-

ный дом, несколько надворных построек. Крепость охраняли 12 солдат и офицер. С таким воинством ее военная мощь, естественно, приближалась к нулю. В целом, как остроумно замечает автор описания, Святой Иоанн Креститель ни что иное, как «исторический сувенир, в некотором роде музей под открытым небом». Около крепости располагалось село, где проживали туземцы, принявшие христианство, стояли католическая церковь и дом священника. Главное занятие португальцев, находившихся в городке Вида и в крепости, — вербовка местных рабочих на плантации Сан-Томе, а также торговля пальмовым маслом. Что касается островной «микро-Бразилии», то благодаря импорту рабочей силы она благополучно развивалась, принося владельцам плантаций немалые барыши. Экспорт кофейных зерен с островов Сан-Томе и Принсипи постоянно рос, о чем свидетельствуют следующие данные: в 1855 г. было вывезено 450 т, в 1889 г. — 2400 и в 1899 г. — более 2500 тонн ¹². Однако со временем производство и, соответственно, вывоз какао-бобов namного обогнали экспорт кофе. Спустя годы «новая Бразилия» превратилась в «шоколадные острова».

До начала 1880-х гг., когда Португалия сделала попытку расширить свои владения на берегах Бенинского залива за счет установления протектората над Дагомеей, она имела в этой зоне лишь анклав Виды, небольшую часть Гвинеи (Бисау) и острова Зеленого Мыса.

В гонке за окончательный раздел Западной Африки лучшими стартовыми позициями обладали Франция и Англия. В историческом обзоре, подготовленном в Министерстве колоний Франции, считали, что в годы Второй империи (1852—1870) площадь колониальных владений в Азии и Африке удвоилась. Среди достижений названо установление протектората над Порто-Ново в 1863 году ¹³. Это событие не лишено драматизма: король этой страны Соджи (правил в 1848—1864 гг.) впервые стал торговать пальмовым маслом и разбогател. Он не стеснялся продавать в рабство и собственных поданных, и взятых в плен соседей йоруба, оформляя их как законтрактованных рабочих в Анголу и на Сан-Томе. В связи с этим у него был тяжелый конфликт с англичанами, укрепившимися неподалеку в Лагосе. Дело дошло до того, что в апреле 1861 г. английская эскадра подвергла город Порто-Ново бомбардировке.

Вскоре король нашел себе сильных покровителей и в феврале 1863 г. подписал с Францией договор о протекторате. Однако официальный представитель Наполеона III добрался до Порто-Ново только в мае следующего года, после смерти Соджи ¹⁴. Впрочем, наследник престола признал подписанное его отцом соглашение, а с англичанами в том же году удалось договориться о разграничении территории Порто-Ново. Она составляла четырехугольник со сторонами 40—45 км. На востоке его пределы достигали английского Лагоса, а на западе и на севере — дагомейских владений ¹⁵. Действие этого договора было подтверждено спустя 10 лет, в апреле 1878 года. Потом французы на несколько лет покинули Порто-Ново, однако спустя четыре года президентским декретом протекторат был вновь восстановлен ¹⁶. Последовал резкий протест англичан, которые затем предложили французам компромисс. В обмен на признание английского протектората над Масляными реками и уход из Сенегамбии фран-

цузы должны были покинуть Габон, Золотой берег и низовья Нигера¹⁷. Из этих планов, однако, ничего не вышло — французы так и остались в Порто-Ново. Город стал на два десятилетия главным оплотом французской торговой и военной мощи в зоне Бенинского залива.

Роль Порто-Ново в торговле подробно описана в книге очевидца, посетившего город в 1884 году. Почти вся внешняя коммерция находилась в руках французских фирм «Режи э Фабр» и «Колонна де Леко». Кроме того, действовали три немецкие и одна португальская компании. К прежней конкуренции с англичанами из Лагоса добавилось растущее соперничество с немцами, занявшими соседний Того. Импорт составлял около 4 млн франков и состоял из алкогольных напитков и табака (здесь французские купцы конкурировали с португальцами), тканей и соли (а здесь — с немцами). Экспорт почти полностью состоял из продуктов переработки масличной пальмы — пальмового масла и пальмисты (ядер плодов масличной пальмы) и приближался к 5 млн франков¹⁸.

Из Порто-Ново французская колониальная экспансия по берегу моря продвигалась на запад — в сторону городов Котону и Вида. Когда в 1863 г. столицу Дагомеи город Абомей посетили морской офицер Дево и вице-консул Дома и получили аудиенцию у короля Глеле, тот из любезности подарил императору французов портовый город Котону. Позже, 19 мая 1868 г. в Виде этот презент был юридически оформлен соответствующим документом¹⁹. Хотя Котону, в отличие от Порто-Ново, не был морским портом и не имел особого значения для торговли, в будущем он будет способствовать покорению французами независимого Дагомейского государства.

Торговая конкуренция на африканских рынках становилась все более ожесточенной. Этот процесс отмечали русские дипломаты, как в Лиссабоне, так и в других европейских столицах. Они подчеркивали, что первопричиной обострения международных отношений в Африке являлась борьба за рынки сбыта европейских товаров. Главная забота правительства, писал один из них, — расширение торговли. Посол в Париже барон Моренгейм предупреждал министра: «беспредельная колониальная экспансия последних лет, создающая много новых конфликтных точек, есть предвестник грядущих потрясений. Следующая война может стать не только общеевропейской, но мировой... Как в Африке, так и в Азии сегодня поле боя распространяется до последних пределов обитаемого мира»²⁰. Легко заметить, что мрачный прогноз сбылся.

К этому времени на берегах Бенинского залива окончательно определился новый ценный экспортный товар — продукты переработки масличной пальмы, который не только заменил прежний — невольников, но и превзошел его. Из пальмового масла, непригодного в пищу, в Европе производили мыло и свечи, позже оно пошло на изготовление маргарина. Кроме того, переход к машинам и моторам внутреннего сгорания требовал смазочных веществ в растущем количестве. Пальмовое масло как нельзя лучше подходило для этих нужд. Его экспорт быстро рос; главными пунктами вывоза были: английский Лагос, французские Порто-Ново, Котону и Вида. Цифры подтверждают это: в 1876 г. из трех портов Дагомеи вывезли 4 тыс. т

масла, а в 1891 г. — более 6,6 тыс. тонн ²¹. О прибыльности этого товара свидетельствуют такие цифры: если на месте 1 кг масла стоил 12—15 сантимов, то в Марселе за него давали уже 1 франк (100 сантимов). Еще больше стоила пальмиста, из которой на предприятиях Западной Европы вырабатывали превосходное пальмоядерное масло, незаменимое в кондитерской и фармацевтической промышленности. Взамен французские купцы, как и прежде, ввозили фабричные товары (ткани, бытовые изделия), много алкоголя (до 60% всего импорта) и табака. В личном фонде министра колоний Э. Шотана отложилась жалоба торговых фирм из Марселя на то, что на эти два товара в Дагомее импортные пошлины в 3—5 раз ниже, чем в других владениях Западной Африки ²².

Переход от «живого товара» на торговлю маслом и пальмистой имел для прибрежных африканских обществ революционные последствия. В социальном отношении это втягивало массы в товарно-денежные отношения, вело к классово-сословному расслоению и к формированию компрадорской буржуазии. Не менее важными были цивилизационные и психологические перемены. Работоторговля сеяла среди африканцев агрессию, смерть, взаимную ненависть, раболепие перед белыми и, конечно, праздность. Пальма же принесла сюда, где труд крестьянина на полевых культурах длился лишь 70 дней в году, работу в течении всех 365 дней, как того требует уход за вечнозелеными растениями и сбор урожая без перерыва. Пальма стимулировала выработку таких черт характера как трудолюбие, упорство, бережливость, а также стремление к агрономическим знаниям. Не зря Дагомею позже назовут «Латинским кварталом» Западной Африки. В итоге, за полсотни лет «пальмо-масличного бума» вся страна на глубину 100—125 км покрылась сплошным лесом из масличных пальм ²³.

На рубеже 1870—1880-х гг. Португалия в Бенинском заливе не проявляла большой активности. Происходили лишь мелкие дипломатические стычки с французами по поводу нарушения таможенных правил в Виде и права экстерриториальности форта Сан-Жуан ²⁴. Все внимание португальского колониального ведомства было сосредоточено южнее, там, где готовился раздел бассейна Конго, в особенности, нижнего течения этой реки. Здесь, кроме Португалии, Франции и Англии, с некоторых пор появился новый игрок — Бельгия, точнее, ее король Леопольд, собиравшийся создать нечто прежде невиданное в колониальной истории — частную колонию под экстравагантным названием «Свободное государство Конго». Между тем, португальцы из своих старых колоний на побережьях Анголы и Мозамбика продолжали продвигаться во внутренние районы навстречу друг другу. Сюда же с юга надвигались англичане, а с французами назревал конфликт по поводу раздела нижнего течения Конго ²⁵.

В таких условиях канцлер Германии Бисмарк выдвинул идею созыва в Берлине международной конференции с целью разработки принципов и правил мирного раздела африканских территорий, на которые претендовали европейские державы. В конце 1884 г. в Берлине собрались представители 14 больших и малых государств, заседавшие более трех месяцев. В подготовленной МИД России «Записке о задачах Берлинской конференции, созванной для определения положения западноафриканских владений и по реке Конго» говори-

лось, что «...внутри Африки постоянно открываются новые рынки для европейских товаров и новые богатства природы... Поэтому туда ринулись англичане, французы, голландцы (следовало написать — «бельгийцы». — *Д.У.*) и немцы, которые именем своего правительства пытаются захватить какой-нибудь кусок земли, в особенности на берегах великой реки Конго». Далее в документе перечислены задачи конференции. Ближайшая состоит в определении «... взаимных территориальных отношений и торговых прав западноевропейских государств на западном побережье Африки». Другие задачи были следующими: свобода судоходства на реках Конго и Нигер; «... определение формальных условий, при соблюдении которых новые занятия (occupations) на берегах Африки должны считаться действительными (effectives)»²⁶. Иными словами, был выражен принцип «эффективного владения территорией», соблюдение которого давно требовала Россия, и который был записан в инструкции русскому уполномоченному на конференции П. Капнисту.

В Берлине была подведена черта под давно тлевшим конфликтом Португалии с тремя колониальными державами. Об одном из них в конце 1882 г. сообщал в Петербург князь Н.А. Орлов — русский посол в Париже. В письме министру он писал, что Франция желает установить свою власть над обширными территориями на правом берегу Конго. Но Португалия является собственницей этих самых земель уже «... более столетия, а Великобритания в этом споре собирается поддержать требования лиссабонского кабинета». Чуть позже посланник Д.Г. Глинка из Лиссабона детально описывал эти события: напряжение между Португалией и Францией достигло такого накала, что португальцы уже собирались послать к берегам Конго свой флот. Англичане, однако, уговорили их не делать столь опрометчивых шагов и обещали помощь в решении конфликта дипломатическим путем²⁷.

Переговоры Португалии с Англией, несмотря на солидарность в противодействии французским поползновениям, шли тяжело. Только в феврале 1884 г. в Лондоне была подписана конвенция о разделе сфер влияния в Заире. Англичане, не претендуя на земельные участки, добились главного — свободного плавания по реке торговых кораблей. Радость, впрочем, была недолгой: из-за противодействия Франции, поддержанной Германией, соглашение не вошло в силу²⁸. Вскоре появился новый очаг напряженности — на сей раз на берегу Бенинского залива. Французы, оккупировав город Вида, потребовали передать им и форт Сан-Жуан. После долгих препирательств премьер-министр Португалии, генерал Антониу Перейра ди Мелу, согласился отдать его англичанам²⁹, что вызвало вспышку ярости французов. Спор закончился безрезультативно — форт Сан-Жуан остался португальским.

Произошло неожиданное событие: король Дагомеи Глеле согласился перейти под протекторат Португалии. Русский поверенный в делах в Лиссабоне (посланник Глинка скоропостижно скончался, а новый еще не прибыл) сообщил в Петербург 7 октября 1885 г. сенсационную новость: «Сегодня опубликована телеграмма, что владения короля Дагомеи, по его просьбе, перешли под протекторат Португалии. Человеческие жертвоприношения, столь частые в этой стране, запрещены»³⁰. Прибывший в Лиссабон новый посланник Н.А. Фон-

тон в конце того же месяца послал в МИД длинную депешу с подробным изложением документов, подписанных дагомейцами и португальцами. Под португальский протекторат перешли города Котону, Годомей, Аврекет, а также Вида, на которой Португалия уже некоторое время осуществляла право суверенитета. В западной части Дагомеи под протекторат подпала область Вескариас до селения Гран-Попо. Сверх того, по одному из договоров дагомейцы уступили Португалии право оккупации и полной собственности на территорию и форт в заливе Зомое, а также порт Ардра.

Что касается массовых человеческих жертвоприношений, вызывавших в Европе и Америке всеобщее негодование, то король Дагомеи обещал впредь не казнить военнопленных, а отправлять их на Сан-Томе, ибо на этом плодородном острове не хватает рабочих рук. Действительно, туда уже было отправлено 1500 пленных в качестве рабочих на выращивание кофе. Общественное мнение Португалии, продолжает далее Фонтон, приветствовало установление протектората и считало его «выполнением цивилизаторской миссии страны». Правительство же представило это событие как справедливую компенсацию за потери, понесенные при разделе Конго и Гвинеи.

29 декабря 1885 г. в Лиссабоне был опубликован королевский декрет о протекторате над далекой африканской страной. Его текст в переводе на французский язык Фонтон отослал в Петербург в качестве приложения к своему донесению. Декрет гласил: «Выслушав соображения консультативной комиссии по заморским делам, я соизволил одобрить действия губернатора Сан-Томе и Принсипи касательно установления протектората португальской нации над всей приморской частью Дагомейского королевства, а также все подписанные им документы, в полном соответствии с Генеральным актом Берлинской конференции»³¹.

В это время в Париже начались трудные дипломатические переговоры между Францией и Португалией о делимитации спорных территорий в Западной Африке — Гвинее, Конго, Кабинде. Конвенцию подписали 12 мая 1886 года. Гвинея была разделена на две части в соответствии с существовавшей границей, а Португалия отказалась от нагорья Фута-Джаллон, которое окончательно отошло к Франции³². Конфликт с Францией усугубился новыми для Португалии трудностями на восточном берегу Африки, где возник очаг напряженности уже с Англией из-за Занзибара. Фонтон с полным основанием сделал в середине 1887 г. краткий, но грозный вывод: «Португалия во всем мире находится во враждебных отношениях с другими державами из-за колоний»³³.

Что касается Дагомеи, то обстановка здесь также изменилась в худшую сторону: французы категорически отказывались признавать португальский протекторат, а дагомейский король бросил в тюрьму сановников, которые советовали ему подписать договоры с Португалией. Речь шла о члене могущественной семьи афробразильца Ф.Ф. де Соуза Жулиане, который занимал, как и его отец, пост чачи — министра по связям с европейцами и правителя города Вида³⁴. Жулиан за «плохие советы» не только попал в тюрьму, но вскоре был убит, сам же король демонстративно стал в оппозицию к португальцам. Ситуация для Португалии стала катастрофической — военной силы в

этом регионе, достаточной для подчинения непокорных, не было. Не было и финансовых ресурсов для большой колониальной войны.

Развязка пришла поздней осенью 1887 года. Вот как об этом повествует русский посланник в Лиссабоне: «Старания португальских колониальных властей убедить короля Глеле остаться верным договорам оказались безуспешными... Король Португалии получил от него письмо с извещением, что заключенные в 1885 году от его имени четыре договора признаются недействительными на том основании, что лица, подписавшие оные, не имели на это надлежащего уполномочия. В письме этом король Глеле решительно отвергает возможность каких бы то ни было территориальных уступок, считая немыслимым отчуждение даже “одной ложки земли”. Не менее категорично отвергает он и всякое иностранное покровительство..., у него не было до сих пор намерения отречься от самостоятельности». В письме дагомейского правителя был затронут и вопрос о массовых ритуальных казнях, которые он обещал прекратить. В изложении русского дипломата его позиция такова: «Что касается до отмены человеческих жертвоприношений, то прекращения этих торжественных обрядов, постановленных религиею страны, отнюдь допущено быть не может. Единственная уступка в этом отношении ограничивается обещанием что, по совершении в течение года обычных жертвоприношений, оказавшиеся излишними военнопленные будут сдаваться португальским властям для отправки в Сан-Томе»³⁵.

Неопределенность в отношениях между Португалией и Дагомеей разрядилась в конце 1887 года. Официальная португальская газета напечатала для всеобщего сведения ноту, отправленную 16 декабря представителям иностранных государств в Лиссабоне с извещением об отказе от протектората над Дагомеей. Посылая в Петербург ноту и, в приложении, рапорт морского министра, ведавшего колониальными делами Португалии, русский посланник следующим образом кратко пояснил причины происшедшего. Во-первых, португальцы после двухлетнего опыта убедились, что владение Дагомеей не принесет им никаких выгод; во-вторых, подобное предприятие им «... не по силам». Позже португальский министр признался Фонтону, что, учитывая «огромное пространство далекой африканской страны, протекторат над нею превосходит силы Португалии»³⁶. Это, в самом деле, соответствовало действительности, как в финансовом, так и в военном отношении.

Чтобы понять, какими ресурсами владела Дагомей и как тяжело было бы ее покорить, достаточно привести несколько цифр. Когда французы спустя пять лет начали войну против этого хорошо организованного государства, на ее ведение им потребовалось 7 млн франков³⁷. Но это была лишь первая порция военных расходов. Дефицит государственного бюджета достиг угрожающей величины (от 43 до 60 млн франков). Это привело к серьезным опасениям в правительстве и к резкой критике в парламенте³⁸. Кроме того, французам пришлось перебросить к берегам Бенина (в июне 1886 г. французские владения на побережье Дагомеи были объединены в колонию с таким названием) отборные части морской пехоты и иностранного легиона (3 тыс. чел.), а также флотилию канонерок (6 кораблей)³⁹. Более того, война в Дагомее обнаружила серьезные слабости французской армии.

Военный министр попытался ее реформировать, но не был поддержан парламентом. Было решено, оставив колониальные войска в подчинении морского министерства, усилить их восемью батальонами пехоты, а ежегодный бюджет увеличить до 6 млн франков⁴⁰. Таких возможностей у Португалии не было.

Имелась и третья причина отказа Португалии от силового принуждения дагомейцев к протекторату, о которой Фонтон ничего не сказал. Внимание правящих кругов в Лиссабоне отвлеклось от Дагомеи более заманчивыми планами приобретения новых земель в центральной Африке за счет расширения границ Анголы и Мозамбика. Русские дипломаты заметили усиление соперничества Португалии с Англией и Германией в Юго-Восточной Африке. Вскоре их подозрения приняли конкретные очертания, когда речь пошла о Занзибаре, обвиненном в контрабандной работорговле. Сначала морскую блокаду острова объявили три названные выше государства, затем к ним присоединилась Франция⁴¹. Но блокада неожиданно закончилась оккупацией Занзибара англичанами (с согласия немцев), что вызвало во Франции всеобщее негодование⁴².

Пока португальцы выясняли отношения с дагомейским королем и боролись с работорговлей на Занзибаре, французы на Бенинском побережье укрепляли свои позиции. Как и прежде, их опорой оставался король Тоффа, правивший Порто-Ново с 1875 года. Теперь к нему добавился новый союзник — король страны Ладо. В июле 1887 г. он торжественно подписал протокол о переходе под протекторат Франции и поднял трехцветный флаг. Выступая перед собравшимися, король выразил чувство глубокого удовлетворения прибытием французских войск, которые отныне будут защищать его страну от жестоких и вероломных дагомейцев⁴³.

Факты, подобные приведенному выше, не были единичными при колониальном разделе Африки. Бенинский историк М. Видегла приводит массу примеров, как многие города и государства, страдавшие от набегов дагомейцев, забиравших население в рабство, одобрительно встречали европейцев. Французы, англичане и немцы приносили им мир и стабильность⁴⁴.

Во второй половине 1880-х гг. центр межгосударственных противоречий в Африке, в котором активно участвовала Португалия, сместился к югу, в бассейн Конго. Главный принцип, установленный в Берлине для международно-правового признания колониальных владений — принцип «эффективного присутствия» — стимулировал занятие «пустой» территории своей администрацией и войсками. В схватке за Конго кроме бельгийцев, чей король Леопольд II стал главой признанного на конференции «Свободного государства Конго», участвовали португальцы, давно владевшие прибрежной частью (Ангола), и французы (Габон). С юга к границам Конго приближались англичане. В такой ситуации интересно отметить появление среди русских дипломатов «афроскептиков», высмеивавших раздел Африки с помощью «абстрактных линий на карте», называя это «пустым занятием» и «детской игрой». Среди них был и посол в Париже в 1884—1897 гг. барон А.П. Моренгейм, много сделавший для заключения русско-французского военно-политического союза.

На документах, посланных Моренгеймом в Петербург, остались одобрительные пометы царя Александра III, которые свидетельствуют о том, что высшая власть решительно поддерживала Францию в ее противостояние с Англией. На секретной телеграмме из Парижа на французском языке: «Получена новость, что Хартум взят Махди и Гордон вероятно в плену» царь синим карандашом жирно вывел по-русски: «Радуюсь от души!» В другой раз на докладе Моренгейма, где говорится о его беседе с министром иностранных дел Франции и о просьбе того оказать помощь против Англии и Бельгии в Конго, царь начертал уже по-французски: «C'est possible» («Это возможно») ⁴⁵. Русский император также высказывал удовлетворение декретом французского президента о запрете ввоза в Африку огнестрельного оружия. Россия, в свою очередь, приняла подобный указ и ввела строгие меры наказания за его нарушение ⁴⁶.

Для Португалии раздел Конго оказался самым длительным и тяжелым процессом, хотя, казалось, что все было решено еще на Берлинской конференции. На деле тогда европейские державы, определяя большую часть бассейна Конго личным владением бельгийского короля, не только не решили спорные вопросы, а лишь усугубили противоречия между странами. В погоню за новыми владениями наряду с бельгийцами устремились португальцы, французы, англичане, немцы. Даже там, где не было больших споров, переговоры о разделе территории, а затем о делимитации границы шли тяжело и медленно. Как пример можно привести раздел области Лунда между бельгийцами и португальцами. Переговоры были начаты осенью 1890 г., соглашение подписали 31 декабря того же года в Лиссабоне, договор о делимитации «сфер суверенитета и влияния в районе Лунда» подписали в мае следующего года. Ратификация же состоялась в Брюсселе только в марте 1894 года ⁴⁷.

Также с немалыми трудностями, хотя и без применения силы, португальцы овладели областью Кабинда площадью в 7 тыс. кв. км, расположенной в 50 км к северу от устья р. Конго. Поблизости, занимая всю северную сторону Кабинды, обосновались французы, с которыми в мае 1886 г. была подписана конвенция о делимитации границы. О появлении на карте Африки новой колонии — Французского Конго — в МИД России сообщал посланник Фонтон в донесении от 16 июня 1887 года ⁴⁸. Отсюда французы продолжили колониальную экспансию на север — в сторону рек Убанги и Шари и дальше — к озеру Чад.

Пока французы сквозь джунгли экваториального леса и бурные реки медленно продвигались на север, за тысячу километров от них португальский отряд, во главе которого стоял знаменитый путешественник А. Серпа Пинту, выйдя из Мозамбика, шел на запад, по землям Машона и Маколо. Из Анголы ему навстречу двигались другие португальские отряды, выполнявшие проект под названием «Розовая карта» ⁴⁹ — соединение обеих колоний и создание Португальской Южной Африки. Эта карта прилагалась к договорам о размежевании владений в Конго, подписанных с французами в 1886 и с немцами в 1887 году. Публично ее представили при ратификации подписанных документов в португальском парламенте. Англичане протестовали против португальской экспансии на земли, вид на ко-

торые имели сами, желая осуществить трансконтинентальный проект — соединить свои владения в единую цепь от Каира до Кейптауна. Но никто не ожидал ничего экстремального...

2 января (по ст. стилю) 1890 г. в МИД России была получена телеграмма из Лиссабона, в которой Фонтон сообщал: англичане категорически потребовали, угрожая разрывом отношений, отозвать отряд майора Серпа Пинту и срочно вывести все португальские военные силы из земли Машона и Маколо. Португальский кабинет подал в отставку⁵⁰. Только через 10 дней русский посланник в Лиссабоне прислал обстоятельный рассказ о событиях в Португалии и дал подробный анализ английского ультиматума. Интересна в этой связи реакция простых португальцев на ультиматум со стороны державы, которую они считали союзницей со времен наполеоновских войн. «Столкновение по поводу африканских владений, — пишет Фонтон, — вызвало в Португалии шумные, враждебные Англии, демонстрации..., одновременно предпринят крестовой поход против английской промышленности. Уличные демонстрации продолжаются около недели. Статую Камозенса (великий поэт, символ страны. — Д.У.) покрыли трауром и венками; главными участниками этих церемоний являются нижние слои населения»⁵¹.

Современные португальские историки подтверждают и дополняют наблюдения русского дипломата. В середине января 1890 г. вся страна поднялась в едином порыве против «коварного Альбиона». Возник острейший внутривластный кризис. Антианглийские и антимонархические демонстрации шли под лозунгами «Долой грабителей!», «Долой пиратов!», «Смерть англичанам!», «Да здравствует Родина!» и даже «Да здравствует Республика!». Герцог ди Палмела, исторический лидер португальского либерализма, отказался от английских наград, полученных в молодости за участие в Крымской войне. Его примеру последовали другие старые солдаты — граф ди Порту Кову и герцог ду Кадавал. Широкие массы населения начали бойкот английских товаров⁵².

Политический кризис в Португалии грозил перерасти в антимонархическую революцию. Между тем, англо-португальские переговоры в Лондоне шли успешно и 20 августа 1890 г. привели к подписанию соглашения о разграничении сфер влияния на берегах Замбези и к удовлетворению требований Англии. Однако ратифицировать документ португальский парламент, избранный на волне патриотического подъема, отказался. Правительство было снова сменено, переговоры возобновлены, а подписанный в июне 1891 г. новый договор мало, чем отличался от прежнего. После долгих дебатов его, наконец, ратифицировали.

Поражение Португалии в дипломатической борьбе с Англией объясняется не только ее военно-политической слабостью. Была еще одна причина, которая редко учитывается историками. Она состояла в зависимости финансово-банковской системы от иностранных займов, что привело в июне 1892 г. к частичному дефолту по отношению к английскому банку «Бэринг» — традиционному кредитору Португалии. Годом ранее правительство отказалось от золотого стандарта, что также расшатало финансы страны. Кредиты брались у английских и французских банков без учета ограниченных возможностей госу-

дарственного бюджета (их сумма на момент банкротства превышала 10 млн ф. стерлингов). Кроме того, лопнул частный банк «Генри Барнет и Ко» из-за спекулятивных сделок с государственной табачной монополией и большими расходами на железнодорожное строительство. Крах назревал в течении нескольких лет, английский ультиматум, с одной стороны, ускорил его, а с другой — сам был спровоцирован слабостью португальской стороны ⁵³.

Английский ультиматум и государственное банкротство, а также рост активности левых политических сил — либералов, республиканцев, анархистов — поставили перед правящей элитой Португалии необходимость прекратить активную колониальную экспансию и заняться назревшими внутренними реформами. Ситуация, впрочем, не была столь катастрофической, как это казалось современникам: финансовое положение удалось стабилизировать за счет новых иностранных займов. Раздел же бассейна Конго из-за противоречий между колонизаторами продолжался еще десяток лет и, в конце концов, дал Португалии большой выигрыш. Это очевидно, если взглянуть на площадь приобретений европейских держав: бельгийцы, скрывавшиеся за вывеской «Свободного государства Конго», получили 2 млн 344 тыс. кв. км, французы прирастили свои колонии за счет Правобережного Конго и Убанги-Шари площадью в 660 тыс. кв. км, а португальцы добавили к Анголе еще 909 тыс. кв. км. Конечно, программа-максимум, изложенная в проекте «розовой карты» — создание в Африке «второй Бразилии» в виде Португальской Южной Африки — не была выполнена. Однако провалились и амбициозные планы двух соперников — Англии и Франции — по созданию непрерывного пояса своих владений через весь континент.

Британцы, дойдя от Замбезы до Великих озер, где уже закрепились немцы, повернули назад, чтобы поглотить силой оружия бурские республики. Португальцы медленно осваивали новые земли, присоединенные к Анголе. Одни французы продолжали колониальную экспансию по нескольким направлениям. Завоевав Дагомею после короткой, но жестокой войны, они ликвидировали колонию Бенин (июнь 1894 г.), вернув ей прежнее название Дагомея. Были организованы пять военных экспедиций на север, к Нигеру, причем французы достигли городов Сай, Бусса и Ники. На область Боргу претендовали также немцы, но оказались менее проворными, и англичане ⁵⁴. В отчете Министерства колоний об этих экспедициях сказано как об успешных предприятиях: «В Западной Африке задача состояла в том, чтобы соединить колонии Сенегала и Гвинеи с Берегом Слоновой Кости и Дагомеей. Из этого соревнования с Англией и Германией мы вышли победителями, так как в результате соглашений с соперниками мы соединили Дагомею с Боргу и страной мосси» ⁵⁵.

До окончательного раздела территорий в суданской зоне однако оставалось еще десять лет, за которые радость победителей померкла, ибо произошли такие драматические события, которые едва не закончились для Франции тяжелым поражением. Речь идет о так называемом Фашодском инциденте, ставшем заключительным актом колониального раздела Африки, если исключить англо-бурскую войну, которая была, по сути, схваткой двух европейских народов за обладание чужими богатствами. В русском дипломатическом ведомстве вни-

мательно следили за событиями на Верхнем Ниле и делали соответствующие заключения и прогнозы. Первая телеграмма пришла 10 сентября 1898 г.: «Маршан достиг Нила. Английские канонерки идут вверх по реке». Следующая телеграмма была послана уже после встречи майора Маршана, командира французского отряда, ставшего лагерем на берегу Нила у Фашода и поднявшего здесь трехцветный флаг, и прибывшей вверх по реке многочисленной армии (25 тыс. чел.) во главе с английским генералом Китченером, известным под именем Сердар (главнокомандующий). Во второй телеграмме было сказано: «В субботу вечером Сердар вернулся в Омдурман из Фашоды, где застал экспедицию Маршана. Сердар оставил пост у Фашоды рядом с французами, другой — у слияния Собата с Нилом»⁵⁶. Тогда же в МИД было получено подробное описание противостояния на Ниле от русского посла в Париже князя Урусова. Общее мнение русской дипломатии высказал военный агент в Париже барон Фредерикс: «Не превращать столь неважный вопрос в *casus belli* (повод к войне. — Д.У.)»⁵⁷.

Этот мудрый совет как будто услышал министр иностранных дел Франции Т. Делькассе. Ровно через месяц Урусов, не скрывая удовлетворения, сообщил в МИД о мирном решении инцидента на Ниле — Маршан получил приказ о возвращении, а лорд Сольсбери, английский министр иностранных дел, заявил французскому послу, что «теперь не имеется более препятствий к открытию переговоров касательно определения границ в центральной Африке».

Начавшиеся вскоре в Лондоне переговоры не только успокоили обстановку на Верхнем Ниле, но и привели к компромиссному решению других территориальных споров между двумя странами. Отступив в частном, Франция победила в главном: отныне для обеих стран был открыт путь к «сердечному согласию». Этот парадокс отметил русский финансовый агент в Париже Татищев в письме своему шефу С.Ю. Витте: «В результате подписанной конвенции владения Великобритании и Франции разграничены на таких выгодных и почетных для последней условиях, о которых еще недавно... никто даже и не мечтал в Париже»⁵⁸. Не осталась в накладе и Англия — она получила обширную область Верхнего Нила, но соединять железной дорогой Каир с Кейптауном было уже поздно.

Уступчивость Франции в Фашодском кризисе объясняется еще одной причиной, обычно не отмечаемой в современной исторической литературе, которая станет понятной, если внимательно изучить географическое распределение заграничных французских капиталовложений. Хорошо известно, что на рубеже XIX и XX вв. Англия вывозила товары, а Франция — капиталы, приносявшие не меньшую прибыль. По данным русского военного агента в Париже полковника Лазарева, всего за рубежом французы вложили примерно 30 млрд фр., из них в Африке — 3,7 млрд франков. Самый интересный вопрос, как распределялись эти «африканские» капиталы: в английских колониях было размещено 1,6 млрд фр., в Египте — еще 1,44 млрд (Египет фактически тоже был колонией Англии), в Бельгийском Конго — 72 млн, в Абиссинии (Эфиопии) — 32 млн и во французском Тунисе — 512 млн франков. Данные по другим странам Африки не приводятся, очевидно, по причине их отсутствия⁵⁹. Таким образом, льви-

ная доля французских капиталов была размещена в английских владениях — более 3 млрд фр. или 82% общей суммы. Совершенно понятно, что в случае военного столкновения эти немалые деньги были бы немедленно конфискованы, что в значительной мере обусловило французскую позицию.

Разграничение между британскими владениями в Западной Африке и французскими в Западном Судане и Дагомее было произведено еще до Фашодского кризиса по конвенции от 14 июня 1898 года. Французы добились концентрации своих владений в единый блок, соединив общими границами Сенегал, Гвинею, Судан, Берег Слоновой Кости, Верхнюю Вольту и Дагомею, а также земли на восток вплоть до озера Чад. Окончательно конфликт был отрегулирован 21 марта 1899 г. дополнительной декларацией к прошлогодней конвенции: стороны признали водораздел между реками Конго и Нил линией границы английской и французской сфер влияния. Франция получала, таким образом, обширную, но малонаселенную область между оз. Чад и плоскогорьем Дарфур, англичанам остался Судан ⁶⁰.

Рассказ о «схватке за Африку» конца XIX в. будет неполным, если не сказать предельно кратко о ситуации в зоне Красного моря. Здесь Португалия отсутствовала, но память о португальцах осталась в Эфиопии, где они когда-то пытались евангелизировать христианский народ. Теперь, особенно после открытия Суэцкого канала, активизировались старые колониальные державы — Англия и Франция, а с ними и новый хищник — Италия. Втроем они сначала поделили «Африканский рог» Сомали, а итальянцы, кроме того, захватили Эритрею и дважды пытались силой оружия покорить Эфиопию.

Впервые в истории единоверной стране в Африке, жертве наглой агрессии, политическую, моральную и материальную помощь стала оказывать Россия. На эту тему в архивах имеется богатый документальный материал ⁶¹. Написаны научные труды. Однако остался в стороне такой уникальный феномен, как попытки колонизации африканского побережья Красного моря «снизу», самовольным порядком, вопреки официальной политике Российской империи. Известно, что после многотрудной продажи Аляски было принято принципиальное решение не приобретать заморских владений ни в Африке, ни где-либо еще, которое неуклонно исполнялось. Поэтому как в центральном аппарате МИД, так и в посольствах за границей крайне отрицательно относились к простонародной колонизации, которая могла спровоцировать серьезные конфликты с великими державами. Когда на помощь Эфиопии устремились добровольцы, среди них были и романтики, и авантюристы. В дипломатических архивах отложилось много материалов о похождениях таких лиц, потому что за их передвижением велось тщательное наблюдение.

Весьма показательной для отношения властей к подобным «колонизаторам» является помета царя Николая II на депеше из Парижа. В 1897 г. князь Урусов сообщал о попытке русских кораблей высадить десант и захватить кусок побережья Красного моря. Император начертал резолюцию: «Надо как можно скорее кончать (подчеркнуто в тексте. — Д.У.) это глупое, но важное и весьма неудобное происшествие». Все страны и народы в этом регионе, за исключением Эфиопии, уже были разделены между колониальными державами, и поку-

шение на их территорию было чревато большой войной. Значит, «схватка за Африку» закончилась.

Несколькими годами раньше царской резолюции русский посланник в Лиссабоне Фонтон ошибся в своих прогнозах, когда писал в МИД об английском ультиматуме 1890 г. и о скором разрешении вспыхнувшего конфликта между Португалией и Англией. Тогда многоопытный дипломат посчитал, что эти события означают конец колониальной битвы за Африку. «Настоящими англо-португальскими переговорами и ожидаемым соглашением между Лондоном и Парижем, пополняющим англо-германский договор, — писал Фонтон, — завершается окончательный раздел Черного континента между западными державами, и должно полагать, что на время будут устранены причины соперничества и столкновений между ними».

Фонтон в сроках ошибся: колониальный раздел Африки или, как выражаются португальцы, *cogrida colonial*, окончательно завершится лишь в 1899 г. после англо-французского соглашения по Фашодскому делу, но по существу вопроса он оказался прав. Свое донесение в Петербург Фонтон закончил словами: «Желательно было бы для Португалии, чтобы она сумела воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы упрочить свое колониальное владычество и обеспечить свои территории от ненасытных вожделений могущественных своих соседей»⁶².

Именно так Португалия поступила после 1890 г.: она отказалась от новых колониальных авантюр и сохранила надолго свою африканскую колониальную империю. Будучи по времени первой в истории, она оказалась и последней. Имея немалый запас прочности, Португальская колониальная империя пережила революцию 1910 г., когда пала монархия, и просуществовала до следующей, Апрельской революции 1974 года.

Примечания

1. Nova História da expansão portuguesa. Vol.X. Lisboa. 1998.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф.133, оп. 470, 1865, д. 1, л. 278.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1329, оп. 1, д. 580, л. 14—19.
4. Там же, д. 635, л. 15—19, 29—40.
5. РГИА, ф. 1409, оп. 3, д. 9346, л. 65—77.
6. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 417, оп.1, д. 550, л. 18—18об.
7. Там же, л. 39—50.
8. RAMOS R. «Um novo Brasil de um novo Portugal». A história do Brasil e a idea de colonização em Portugal nos séculos XIX e XX. — Penélope. 2000, № 23, p.129—152; RUSSO V. Fare dell’Africa un nuovo Brasile: letteratura e retorica coloniale nell’ottocento portoghese. — Tintas. Quaderni de letterature iberiche e iberoamericane, 2011, № 1, p. 191—209.
9. ALEXANDRE V. Imperio portugues (1825—1890): ideologia e economia. Analise Social. 2004, vol. XXXVIII, p. 961—970.
10. CUNHA MATOS R.J. Compêndio histórico das possessões de Portugal na Africa. Rio de Janeiro. 1963, p.84—85; LAW R. Ouidah: The Social History of West African Slavery Port. 1727—1892. Athens. 2012, p.265—269.

11. Archives Nationales. Section d'outre-mer (ANSOM). Aff. polit., 2662, 1.
12. CASTRO A. de. O sistema colonial português em Africa. Lisboa. 1980, p.216.
13. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 2к, оп. 2, д. 1, л. 253 (трофейные документы).
14. France and West Africa. An Anthology of Historical Documents. L. 1969, p. 187.
15. La France coloniale. Histoire — Géographie — Commerce. P. 1888, p. 234.
16. ROUARD de CARD E. Traités de protectorat conclus par la France en Afrique, 1870—1895. P. 1897, p. 91.
17. British Policy towards West Africa: Select Documents. Vol. 2. 1875—1914. Oxford. 1971, p. 179—181.
18. CHAUDOIN E. Trois mois de captivité au Dahomey. P. 1891, p. 382.
19. РГВА, ф. 59к, оп. 1, д. 29, л. 48 (трофейные документы).
20. АВП РИ, ф.133, оп. 470, 1881, д. 105, л. 151; оп.470, 1893, д. 69, л. 248.
21. COQUERY-VIDROVIRCH C. De la traite des esclaves à l'exportation de l'huile de palme et des palmists au Dahomey. In: The Development of Indigenous Trade and Markets in West Africa. Oxford. 1971, p. 118.
22. РГВА, ф. 59к, оп. 1, д. 28, л. 7 (трофейные документы).
23. SOTINDJO S.D. Des esclaves, de l'huile de palme et du coton. Les étapes de la mondialisation au Benin. www.greenstone.lecames.org/B-003-002-129-147.
24. ANSOM. Aff. polit., 2662, 20—21.
25. Подробнее о разделе Конго и позиции Португалии см.: Nova História de expansão portuguesa..., vol. X, p. 472—542.
26. АВП РИ, ф. 133, оп. 470, 1884, д. 23, л. 77—79. Документация по Берлинской конференции занимает в архивном фонде три обширных дела — №№ 23, 24 и 25. К делу № 24, где находится отчет о конференции, датированный 27 февраля 1885 г. (л. 229—243), приложены две брошюры португальской делегации на французском языке «Права Португалии на Конго» и «Португальский вопрос о Конго».
27. АВП РИ, ф. 133, оп. 470, 1882, д. 72, л. 311; оп. 470, 1883, д. 95, л. 3—5, 17.
28. Там же, оп. 470, 1884, д. 56, л. 15, 31—31об., 47. К делу прилагается изданная португальцами брошюра, обосновывающая их права на бассейн Конго, названный Заиром. См.: Portugal. Negocios externos. Questão do Zaire. Lisboa. 1884.
29. Там же, д. 96, л. 31.
30. Там же, оп. 470, 1885, д. 62, л. 107.
31. Там же, 1886, д. 64, л. 5.
32. Текст подписанной конвенции по непонятной причине был отправлен в МИД России с большим опозданием — только в приложении к донесению от 5 сентября 1887 года.
33. АВП РИ, ф. 133, оп. 470, 1887, д. 64, л. 62.
34. LAW R. A carreira de Francisco Félix de Souza na Africa Occidental. — Topoi. 2001, mars, p. 29; COSTA E SILVA A. Francisco Félix de Souza: Mercador de escravos. Rio de Janeiro. 2004, p.156—181.
35. АВП РИ, ф. 133, оп. 470, 1887, д. 64, л. 129—131.
36. Там же, л. 132—136; ф. 1890, д. 62, л. 164.
37. Там же, оп. 470, 1892, д. 66, л. 228.
38. Там же, ф. 560, оп. 22, д. 205, л. 89.
39. РГВА, ф. 2к, оп. 2, д. 12, л. 44 (трофейные документы).
40. РГВИА, ф. 401, оп. 5, 1896, д. 2, л. 44.
41. АВП РИ, ф. 133, оп. 470, 1888, д. 62, л. 92—96; д. 74, л. 105—110, 419—420.
42. Там же, оп. 470, 1890, д. 74, л. 214—219.
43. ANSOM. Dahomey, IV, 2.
44. Peuples du Golfe du Bénin. Etudes réunies et présentées par François de Medeiros. P. 1984, p. 54, 104—115.
45. АВП РИ, ф. 133, оп. 470, 1885, д. 77, л. 417; оп. 470, 1894, д. 67, л. 321.
46. РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 1129, л. 153—154.
47. Acordo entre os Governos de Portugal e do Estado Independente do Congo sobre a questão da Lunda. www.africafederation.net/Lunda11.htm.
48. АВП РИ, ф.133, оп. 470, 1887, д. 64, л. 76—79.

49. Карта не была розового цвета, как ошибочно пишут некоторые историки. Это обычная черно-белая географическая карта, но владения Португалии на ней окрашены розовым цветом. Южнее экватора, слегка склоняясь к югу, через весь континент от Атлантического до Индийского океана протянулся широкий, с неровными краями розовый пояс, соединивший Анголу и Мозамбик. См.: Доклад португальских ученых на симпозиуме по исторической географии в 2011 году: CHARLES A.J., CORREIA L.A. Cartografia Histórica da Africa — Mapa Cor de Rosa. — www.ufmg.br.
50. АВП РИ, ф. 133, оп. 470, 1890, д. 62, л. 246.
51. Там же, с. 38—39. См. также: ХАЗАНОВ А.М. «Розовая карта» и борьба европейских держав за раздел португальских колоний. — Новая и новейшая история. 2006, № 1, с. 207—213.
52. TEIXEIRA N.S. Política externa e política interna na Portugal de 1890: O Ultimatum inglês. — *Análise social*. 1987, vol. 23, № 4, p. 687—720; HOMEM A.C. O Ultimatum Inglês de 1890 e a opinião pública. — *Revista da História das Idéas*. 2007, vol. 14, p. 281—297.
53. МАТА М.Е. Portuguese public debt and financial business before WW1. — *Business and Economic Horizons*. 2010, vol. 3, № 3, p. 11—27. Тяжелым было финансовое положение и в Англии. «Финансовый кризис Английского банка грозит серьезными потрясениями для Франции», — предупреждал русский посол. АВП РИ, ф.187, оп. 524, д. 1912, л. 58, 65—66.
54. РГВА, ф. 59к, оп. 1, д. 129, л. 48; д. 30, л. 1—5 (трофейные документы).
55. Там же, ф. 2к, оп. 2, д. 1, л. 255об.—256 (трофейные документы).
56. АВП РИ, ф.133, оп.470, 1898, д.3, л. 16, 19.
57. РГВИА, ф. 401, оп. 5, д. 118, л. 2.
58. РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 205, л. 89об.
59. РГВИА, ф. 440, оп. 1, д. 209, л. 68—69.
60. Documents diplomatiques. Correspondance et documents relatifs à la Convention franco-anglaise du 14 juin 1898. P. 1899; Documents diplomatiques. Correspondance concernant la declaration additionnelle du 21 mars 1899 à la Convention franco-anglaise du 14 juin 1898. P. 1899.
61. См., например: РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1994—2006, 2131, 2137—2141 и др.; АВП РИ, ф.187, оп. 524, д. 1896, 1994, 2028, 2051, 2161 и др.
62. АВП РИ, ф. 133, оп. 470, 1890, д. 62, л. 156.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Антипод Кузьмы Минина

В.Б. Перхавко

Смутное время начала XVII в. ознаменовано резким возрастанием мобильности практически всех социальных слоев русского общества, значительным повышением роли народных масс. В драматических событиях той поры активно участвовало немало незаурядных людей, стоявших нередко на противоположных позициях.

Ярким примером стремительного взлета по социальной лестнице, а затем падения является судьба одной из знаковых фигур Смутного времени — купца Фёдора Ивановича Андропова¹. Его по праву можно назвать антиподом спасителя Отечества Кузьмы Минина. В современной исторической литературе можно встретить попытки в какой-то степени даже оправдать тесное сотрудничество Андропова не только с Лжедмитрием II, но и с польско-литовскими интервентами². Однако сохранившиеся исторические материалы дают основание усомниться в возможности такой оценки его деятельности.

Источники позволяют реконструировать лишь основные вехи жизненного пути Андропова, происходившего из семьи посадского торговца, проживавшей на Погорелом Городище в Тверском уезде. Его отец Иван торговал лаптями, а сам Фёдор — кожей, пушниной, воском, выезжая в соседние страны — Польшу и прибалтийские владения Швеции. Впервые он упоминается в августе 1581 г. как один из вкладчиков (вместе с дядями Михаилом и Петром) в Иосифо-Волоколамский монастырь по скончавшемуся к тому времени отцу. Размер вклада «на вечной поминок» составлял 50 руб., что свидетельствует о значительном (для посадских людей) достатке Андроповых³.

Вместе со своим родственником (мужем сестры) гостем Василием Болотниковым Андронов занимался, в частности, вывозом и сбытом воска в Нарве (Ругодиве). В описи архива Посольского приказа

Перхавко Валерий Борисович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Москва.

1626 г. значатся челобитная 7109 (1600—1601) г. немецких коммерсантов из Любека «Анцы Флина и Фредерика Мелера и роспрос московских торговых людей Фёдора Андронава да Василья Болотникова в восковой торговле и в деньгах», в размере 540 рублей. После расспроса из Москвы была направлена грамота в Ругодив к воеводе князю Василию Ростовскому, которому велено было, «сыскав, про то написать, как у них, в Ругодиве в восковой торговле и в тех деньгах розделка была»⁴.

В монографии Н.Б. Голиковой, посвященной привилегированным купеческим корпорациям допетровской России, Андронов упоминается среди купцов, пополнивших Гостиную сотню в царствование Б.Ф. Годунова, а в итоговой таблице пребывание Андронава в составе этой второй по значению купеческой корпорации датируется 1606—1611 годами⁵. Вместе с тем, Андронов ни от одного из правителей России не получал звания гостя⁶.

Еще до 1605 г. он близко сошелся («пивали с ним и едали») с подьячим Посольского приказа Марком Ивановичем Поздеевым⁷. Такое знакомство, видимо, позволяло ускорить оформление в Посольском приказе проезжих грамот для поездок в соседние страны. Андронов продолжал снабжать Поздеева вином и продуктами и после воцарения В.И. Шуйского (1606—1610)⁸. При Лжедмитрии I, остро нуждавшемся в финансовых средствах, он подрядился на продажу казенной пушнины («мягкой рухляди») по записи с порукой⁹. В роли его поручителей выступили несколько московских гостей.

Ошибочно полагая, что «уже в 1608 г., при царе В. Шуйском, Андронов был печатником и думным дьяком Посольского приказа», В.О. Ключевский не считал его появление в 1610 г. в составе Боярской думы «необычайным актом королевского произвола, как это казалось после большим боярам»¹⁰. При этом историк сослался не на документ эпохи Смуты, а на историко-терминологическое сочинение Г.Ф. Миллера «Московские и другие старинные приказы», опубликованное в 1791 г. в «Древней российской вивлиофике». В нем Андронов почему-то упоминается в 1608 г. как «печатник и думной дьяк»¹¹. Лишь по недоразумению в монографии Н.Б. Голиковой утверждается, что Андронов при Шуйском стал царским казначеем¹². В действительности, с мая 1606 по июль 1610 г. на этой важнейшей финансовой должности находились другие лица — В.П. Головин, В. Тараканов, Д.И. Мезецкий, М. Булгаков, М. Коробейников¹³. Наоборот, в правление Шуйского положение Андронава, попавшего под подозрение в обогащении за счет казны и злоупотреблениях при сбыте пушнины, пошатнулось. Не дожидаясь окончания разбирательства и вынесения решения, нечистый на руку купец в самом конце 1608 либо в начале 1609 г. перебрался из Москвы в Тушинский лагерь и стал служить самозванцу Лжедмитрию II, назначившему его думным дьяком и казначеем. Не подтвердилась, однако, версия о существовании в Тушинском лагере приказа Большого прихода, котормым якобы ведал в 1609 г. казначей Андронов¹⁴.

Наряду с Андроновым дьяками в Смутное время стали еще несколько выходцев из торговой среды: гости Меньшой Булгаков, Кирилл Скоробовицкий; члены Гостиной сотни Булгак Милованов и Ждан Шипов. Если для первых это было повышение на одну сту-

пень на чиновной лестнице, то для других — сразу на две ¹⁵. В декабре 1609 г., когда Тушинский лагерь в связи с успехами войска М.В. Скопина-Шуйского и Я. Делагарди, бегством Лжедмитрия II в Калугу и уходом части его сподвижников к польскому королю Сигизмунду III распался, Андронову пришлось искать себе нового покровителя. В самом начале 1610 г. в составе делегации русских тушинцев он отправился под Смоленск, в лагерь Сигизмунда III. Вероятно, Андронов был причастен к составлению той из статей Тушинского посольства (4 февраля 1610 г.), в которой речь шла об условиях международной торговли России, в том числе с Польшей. В ней подтверждался прежний порядок свободного проезда русских купцов в Польшу, а коммерсантов из Речи Посполитой в Россию, с обязательством с обеих сторон не задерживать их и не вводить новые пошлины ¹⁶. Польский король Сигизмунд III, не будучи коронованным правителем России, действуя в соответствии с законодательством Речи Посполитой, возвел Андропова в чин думного дворянина. Согласно постановлениям польского сейма 1578 и 1601 гг., «во время войны за выдающееся мужество поведения и военное мастерство» (1578 г.) либо за «значительные заслуги перед Речью Посполитой» (1601 г.) сейм с согласия сената имел право возводить «плебеев» в «шляхетство» ¹⁷.

Своей последующей деятельностью Андронов оправдал королевское доверие. По информации польского гетмана С. Жолкевского, 29 августа 1610 г. под Москву приехал из Смоленска «некто москвитянин Фёдор Андронов, который доставил гетману письмо от е.в. короля, заключающее в себе то, чтобы гетман принимал власть не на имя королевича, а на имя самого е.в. короля» ¹⁸. Как предположил Б.Н. Флоря, в сентябре 1610 г. Андроновым был составлен список приверженцев («ушников») царя Василия Шуйского ¹⁹. Он же в другом документе перечислил русских людей, верно служивших и продолжавших служить Сигизмунду и его сыну королевичу Владиславу, назвав кандидатуры руководителей приказов, в большинстве своем прошедших через Тушинский лагерь. Сам Андронов хотел стать во главе Челобитного приказа, но не получил тогда от короля этот пост: «У челобитных Фёдор Иванович Андронов» (как думный дворянин он, в отличие от думных и приказных дьяков, указал себя с отчеством) ²⁰. В сентябре 1610 г. Андронов в письме литовскому канцлеру Льву Сапеге, извещая о событиях в Москве, советовал принять меры к обеспечению власти поляков в столице и просил себе поместье ²¹. С 7 ноября 1610 г. Андронов, наряду с окольничим В.П. Головиным, возглавил Казенный двор в Москве. На 25 февраля следующего года во главе Казенного двора стояли думный дворянин Андронов, дьяки М. Булгаков и М. Коробейников ²². Как повествуется в Новом летописце, гетман С. Жолкевский, «егда бысть на Москве, государевою казною всею нача владети и литовским людем давати, а король присла в казначеи московского изменника, торгового мужика гостиной сотни, Федыку Андронникова», который «ноипаче московским людем пакость делаше» ²³.

Возвышение и непомерные амбиции Андропова вызвали недовольство среди московской знати, сотрудничавшей с польско-литов-

скими интервентами. Уже в октябре-ноябре 1610 г. боярин Михаил Салтыков в письме литовскому канцлеру Льву Сапеге жаловался на торговца Андронова, вознесшегося к вершинам власти и упрекаемого в низком происхождении, некомпетентности («что такому знать правительство») и злоупотреблениях: «... Многие люди различными тесноты и разореньем оскорблены, по приговору торгового человека Фёдора Андронова... При Шуйском, за неправду, и за такие ж веремники за Измайловы, да за такого ж мужика, что за Фёдора, за Михалка Смывалова посямест льется кровь... Отец его в Погорелом Городище торговал лаптеми, а он взят к Москве из Погорелова, по велению Бориса Годунова, для ведовства и еретичества, а на Москве был торговой мужик... А казна, государь многая в недоборе стала, потому что за многих Фёдор Андронов вступается, и спускает, для посулов, с правезу; а ины, не своего Приказу насилством под суд к себе емлет, и сам Государевых денег в казну не платит. А на нем Государевых денег за сибирскую рухлядь, по цене, что он взял из казны, две тысячи четыреста восемь рублей»²⁴. Действительно, купец, вознесшийся на вершину социальной лестницы, распорядился финансами, нередко не согласовывая свои действия даже с боярами и прикладывая лишь свою личную печать. Например, 25 февраля 1611 г. «по приказу думнаго дворянина и казначея» Андронова были переданы на Казенный двор дьякам Меньшому Булгакову и Матвею Коробейникову серебряная столовая посуда и 23 руб. деньгами²⁵.

О недовольстве москвичей накануне восстания в марте 1611 г. действиями наиболее активных сторонников польского короля (особенно М.Г. Салтыкова, Андронова и дьяка И.Т. Грамотина) пишет немецкий автор Конрад Буссов²⁶. Составитель Пискаревского летописца обвинил Салтыкова и Андронова в организации поджога центра Москвы во время мартовского восстания²⁷. «Сами видите, кто той есть, — восклицал, порицая Андронова, автор «Новой повести о преславном российском царстве». — Неси человек, и неведомо кто! Ни от царских родов, ни от боярских чинов, ни от иных избранных, ратных голов; сказывают, — от смердовских рабов»²⁸. Князь С.И. Шаховской в «Летописной книге» выделяет в качестве главных изменников Салтыкова и Андронова²⁹. «Изменники и христианской веры разорители» Салтыков и Андронов дважды упоминаются в Утвержденной грамоте об избрании на царство Михаила Фёдоровича Романова³⁰. В Хронографе 1617 г. Андронов предстает в облике «всея земли Русьския начального крамолника»³¹.

Конечно, представителям родовитой феодальной аристократии, входившим в Боярскую думу и строго придерживавшимся местных порядков, не очень нравилось заседать вместе с «торговым мужиком», к тому же претендовавшим на самостоятельность во всех финансовых делах. Но приходилось с этим мириться, так как Андронов пользовался исключительным доверием и поддержкой польско-литовских интервентов, с которыми в 1610—1612 гг. активно сотрудничал, выдавая для уплаты весьма высокого жалованья иноземному воинству деньги и ценные вещи из казны³². Временщику приходилось считаться лишь с мнением польских военачальников. 10 сентября 1611 г. Андронов вместе с другими послами московского боярского правительства отправился на встречу с Сигизмундом III,

но с полпути по указанию гетмана К. Ходкевича возвратился в Москву³³. Как свидетельствует епископ Елассонский Арсений, 23 сентября 1612 г. «староста Струсь с воинами и некоторыми русскими начальниками: Феодором Андроновым, Иваном Безобразовым и Иваном Чичериным, после совещания, изгнали из Москвы всех немощных, старцев, жен, мальчиков и девочек, отняли у русских всякий провиант, вещи — серебро, золото, жемчуг, одежды золототканые и шелковые»³⁴.

При освобождении Москвы казаки из полков Д.М. Трубецкого и Д.М. Пожарского разграбили двор Фёдора Андронова. После капитуляции польско-литовского гарнизона Кремля Андронов сразу же был арестован. Первоначально его содержали на собственном дворе под надзором К. Минина, а затем перевели на двор князя Ф. Волконского. Находясь в заключении, Андронов пытался завязать переписку с дьяком М.И. Поздеевым и другими своими знакомыми, к которым обращался за денежной помощью, а затем, в ночь с 13 на 14 марта 1613 г., бежал, но через день был пойман под Москвой. В поручные записи русских людей с 1613 г. стали включать неперемное обязательство «с изменником Федыкою Андроновым грамотки и словесно не зсылатца»³⁵. В архиве Посольского приказа хранился «столпик, сыскное дело про Федыку Андронова, как он сидел на Москве у князя Фёдора Волконского за приставом во 121(1613)-м году, и как от князя Фёдора бегал, и как сыскан...». Там же имелись «роспись и сыск про государеву казну Федыки Андронова, что посылаю х королю в Литву и на Москве литовским людям давано..., как ево роспрашивали казначей Микифор Траханиотов да дьяки Миколай Новокшенов да Офонасей Овдокимов». Неизвестно, когда была составлена еще одна «роспись государеве казне, писана по скаске Федыки Андронова, что послано под Смоленск х королю и х королеве, и что паны имали себе на Москве»³⁶.

Чтобы разузнать о царской казне и сокровищах, Андронova подвергли допросам с пытками, в которых участвовали казначей Н. Траханиотов, дьяки А. Евдокимов и Н. Новокшенов, добывавшиеся от него полной информации о государевой казне³⁷. Следствие по этому делу продолжалось до 1622 г., через 8 лет после казни Андронova.

В документах, исходивших из правительства царя М.Ф. Романова, Андронova презрительно именовали Федыкой, отрицая за ним право на чин думного дворянина. Лишь епископ Елассонский Арсений в мемуарах, написанных в 1619 г., один раз указал Андронova с отчеством³⁸. Московский гонец Д. Оладьин, отправленный в марте 1613 г. в Польшу, получил инструкции, в которых среди русских изменников значился «гостиные сотни торговой детина Федыка Ондронов»³⁹. На переговорах с польской делегацией в 1615 г. русские дипломаты, ссылаясь на действия короля Сигизмунда III осенью 1610 г., напоминали: «прислали... в казначейи кожевника детину Фетку Ондронова, в думные дьяки овчинника Степана Соловецкого да замошника Баженка да суконника Кирилка, Васку Юрьева поповича и иных таких же простых худых людей». В ответ один из польских представителей, Ян Гридич, отстаивая притязания королевича Владислава на российский престол, укорял русских послов: «Часто вы говорите о Фёдоре Андронове, что человеку гостиной сотни неприго-

же было казенным урядником быть; но это случилось по утверждению ваших же больших людей, что и при прежних государях такие у таких дел бывали. Да и теперь у вас не лучше Андропова Кузьма Минин, мясник из Нижнего Новгорода, казначей и большой правитель, всеми вами владеет, и другие такие же многие по приказам у дел сидят»⁴⁰.

Действительно, Минин и Андронов происходили из одной торговой прослойки среднего достатка, только имя первого стало символом народного патриотизма, а второй снискал недобрую славу изменника. Если для Минина в самые тяжелые времена Смуты на первом месте оказалось общее благо, стремление спасти Россию от порабощения иноземцами, то для Андропова, отличавшегося авантюризмом и беспринципностью, — личная выгода. «Если бы судьба привела Ф. Андропова в ряды второго ополчения, — полагает Д.А. Ляпин, — можно только гадать об объемах той пользы, которую мог он принести для спасения страны»⁴¹. Но в сослагательном наклонении могут рассуждать лишь историки, описывающие события далекого прошлого.

Проводя политику социально-политического компромисса, правительство Михаила Фёдоровича даже не напоминало о сотрудничестве с иноземными интервентами членов Семибоярщины, но простолюдина, занявшего слишком высокое место в чиновной иерархии, следовало жестоко покарать. В 1614 г. государь повелел казнить И.М. Заруцкого, сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II, «да с ними Фетьку Андропова, которой на Москве воровал всех больши, а был купецково чину» (свидетельство Пискаревского летописца)⁴². Вместо одной (максимум двух ступенек) Андронов в 1609—1610 гг. перешагнул в российской иерархии чинов гораздо большую дистанцию. После окончания Смуты такие социально-иерархические скачки стали невозможными. Самое большее, на что отныне могли претендовать выходцы из купеческой среды — это чин думного дьяка.

Общественное поведение человека в средневековом мире детерминировалось переплетением ряда объективных и субъективных факторов: материальным положением, социальным статусом, экономическими интересами, религиозными и этническими традициями, половозрастными особенностями, культурно-бытовым уровнем, психофизическими свойствами личности. На протяжении многих поколений в обществе формировалось уважение к традиционному порядку, стабильности. Каждый индивидуум должен был осознавать свое место в системе социальной иерархии⁴³.

Этот устоявшийся порядок нарушался только в периоды крупных социально-политических потрясений. На динамику восходящей социальной мобильности в такие переломные эпохи оказывают влияние как объективные, так и субъективные факторы, о чем свидетельствуют судьбы современников-антиподов К. Минина и Ф. Андропова.

На стремительное возвышение Андропова повлиял ряд объективных обстоятельств и субъективных факторов. К объективным относятся: обстановка Смутного времени и гражданской войны в стране; ожесточенная борьба за власть; кризис российской государственности, сопровождавшийся падением авторитета и легитимности царс-

кой власти, самозванчеством, социально-политической нестабильностью; возникновение нескольких властных центров, для функционирования которых нужны были приказные люди; гражданская война; раскол русского общества на противоборствующие группировки, линия которого нередко проходила внутри социальных групп; нарушение каналов воздействия верхних слоев купечества на низшие слои торгово-ремесленного населения; вмешательство во внутренние дела России соседних государств (Речи Посполитой, Швеции), правители которых нуждались в местных управленческих кадрах. Сказались и субъективные черты характера самого Андропова, стремившегося в нужный момент оказаться на выгодном для себя месте: авантюризм, беспринципность, жажда наживы и власти, несомненные организаторские способности, деятельная натура. Эти личные качества помогли ему выделиться из торговой среды и занять высокое место в общественной иерархии, неподобающее по происхождению и прежнему социальному статусу. Его деятельность в Смутное время оказалась весьма далекой от нормативно одобряемого, социально-устойчивого образца поведения человека «купецкого чина».

Оказавшись в водовороте ключевых событий Смутного времени, выходец из торговой среды, занявший одну из высших должностей на государственном поприще, утратил инстинкт самосохранения, за что и поплатился жизнью. Правда, в иных условиях он вряд ли смог бы самореализоваться в такой степени и возвыситься над средой простолудинов, из которой происходил.

Примечания

1. Справочные сведения о нем см.: РЫБАЛКО Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время. М. 2011, с. 146, 177, 201, 204, 222, 224, 396; ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула. 2009, с. 586.
2. КУРГАНОВ А.Б. Люди Смутного времени. М. 2008, с. 167—184; ЛЯПИН Д.А. «Изменники» и «воры» Смутного времени. Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI—XVII вв. Н. Новгород. 2011, с. 131—134.
3. Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70—80-х гг. М.-Л. 1980, вып. I, с. 191; В нарративных источниках именная фамилия «Андронов» изредка употребляется в иной форме «Андронников». См.: Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIV. М. 2000, с. 103.
4. Опись архива Посольского приказа 1626 г. (ОАПП). М. 1977, ч. 1, с. 405—406.
5. ГОЛИКОВА Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М. 1998, с. 228—229, 237, табл. 16.
6. Ср.: ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М. 2003, с. 460.
7. Акты времени междоусобия (17 июля 1610 г. — 1613 г.). М. 1915, с. 78; В 1605 г. Поздеев был переведен в Разрядный приказ. См.: ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Приказная система ..., с. 619.
8. Акты времени междоусобия, с. 79.
9. Там же, с. 83.
10. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Боярская дума древней Руси. В кн.: КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. О государственности в России. М. 2003, с. 592, прим. 3.
11. Древняя российская вивлиофика. М. 1791, ч. XX, с. 365.

12. ГОЛИКОВА Н.Б. Ук. соч., с. 228.
13. ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Приказная система..., с. 671.
14. ТЮМЕНЦЕВ И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград. 1999, с. 305; Ср.: ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Приказная система..., с. 354.
15. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Дьяки и подьячие в XV—XVII вв. М. 1975, с. 222, 378, 479—480; ГОЛИКОВА Н.Б. Ук. соч., с. 84, 97—98, 102, 110, 232, 240, 243; ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Приказная система..., с. 529, 586, 589, 606, 613, 626, 634.
16. Сборник Русского исторического общества. Т. 141. М. 1913, с. 64—69.
17. Volumina legum. Т. 2. SPb. 1859, S. 187, 390; перевод см.: Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. 1. Минск. 1987, с. 228—229.
18. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб. 1871, с. 78—79.
19. ФЛОРЯ Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М. 2005, с. 274; ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Приказная система..., с. 476—477; публикацию документа см.: ТЮМЕНЦЕВ И.О. Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) — Археографический ежегодник за 1992 г. М. 1994, с. 314—321.
20. Акты исторические (АИ). М. 1841, т. 2, № 314, с. 372; В.Н. Козляков почему-то считает, что Андронов получил данное назначение. См.: КОЗЛЯКОВ В.Н. Смута в России. XVII век. М. 2007, с. 322.
21. АИ, т. 2, № 299, с. 355—357.
22. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4. СПб. 1851, № CDLXXIX, с. 372; БОГОЯВЛЕНСКИЙ С.К. Приказные судьи XVII века. М.—Л. 1946, с. 69.
23. ПСРЛ. Т. XIV. М. 2000, с. 103.
24. АИ, т. 2, № 306, с. 361.
25. ЗАБЕЛИН И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. III. М. 2003, с. 612.
26. Хроники Смутного времени. М. 1998, с. 149.
27. ПСРЛ. Т. XXXIV. М. 1978, с. 216.
28. См.: ДРОБЛЕНКОВА Н.Ф. «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая деятельность. М.—Л. 1960.
29. Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). Конец XVI — начало XVII веков. М. 1987, с. 408.
30. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова. М. 1906.
31. ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков, с. 354.
32. Русская историческая библиотека. СПб. 1875, т. 2, № 95, стб. 259, 261, 264.
33. Хроники Смутного времени, с. 194.
34. Там же, с. 197.
35. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), фонд Посольского приказа. 1613 г., ф. 141, д. 2, л. 3.
36. Описание Архива Посольского приказа (ОАПП) 1626 г. М. 1977, ч. 1, с. 264.
37. Там же; Хроники Смутного времени, с. 199—200.
38. Хроники Смутного времени, с. 193.
39. ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты, с. 89.
40. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. М. 1961, кн. V, с. 36, 49.
41. ЛЯПИН Д.А. Ук. соч., с. 133.
42. ПСРЛ, т. XXXIV, с. 219; О казни через повешение Андропова, состоявшейся в 1614 г. сообщается также в Новом летописце. См.: ПСРЛ. Т. XIV. М. 2000, с. 134; Д.А. Ляпин ошибочно относит это событие к 1613 г. См.: ЛЯПИН Д.А. Ук. соч., с. 133.
43. СВАНИДЗЕ А.А. Живые общности, общество и человек в средневековом мире Европы. В кн.: Социальная идентичность средневекового человека. М. 2007, с. 294—301.

Ахмад Бустаман и Народная партия Малайи

В.А. Погадаев

Ахмад Бустаман (1920—1983) появился на политической арене Малайи в конце 1930-х гг. как один из лидеров малайской националистической организации «Союз молодых малайцев» (СММ)¹, объединившей радикально настроенную интеллигенцию (преимущественно учителей), выступавших с критикой малайской аристократии и буржуазии за их сотрудничество с англичанами и уже в тот период ставивших вопрос о предоставлении Малайе независимости².

Бустаман, как отмечают многие исследователи, находился под влиянием революционных идей индонезийских эмигрантов, бежавших в Малайю после разгрома антиголландского восстания 1926—1927 гг., а затем — лидера Национальной партии Индонезии Сукарно³. В 1938 г. он вместе с другими руководителями СММ был арестован и брошен в тюрьму, где находился до прихода в страну в 1942 г. японцев. Бустаман, как и многие азиатские революционеры того периода, связывал с ними надежды на достижение независимости страны. Поэтому он пошел на сотрудничество с японской администрацией и даже окончил специальные курсы пропагандистов.

В сентябре 1944 г., когда японцы заявили, что намерены предоставить Индонезии независимость, он в числе других бывших лидеров СММ потребовал независимости Малайе как части Индонезии. Концепция Великой Малайи (создание Федерации малайских народов) была чрезвычайно популярна среди радикальной части малайцев, и в начале 1945 г. они при поддержке со стороны японской военной администрации создали организацию КРИС⁴, которая связывала будущее Малайи с Индонезией. Характерно, что на учредительном собрании этой организации присутствовали индонезийские лидеры Сукарно и Хатта⁵.

После капитуляции Японии и возвращения англичан в Малайю КРИС распалась, но ее дело было продолжено созданной в конце

Погадаев Виктор Александрович — кандидат исторических наук. Куала-Лумпур. Университет Малайя.

1945 г. Малайской национальной партией (МНП). В числе ее основателей фигурировало и имя Бустамана. На съезде партии в Ипо в ноябре 1945 г. была принята резолюция, объявившая Малаю частью Индонезии, и провозгласившая национальным флагом Малайи красно-белый индонезийский стяг.

В феврале 1946 г. в Ипо — столице своего родного штата — Бустаман сформировал молодежную организацию МНП — Поколение пробуждающейся молодежи (АПИ) ⁶. Вдохновленный августовской революцией индонезийского народа (1945 г.) Бустаман выступал за насильственные методы завоевания независимости и провозгласил лозунг АПИ — свобода путем кровопролитной борьбы ⁷. АПИ под руководством Бустамана проводила большую работу по военной подготовке молодежи, поддерживая тесные связи с молодежными организациями на Яве и Суматре ⁸. АПИ была также одной из организаций Всемалайского совета объединенных действий (объединенного фронта), деятельность которого направлялась Компартией Малайи (КПИ) ⁹.

В 1948 г. после запрещения КПМ и введения в стране чрезвычайного положения Бустаман как один из активных борцов за независимость был снова брошен в тюрьму и освобожден лишь в июне 1955 г. после прихода к власти Союзной партии ¹⁰.

Годы заключения не сломили волю борца, и уже через пять месяцев после освобождения он заявил, что создает новое политическое объединение — Народную партию Малайи (НПМ) и что бывшие члены АПИ уже поддержали его ¹¹. 11 ноября такая партия была создана. На учредительном съезде НПМ присутствовало 35 человек — все малайцы. Однако партия была открыта для всех. «Борьба НПМ, — заявил ее генеральный секретарь Вахаб бин Маджид, — основывается на страданиях всех народов Малайи» ¹².

Основной целью НПМ стала борьба против всех форм колониализма и за немедленное предоставление стране независимости, которая под влиянием воззрений Бустамана рассматривалась лидерами НПМ как шаг на пути создания более широкого объединения, включающего Малаю, Сингапур, Саравак, Северное Борнео (Сабах), Бруней. Большое значение придавалось связям с Индонезией. Как отмечает австралийский историк Вэсил, «лидеры НПМ и не представляли, как Малайя сможет существовать и отстаивать свою независимость без поддержки Индонезии» ¹³.

Идеологией партии в соответствии с Уставом был провозглашен мархаэнизм — «сложная эклектическая доктрина, проникнутая духом своеобразного азиатского народничества» ¹⁴. Мархаэнизм НПМ мало чем отличался от мархаэнизма Сукарно 1930-х гг. в Индонезии. Характерным для него была идея о нерасчлененности народной массы на классы. Под мархаэнами, в частности, понимались все те, кто «беден вне зависимости от того, продает он рабочую силу или нет, имеет средства производства или нет», то есть рабочие, крестьяне, батраки, рыбаки, студенты, а также мелкая буржуазия и мелкие служащие. Само учение мархаэнизма включало в себя два понятия — социо-национализм и социо-демократию. Первый трактовался как национализм нового типа, отличный от буржуазного. В своем внутреннем аспекте он был обращен против английского господства в

стране, в международном — означал солидарность поработанных и зависимых народов Азии и всего мира против колониализма и империализма, в «поддержку усилий, направленных на достижение независимости повсюду, ибо с достижением независимости можно будет покончить с капитализмом»¹⁵. Бустаман призывал создать объединенный политический фронт для достижения независимости.

Основная внутренняя задача социо-национализма — ликвидация колониальной зависимости Малайи. Бустаман, подчеркивая, что независимость не является самоцелью, вслед за Сукарно называл ее «золотым мостом» в лучшее общество. После достижения независимости социо-национализм должен сохранить лишь свою внешнюю функцию, а внутри страны уступить свое место социо-демократии, основной целью которой является построение нового, «справедливого и процветающего общества», в котором богатства страны используются в интересах народа. Задачи, поставленные перед социо-демократией, по замыслу лидера НПМ, обуславливали ее качественное отличие от буржуазной демократии. Последняя, говорил он, обеспечивает простому народу лишь политическое равенство, а социо-демократия должна дать народу равенство и в области экономики, в распределении материальных и духовных благ и в общественной жизни.

Большую роль Бустаман отводил государству. Предполагалось, что все важнейшие секторы народного хозяйства, «от развития которых зависит благосостояние масс» (особенно горнодобывающая промышленность и производство каучука), станут собственностью государства, и что оно же будет осуществлять контроль над распределением жизненно необходимых продуктов¹⁶. В программе социо-демократии НПМ нашли отражение и интересы рабочего класса. Первый пункт программы призывал «защищать, поддерживать и вести рабочих на борьбу с капиталистами». Однако в целом она составлялась в расчете на привлечение крестьянства. Идеи кооперирования и взаимопомощи (готонг-ройонг), провозглашенные основой народного хозяйства нового общества, по замыслу руководителей НПМ, должны были привлечь крестьянское население. Сам Бустаман называл партию «аграрно-социалистической».

Проповедовался также отказ от «расизма, эгоизма, милитаризма, авантюризма, оппортунизма и догматизма». В мархаэнизме НПМ, как и в теории Сукарно, можно обнаружить и отдельные элементы «исламского социализма». Бустаман, выступая в конце 1961 г. на съезде партии, заявил, что «мархаэнизм без панчасила»¹⁷ не мархаэнизм, а первый принцип панчасила — вера в бога.

Как и другим радикальным партиям того периода, НПМ не удалось избежать нападков со стороны правящей коалиции. Поводом для обвинения послужили не те крохи марксистских идей, которые содержались в мархаэнизме (ОМНО тоже при случае пыталась представить свои идеи социалистическими), а призыв НПМ к международному посредничеству в переговорах с КПМ. Власти сочли, что этот призыв уж очень напоминает аналогичное предложение, сделанное ранее КПМ на VIII съезде КПК в Пекине¹⁸. Несомненно, блок правящих партий, еще не зная, какой отклик найдут идеи НПМ в народе, но опасаясь популярности ее лидера Бустамана, который в глазах многих малайцев был героем, мучеником, отдавшим много сил и

энергии делу борьбы за независимость, стремились помешать становлению НПМ и представить ее в глазах народа как антинациональную организацию.

Выступление НПМ в защиту КПМ было вызвано, однако, не ее «прокоммунистическим» характером, как пытаются представить национальная малайзийская историография и некоторые западные ученые¹⁹. НПМ рассматривала борьбу КПМ через призму своей основной задачи — немедленная и полная независимость — и не могла не признавать несомненного вклада КПМ в ее решение. Позднее Бустаман заявлял, что готов сотрудничать с коммунистами для осуществления долгосрочного плана НПМ — создания федерации малайских народов, то есть для реализации националистической идеи Великой Малайи. «Я буду использовать коммунистов, — утверждал он, — но и не останусь в долгу перед ними. Если моя партия придет к власти, она признает КПМ»²⁰.

Провозглашение независимости страны в 1957 г. было встречено лидерами НПМ настороженно. Чего стоит независимость, милостиво полученная из рук колонизаторов, — рассуждали они. Чрезвычайное положение остается, присутствие англичан в силу заключенного в сентябре 1957 г. англо-малайского договора об обороне сохраняется, власть по-прежнему в руках у феодально-буржуазной верхушки. «Независимость, если это даже и золотой мост, — невесело шутил Бустаман, перефразируя Сукарно, — не всегда ведет в рай. Может и в ад»²¹.

Такое отношение объяснялось, возможно, тем, что Бустаман и другие лидеры НПМ (напомним, что они выдвинули лозунг независимости еще до второй мировой войны, когда даже КПМ ограничивалась требованием самоуправления) считали себя в какой-то степени обойденными. Вопрос о предоставлении независимости был решен на переговорах ОМНО с англичанами без них. Не случайно поэтому, что НПМ, подготовив свои соображения относительно будущей конституции и широко обнародовав их, бойкотировала деятельность конституционной комиссии Рейда²². Она аргументировала это тем, что комиссия состояла из иностранцев и имела ограниченные полномочия, намекая, таким образом, что вопрос о будущем устройстве должны решать сами жители Малайи и на более широкой основе.

В августе 1957 г. Бустаман выступил с предложением координировать деятельность НПМ с Рабочей партией Малайи (РПМ). Он надеялся, что союз НПМ с более опытной и в то же время влиятельной РПМ, учитывая близость их идеологических платформ, будет способствовать укреплению позиций НПМ. Идея эта нашла поддержку в руководстве партии, хотя это, естественно, предполагало готовность НПМ на определенные «жертвы» — ей, в частности, пришлось несколько видоизменить отдельные аспекты своей политики и занять более гибкую позицию по тем вопросам, по которым взгляды партии расходились. В конце 1958 г. накануне всеобщих выборов политика НПМ сводилась к следующему. Во внутривнутриполитической области она ратовала за отмену чрезвычайного положения, затруднявшего деятельность оппозиции в стране, и всех законов, способствовавших сохранению колониальных пережитков, подчеркивая при этом, что независимость должна быть полной и служить интересам народа. НПМ требовала также воссоединения Сингапура с Федера-

цией (рассматривая это в качестве первой ступени на пути создания Великой Малайи), выступала за использование всеми учреждениями малайского языка «как можно быстрее» и «безболезненно». Чтобы не вызвать недовольства РПМ, вопрос о других языках намеренно опус-кался.

Во внешнеполитической области партия, исходя из основных положений социо-национализма, придерживалась курса на поддержание тесных связей с афро-азиатскими странами, выступала за проведение динамичной внешней политики, «направленной на поддержание всеобщего мира и защиту свободы», за ликвидацию всех пактов и договоров, служащих интересам колонизаторов.

Больше всего изменения коснулись экономической программы. НПМ, чтобы привлечь на свою сторону среднюю буржуазию, она ограничивалась требованием национализации каучуковых плантаций, оловянных рудников и средств транспорта, принадлежавших только иностранным компаниям, выступила за прекращение деятельности всех иностранных страховых агентств, государственный контроль за распределением основных продуктов. Позднее, в 1962 г., Бустаман внес уточнение в программу национализации, заявив, что она не затрагивает китайцев — собственников средств производства, которые имеют право гражданства или ожидают его получения в ближайшем будущем²³.

Крестьянам НПМ обещала осуществить кооперацию в «широких масштабах» и обеспечить рынок сбыта для их продукции.

Поскольку вопросы народного образования могли послужить причиной раздора между РПМ и НПМ (РПМ выступала за сохранение обучения на китайском и тамильском языках, а НПМ ратовала за единую систему народного образования с преподаванием на национальном, то есть малайском языке), партия ограничивалась лишь требованием введения бесплатного обязательного начального и среднего образования и призывом к государству оказывать помощь студентам из числа рабочих и крестьян-бедняков.

Выборы 1959 г. были первыми для НПМ. Они должны были как бы подвести итог 4-летней деятельности партии и показать ее истинное влияние в массах. НПМ была так уверена в успехе, что выдвинула больше кандидатов, чем более опытная и организованная Рабочая партия. Результаты выборов были, однако, для НПМ весьма скромными: 2 места в парламенте (Бустаман и Карам Сингх) и 2 места в Законодательных собраниях штатов (Йонг и Назар Нонг)²⁴. Обращает на себя внимание тот факт, что победили представители НПМ в округах, где малайское население составляло меньшинство. Бустаман баллотировался от округа Сетапак, где избиратели-малайцы составляли 33,2% числа всех избирателей, а Карам Сингх — от округа Дамансара, где малайцев было еще меньше, — 13,9%. Напрашивается вывод, что эта в основном малайская партия не пользовалась влиянием среди малайцев и провела своих кандидатов в законодательные органы лишь благодаря союзу с РПМ.

На результатах выборов несомненно сказалась слабость идеологической платформы НПМ. Мархаэнизм как антиколониальная идеология может играть положительную роль (пример тому Индонезия)²⁵, но он, говоря словами советского исследователя В. Цыганова, весьма

беспомощен и слаб, когда выступает в качестве «социалистической» идеологии, в качестве идеологии социального освобождения²⁶. За партией шла лишь небольшая группа проживавших в Малайе выходцев с индонезийских островов и часть малайской интеллигенции, которую привлекло стремление НПМ строить новое общество по индонезийскому образцу.

После выборов вышли наружу противоречия между НПМ и РПМ по вопросу о народном образовании. НПМ считала, что единая малайская нация может быть создана лишь через развитие малайского языка. Выступая на VI съезде в конце 1960 г., Бустаман заявил, что «первым шагом на пути создания единой малайской нации должно явиться развитие и использование малайского языка всеми гражданами страны»²⁷. Эти противоречия отражали более глубокие расхождения во взглядах партий на методы «национального строительства» в Малайе (либо интеграция всех национальных общин, либо ассимиляция с малайской) и свидетельствовали, что лидерам той и другой партии, несмотря на взаимные компромиссы, не удалось преодолеть коммуналистского подхода к проблемам страны. Эти расхождения во взглядах оказались непреодолимыми и в конечном счете в совокупности с другими причинами привели к распаду союза НПМ и РПМ.

Деятельность НПМ в начале 1960-х гг. проходила в значительной степени под влиянием событий в Индонезии. Отсутствие массовой базы внутри страны партия пыталась компенсировать поддержкой извне. В Индонезии с 1956 г. находился постоянный представитель НПМ Ибрагим бин Ягуб. Вслед за Сукарно в сентябре 1960 г. партия провозгласила лозунг Великой Малайи. Сообщалось, что НПМ активно набирала добровольцев для освобождения Западного Ириана²⁸.

НПМ в этот период широко развернула критику политики правительства. Бустаман на VI съезде заявлял, что внешняя политика правительства противоречит чаяниям широких народных масс. Он решительно потребовал расторжения договора об обороне с Англией, вывода всех иностранных войск с территории страны, прекращения использования военных подразделений малайской армии в Конго для поддержки Мобуту и Чомбе, признания временного правительства Алжирской Республики. Руководитель НПМ выразил также протест против принятого 31 июля 1960 г. «Закона о внутренней безопасности», позволявшего властям задерживать и содержать в заточении до двух лет без суда и следствия любого гражданина страны, действия которого угрожают безопасности страны²⁹.

Влияние Индонезии сказывалось и на позиции НПМ по вопросу создания Малайзии. Первоначально НПМ поддержала идею как «первый шаг на пути создания Великой Малайи»³⁰, но затем вслед за Индонезией выступила против. Такая позиция НПМ не нашла поддержки у населения, а только навлекла репрессии правительства. 13 февраля 1963 г. председатель НПМ Бустаман был арестован властями. Ему было предъявлено обвинение в том, что он «закладывал основы для “пятой колонны” в пользу Индонезии»³¹.

Следуя в фарватере курса Сукарно на конфронтацию с Малайзией, НПМ так дискредитировала себя в глазах избирателей, что на выборах 1964 г. не смогла получить ни одного места в законодательных органах, хотя выдвинула 27 кандидатов в парламент и 73 — в

Законодательные собрания штатов ³². На результатах выборов сказались и отсутствие Бустамена, с именем которого у избирателей ассоциировалась деятельность партии.

В конце 1965 г. НПМ в отсутствие своего лидера приняла решение отказаться от координации деятельности с РПМ, чтобы не связывать себя с ее открыто левацкой и экстремистской позицией. К этому времени в рядах НПМ было не более 12—15 тыс. человек ³³.

После ареста Бустамена и других деятелей старшего поколения в партии появилось новое течение, проявившее себя, прежде всего, критическим отношением ко многим идеологическим и организационным принципам НПМ. Представители этого течения во главе с лектором Университета Малайя Кассим Ахмадом ³⁴, обеспокоенные неудачей партии на выборах 1964 г., выступили за разработку новой линии, которая должна была «соответствовать положению в стране и насущным требованиям народа» ³⁵. Эта новая линия предполагала отход от мархаэнизма, который, как считали Кассим Ахмад и его сподвижники, с падением режима Сукарно в Индонезии полностью дискредитировал себя в качестве социалистической теории.

В октябре 1967 г. после четырехлетнего заключения в лагере Бату Гаджах председатель НПМ Бустамен был освобожден. Предписанием полиции ему запрещалось «выступать публично, принимать участие в работе профсоюзов и политических партий» ³⁶. В апреле 1968 г. на XIII съезде НПМ, который, как писала позднее «Брита социалист», явился важным шагом в борьбе народа за независимость, демократию и социализм, Бустамен уступил место председателю Кассиму Ахмаду. Этому, видимо, предшествовала борьба двух лидеров, но источники на сей счет однозначного ответа не дают ³⁷.

Известно, однако, что Бустамен, вернувшись в партию, попытался возродить, хотя и на новой основе, идеи мархаэнизма, трактуя их как «марксизм в местных условиях». Как известно, таким же образом трактовал свою идеологию — мархаэнизм — в середине 1960-х гг. индонезийский президент Сукарно.

В самом мархаэнизме Бустамен выделял три понятия (мантры) — социализм, национализм, демократия (СОНАДЕМ). Ближайшей целью, заявлял Бустамен, является социализм, потом достигается национализм и последней — демократия. Какой смысл жертвовать собой ради страны (нации), если жизнь несчастна и наслаждаются ею немногие, — говорил он, объясняя, почему социализм в его концепции стоит на первом месте. — И демократические выборы мало чего стоят в стране, где голоса избирателей покупаются. Истинный социализм и истинная демократия возможны лишь после достижения социального и имущественного равенства, построения социалистического общества.

Идеи Бустамена не нашли широкой поддержки в партии и он, видимо, прибег к излюбленному своему средству — подал в отставку, надеясь вызвать в партии кризис. Он, однако, не учел того обстоятельства, что реальная власть в партии уже давно была в руках новых лидеров. Отставка была принята, и никакого кризиса не последовало.

Бустамен вместе с группой своих последователей вышел из НПМ и в июле 1968 г. объявил о создании Мархаэнистской партии Малайзии (МПМ), которая оставила слабый след в политической истории

страны. Ее первые отделения стали создаваться лишь в 1971 г. после возвращения Бустамана из Англии, где он в течение двух с половиной лет «продолжал свое образование». Партия формировалась на принципе личной преданности Бустаману и потому не могла быть полнокровной. В 1974 г. было принято решение объединиться с Партией социальной справедливости. К этому времени в рядах МПМ насчитывалось не более 400 человек.

Сам же Бустаман после 1978 г. отошел от политической деятельности и занимался писательством и журналистикой.

Власти замалчивали бурное прошлое Бустамана и его вклад в национально-освободительное движение страны, пытаясь ограничить появление малайского национализма влиянием ОМНО. И только в последнее время стали появляться труды, призванные восстановить историческую справедливость и отдать должное неутомимому националисту — борцу за лучшее будущее.

Примечания

1. Подробнее о деятельности СММ см.: RUSTAM A. SANI. Asal-Usul Sosial Golongan Kiri Melayu. Satu Analisis Berkenaan Kesatuan Melayu Muda. Kuala Lumpur. 2011.
2. AGASTJA I.K. Sedjarah dan Perdjuangan di Malaya. Djokjakarta. 1948, h. 72.
3. Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. М. 1972, с. 101; GOULD J. The United States and Malaysia. Harvard. 1969, p. 103.
4. Крис — национальный малайский кинжал.
5. THOMPSON V., ADLOFF R. The Left Wing in Southern Asia. N.Y. 1970, p. 145.
6. «Апи» — по-малайски означает «пламя».
7. VASIL R.K. Politics in a Plural Society: A Study of Non-communal Political Parties in West Malaysia. Oxford. 1971, p. 168.
8. THOMPSON V., ADLOFF R. Op. cit., p. 145.
9. The People's Constitution for Malaya drafted by the Pusat Tenaga Rakyat (PUTERA) and all-Malaya Council of Joint Action. Kuala Lumpur, Nov. 1947.
10. Союзная партия состояла из трех партий — Объединенной малайской национальной организации (ОМНО), Китайской ассоциация Малайзии (КАМ) и Индийского конгресса Малайзии (ИКМ). В 1970 г. на базе Союзной партии был создан Национальный фронт, который в настоящее время объединяет 13 партий при ведущей роли ОМНО.
11. The Straits Times. 10.X.1955.
12. The Malay Mail. 11.XI.1955.
13. VASIL R.K. Op. cit., p. 171.
14. ЦЫГАНОВ В.А. Национально-революционные партии Индонезии (1927—1942). М. 1969, с. 37.
15. Anggaran Dasar Parti Ra'ayat (mimeo).
16. Ibidem.
17. Панчасила (*санскр.* — пять принципов) — национальная идеология Индонезии. Разработана первым президентом Сукарно, вошла в Преамбулу Конституции 1945 года. Состоит из пяти принципов: вера в единого Бога-вседержателя; справедливый и цивилизованный гуманизм; единство Индонезии; демократия на основе консультаций и представительства; социальная справедливость.
18. The Straits Budget. 8.XI.1956.
19. Можно согласиться, конечно, с мнением английского историка Минза, когда он говорит, что Бустаман «был подвержен влиянию марксистской теории классовой борьбы и ленинской интерпретации колониализма» (MEANS G. Malaysian Politics. L. 1976, p. 240). Следует, однако, учитывать, что мелкобуржуазная среда, с кото-

рой был тесно связан Бустаман и другие лидеры НПМ, способствовала тому, что многие марксистские идеи воспринимались ими по-народнически. Из марксизма бралось и перерабатывалось соответствующим образом лишь то, что было созвучно взглядам этих лидеров.

20. The Straits Times. 13.III.1963.
21. Banteng. Oct-Nov, 1965.
22. The Straits Budget. 19.VII.1956.
23. The Straits Times, 3.X.1962.
24. Malayan Monitor, vol. 12, n°. 8, 1959, p. 1.
25. В Малайзии мархаэнизм не смог сыграть своей роли и как антиколониальная идеология. Попытка перенести его на малайзийскую почву была предпринята лишь в 1955 г. с появлением НПМ, когда вопрос о предоставлении стране независимости был практически решен.
26. ЦЫГАНОВ В.А. Ук. соч., с. 37.
27. Malayan Monitor, n°. 2, 1960, p. 9.
28. JUSTUS M.VAN DER KROEF. Communism in Malaysia and Singapore. Kuala Lumpur. 1967, p. 91.
29. Malayan Monitor, vol.13, n°. 2, 1960, p. 9.
30. Amanat Ketua Umum, 8th Parti Ra'ayat Congress (mimeo).
31. JUSTUS M. VAN DER KROEF. Op. cit., p. 92.
32. Pilehan Raya Parlimen dan Negeri, 1964. Kuala Lumpur. 1964, p. 1—5.
33. VASIL R.K. Op. cit., p. 182.
34. Кассим Ахмад (р. 1933) — малайзийский политический деятель, поэт, переводчик. Родился в семье учителя религии. В 1959 г. окончил Университет Малайя (в Сингапуре), работал в Совете по языку и литературе (1959—1962), в Школе восточных и азиатских исследований Лондонского университета (1963—1966), затем в средней школе им. Абдуллаха Мунши в Пинанге, одновременно занимался переводами и писал статьи для газет и журналов. В 1969 г. уволен из школы «за пропаганду социалистических идей». Политическую деятельность начал еще будучи студентом, принимая участие в деятельности университетского социалистического клуба. В 1960—1984 — член Народной партии Малайи (в 1968 г. переименована в Народно-социалистическую партию Малайи), с 1968 г. — ее председатель. В 1976 г. был арестован на основании Закона о внутренней безопасности, провел в заточении 5 лет. Выход из НПМ мотивировал разочарованием в марксизме, который, по его словам, «ограничивает личную свободу». В 1986 г. вступил в ОМНО, но в 1992 г. вышел из нее и вообще оставил политику. Эволюционировал от приверженца социалистических идей к идеям правоверности мусульманства. Свой жизненный путь описал в книге «В поисках обратного пути от социализма к исламу» (2008). Его книги с трактовкой хадисов: «Переосмысление хадисов» и «Хадисы: Ответ критикам» запрещены в стране.
35. Sosialisma. Suara dan Bichara Partai Rakyat Malaya, h. 8.
36. The Straits Times. 1.II.1967.
37. Официальный орган партии «Мимбар сосиалис», который начал издаваться с ноября 1971 г., утверждает, что Бустаман сам отвел свою кандидатуру. Mimbar sosialis. Jil. 1, bil. 1, Nov. 1971, h. 5. Пахангское отделение в своем информационном листке «Berita sosialis» дает понять, что его вынудили уйти. Berita sosialis, n°. 4, 1971.

Женский труд в лесной промышленности Среднего Поволжья в 1930-е гг.

Е.В. Воейков

В последние десятилетия в исторической науке все большую популярность приобретает так называемая гендерная история¹. В данной работе рассматривается участие женщин в развернувшихся массовых лесозаготовках региона Средней Волги в годы довоенной индустриализации. В условиях массового промышленного строительства в СССР численность женщин-работниц росла невиданными ранее темпами. 1930-е гг. стали временем, когда одновременно с доминированием в традиционной женской сфере жизнедеятельности социума (дом, хозяйство) женщины активно осваивали мужские профессии в строительстве, горнодобывающей, металлургической, торфяной промышленности, в машиностроении и на транспорте.

В состав Среднего Поволжья включены территории современных Пензенской, Самарской, Ульяновской областей, а также республик Мордовия и Татарстан². Исследованием истории промышленности Поволжья в годы довоенных пятилеток в настоящее время занимается ряд региональных историков³. Развитие лесного хозяйства Мордовской АССР исследовали В.С. Тонких и Е.И. Денискин⁴. Наиболее подробным и практически единственным комплексным исследованием роли женщин в промышленности СССР периода индустриализации на сегодняшний день остается монография американского историка В. Голдман⁵. Вместе с тем, развитие лесной индустрии Поволжья в 1920—1930-е гг. наряду с региональной «женской историей» промышленности продолжает оставаться малоизученной и незаслуженно обойденной вниманием историков темой.

Лесная промышленность Советского Союза в ходе развернувшейся индустриализации имела гораздо большее значение, чем в современной экономике России. Во-первых, в 1930-е гг. в СССР возник дефицит топлива, что было связано как с медленным ростом добычи угля и нефти, так и значительной удаленностью Донбасса и Баку от многих промышленных районов страны. В сочетании с неразвитой транспортной сетью и перегруженностью железных дорог данное обстоятельство привело к хроническим перебоям в поставках минерального топлива на промышленные предприятия, что вызвало по всей стране рост заготовок местных топливных ресурсов, среди которых наиболее

Воейков Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве РФ.

распространенными стали дрова. Так, в Поволжье в 1937 г. на долю дров приходилось: в Татарской АССР — 37,4% топливного баланса, в Куйбышевской области — 31,3%⁶. Во-вторых, кроме топлива развернувшиеся в невиданных ранее масштабах в Среднем Поволжье лесозаготовки обеспечивали новостройки первых пятилеток строительным лесом, как в регионе, так и за его пределами. Кроме того, лесные тресты являлись поставщиками сырья для оборонной промышленности; в перечне заготавливаемых продуктов встречались «авиадревесина» и «ружейная болванка». Известно, что в предвоенные годы в Советском Союзе при производстве самолетов с целью замены дефицитного алюминия активно использовались материалы из древесины⁷. Например, в числе так называемых «спецсортиментов» в годовом отчете Пензенского леспромхоза 1936 г. упоминается «авиалипа»⁸.

Наиболее крупным лесозаготовителем Среднего Поволжья являлся трест «Средлес». Он осуществлял свою деятельность на территории Средневолжского края, разделившегося позднее на Куйбышевскую, Пензенскую области и Мордовскую АССР, и был преобразован в 1939 г. в «Волгостройлес». В середине 1930-х гг. количество рабочих в данной организации превышало 20 тыс. человек. Также на этой территории в 1930-е — начале 1940-х гг. осуществляли производственную деятельность тресты: «Москвотоп», «Куйбышевлес», «Татлес» с численностью рабочих порядка пяти — семи тыс. человек. Заготовки дров также вели местные управления лесоохраны и лесонасаждений, управления местной топливной промышленности.

На лесозаготовках в Поволжье большую часть кадров составляли сезонные рабочие, пришедшие на заработки из ближайших колхозов или завербованные в соседних районах. Так, в 1935 г. среднегодовое количество рабочих треста «Средлес» составило 23 168 чел.; из них постоянных рабочих — 5286 (22,8%) и сезонных — 17 882 (77,2%). В объяснительной записке к годовому отчету за 1935 г. указывалось: «Лесозаготовки треста обслуживаются главным образом местной сезонной рабочей силой в порядке договоров с колхозами... и только сравнительно небольшая часть рабочих, главным образом квалифицированных, вербуются на стороне, как в крае, так и за пределами его»⁹. Еще меньший процент постоянных кадров наблюдался в лесных трестах автономных республик Поволжья. В «Татлесе» в 1938 г. постоянные кадры составляли 16% общей численности рабочих¹⁰.

Как правило, лесозаготовительные организации не могли создать приемлемые условия труда и быта. Уходили рабочие с лесозаготовок из-за плохих жилищных условий, задержек зарплаты, перебоев в заводе продовольствия и промтоваров, недостатков в организации общественного питания. Для преодоления дефицита рабочих рук на лесозаготовках Поволжья в 1930-е гг. стал повсеместно применяться труд женщин¹¹. Политика массового вовлечения женщин в производство была характерной чертой довоенной индустриализации в СССР. С 1932 по 1936 г. доля женщин среди промышленных рабочих возросла с 33 до 40%. В 1936 г. в текстильной промышленности было сосредоточено уже 30% всей женской рабочей силы, 20% — в машиностроении и 12% — в горнодобывающей промышленности¹².

Периодическая печать СССР активно пропагандировала достижения женщин, работавших в лесной промышленности. Колхозница Горьковского края в интервью, данном корреспонденту газеты «Лесная промышленность», заявила: «Есть такие разговоры, что женщина не может работать в лесу. Не верю этому. Я работаю наравне с мужем. Сначала мой муж упирался и не шел в лес. Я первая пошла и сказала ему пойти»¹³. В другом номере та же газета разместила подборку материалов о девушках, работавших в леспромхозах Северного края, Удмуртской АССР, Кировского края: «Анюта Маркова при норме в 5—6 кубометров дает ежедневно до 15 кубометров... Лучшая

стахановка Кезского леспромхоза — лесорубка Ирина Архипова. Лучковой пилой она ежедневно перевыполняет нормы в два раза... Паня Сухарева — боевая молодая колхозница — работает на лесозаготовках. В середине января она организовала бригаду из 4 девушек. Бригада начала перевыполнять нормы. Уже на пятый день она выполнила задание на 411 процентов»¹⁴.

Одной из первых в Поволжье женская бригада из 14 колхозниц начала работать в Сызранском ЛПХ треста «Средлес» в 1931 году. Она была организована по инициативе краевого отделения профсоюза рабочих лесной и деревообрабатывающей промышленности и председателя колхоза «Пролетарий». Краевая газета подчеркивала: «Настроение колхозниц бодрое, лесорубочным инструментом они снабжены полностью. Организован особый премиальный фонд женской бригады, куда выделено три дамских полупальто, пять дамских кофточек, пять пар ботинок, четыре метра сукна, семь пар перчаток и пять шерстяных фуфаек... Это первый опыт применения женского бригадного метода работ не только в Сызранском леспромхозе, но и во всем крае»¹⁵. В конце 1931 г. были организованы еще четыре женские бригады в количестве 41 человека. В феврале 1932 г. в краевой газете профсоюза рабочих лесной промышленности Средневолжского края было опубликовано обращение 55 ударниц Сызранского леспромхоза, которые вызывали на соревнование все работающие на лесозаготовках женские бригады края¹⁶.

Очередная кампания внедрения женского труда в производство началась в третьей пятилетке. В годовых отчетах лесных трестов появилась форма «внедрение женского труда». В качестве примера можно рассмотреть трест «Куйбышевлес». В годовом отчете за 1939 г. подчеркивалось: «Внедрение женского труда на производстве крайне неудовлетворительно, а именно: в I квартале работало 5 женщин или 0,2% к наличию рабочих постоянного кадра, в IV квартале — 14 женщин или 0,8%. Женщин служащих на конец года 68 человек или 2,9% от общего количества рабочих и служащих»¹⁷. В следующем 1940 г. ситуация кардинально изменилась: вместо 82 женщин-работниц в тресте числилось уже 296. В том числе женщин-лесорубов насчитывалось 29 человек, женщин-возчиков — 25, шоферов и трактористов — восемь, подсобных рабочих — 62, служащих — 40, «работниц по обслуживанию быта» — 42 человека¹⁸. Аналогичные показатели имели место в тресте «Волгостройлес»: на 1 января 1939 г. женщин числилось 65 чел. (1%), на 1 января 1940 г. — 653 (9%). При этом количество постоянных кадров женщин-работниц выросло с 34 до 322¹⁹. Данная тенденция увеличения количества женщин в производстве может быть проиллюстрирована на примере отдельной структурной единицы данного треста. В Инзенском леспромхозе в начале 1939 г. женщины-работницы отсутствовали. На 1 января 1940 г. их было уже 92 чел., из них лесорубов — 11, возчиков — 2, работников автопарка — 18, рабочих на очистке лесосек — 34. Из числа 11 лесорубов 10 являлись сезонными рабочими, постоянными кадрами были работницы на должностях конюхов, уборщиц, конторских служащих²⁰.

Представляет интерес отношение самих работников лесной промышленности к работе женщин на лесозаготовках. Обычно руководство лесных трестов Поволжья активно пропагандировало идею внедрения женского труда в производство. Так руководитель треста «Татлес» Х.Г. Нафиков на совещании актива работников лесной промышленности 21—22 октября 1939 г. заявил: «Мы можем организовать бригады, и в эти бригады надо вовлечь женщин — жен лесорубов... Женский труд надо внедрить во все отрасли нашего хозяйства»²¹. Аналогичное соображение в том же году высказал руководитель треста «Куйбышевлес» на совещании работников лесной промышленности Куйбышевской области: «Есть колхозы, которые говорят: “рабочих у нас нет”, а женщины сидят и ничего не делают»²².

На совещании работников трестов «Волгостройлес» и «Куйбышевлес» 2 декабря 1939 г. возникла дискуссия о том, насколько оправдано применение

женского труда на физически тяжелых работах по рубке и возке леса. Представитель обкома поставил вопрос: «Может ли женщина работать в лесу?». На вопрос, обращенный к аудитории: «Вы скажите, женщина сталеваром может быть?» был получен ответ: «Может». Но уже другой вопрос: «Почему она не может быть возчиком?» встретил возражение присутствующих: «Потому что там она с механизмами связана, а тут она сама должна поднимать (тяжести. — *Е.В.*)»²³. Руководитель треста «Куйбышевлес» высказал следующее предложение: «Если тяжелые бревна, можно организовать свалочные и навалочные бригады, а с лошадью пусть женщины работают возчиками, это вполне посильная работа»²⁴. Выступавшая работница женской стахановской бригады на вопрос: «Может ли женщина работать в лесу?» ответила: «Вполне может, если желание есть»²⁵.

Следует признать, что политика активного привлечения женщин на лесозаготовки в определенной степени позволила обеспечить стабильное функционирование лесной индустрии в рассматриваемый период. Американский историк В.З. Голдман в своей монографии, посвященной женскому труду в промышленности, обратила внимание на то, что для женщин-работниц был характерен более низкий уровень текучести кадров по сравнению с мужчинами, и производительность труда женщин оказывалась «не ниже производительности мужчин»²⁶. Вывод исследователя подтверждается материалами по работе лесной промышленности Поволжья. На заготовке дров в Пензенском леспромхозе «Средлеса» О.Г. Аккуратнова в 1935 г. выполнила задание на 250%. В том же году бригадир женской бригады Ислейтарского лесхоза Татарской АССР Ф. Сабирова добилась 174% выполнения нормы. В Инзенском ЛПХ в декабре 1935 г. в списке из пяти стахановцев-лесорубов значились П.Д. Каракозова и Ф.Р. Мануйлова²⁷. В Николо-Пестровском леспромхозе треста «Средлес» стахановка Е.С. Прохорова в 1937 г. показала результат 200% выполнения нормы; в Мелекесском леспромхозе Е.М. Ларионова — 155%²⁷. На совещании партторгов при Куйбышевском обкоме ВКП (б) в июне 1939 г. представитель Глотовского леспромхоза привел следующие данные: «Мы имеем на сегодня 119 человек стахановцев мужчин, 23 человека женщин. Ударников имеем мужчин 107 человек, женщин 13 человек»²⁸.

Сабирова Фания в лесной промышленности Татарской АССР работала с 1930 г., сначала вместе с отцом, а когда он заболел, возглавила бригаду. В 1935 г. стала стахановхой и бригадиром женской бригады Ислейтарского лесхоза. Выполнение нормы в 1935 г. составило 174%. Высокие показатели были достигнуты за счет бережного отношения к инструментам и своевременной заточке пил²⁹. Трудовая биография бригадира стахановской бригады Киреевой, рассказанная ею на совещании работников тестов «Куйбышевлес» и «Волгостройлес» в Куйбышевском обкоме ВКП (б) в декабре 1939 г., началась в лесной промышленности в 1935 году. Сначала она работала возчиком лесоматериалов, потом перешла на операцию по обрубке сучьев, затем стала трудиться уже непосредственно на лесозаготовке. Летом 1939 г. возглавляемая ею женская бригада, состоявшая из пяти человек, выполнила норму на 148,7%³⁰.

Активно применялся женский труд также на работах по посадке сосны и уходу за молодыми саженцами в лесхозах управлений лесоохраны. Например, в Ичалковском лесхозе Мордовской АССР на протяжении ряда лет трудилась стахановская бригада Д. К. Андроновой, специализировавшаяся на посадке сосны. По данным отчета за 1941 г. Мордовского управления лесоохраны, все 14 стахановцев, занятых на работах по уходу за лесокультурами в Виндреевском, Ичалковском, Ковылкинском, Чамзинском лесхозах, являлись женщинами³¹.

Помимо кампании по расширению применения женского труда на лесозаготовках, во второй пятилетке развернулось движение жен инженерно-технических работников лесной промышленности по участию в улучшении культуры и быта рабочих. Всесоюзный журнал сообщал: «Жена технорука

Рузского леспромхоза т. Бакуленко, жена технорука тульского леспромхоза т. Головина ведут большую работу по ликвидации неграмотности... Тов. Жилкина, жена техника Воронежской области, организовала кружок художественной самодеятельности. Она руководит этим кружком и добилась того, что кружок периодически обслуживает своими постановками все лесоучастки Новохолерского леспромхоза... В Воронежской и Калининской областях организованы и работают курсы кройки и шитья, музыкальные школы»³². В Поволжье движение жен ИТР наибольшего развития достигло в Татарской АССР. Так, в частности, жены инженеров и техников Кзыл-Таусского лесхоза организовали драмкружок, где в числе других была поставлена пьеса «Платон Кречет»³³.

Примером успешного управленца в лесной промышленности Поволжья 1930-х гг. стала женщина-директор Е.Д. Пазова. Начав свою карьеру в райисполкоме, она была назначена руководителем Мелекесского леспромхоза. Ее возражения об отсутствии знаний и опыта работы в сфере лесного дела не были приняты во внимание. После окончания специальных курсов женщина-директор возглавляла леспромхоз в течение ряда лет. Пазову в 1938 г. перевели работать руководителем считавшегося в тресте более престижным Куйбышевского леспромхоза, в том же году она возглавила трест «Куйбышевлес»³⁴.

Таким образом, женщины в лесной промышленности Среднего Поволжья в годы довоенной индустриализации внесли значительный вклад в промышленное развитие региона. Курс на расширение участия женщин в лесной промышленности 1930-х гг. сыграл важную роль и в годы Великой Отечественной войны, когда массовый призыв в армию мужской части населения вынудил в значительной степени расширить применение женского труда на лесозаготовках Поволжья³⁵. В объяснительной записке к годовому отчету треста «Куйбышевлес» за 1941 г. отмечалось: «В конце ноября 1941 г. в Шенталинском леспромхозе 14 женщин из числа жен рабочих, призванных в ряды Красной армии, организовали три женские бригады лесорубов, заключив договор о социалистическом соревновании. На призыв этих женщин, проявивших значительные успехи в части производительности труда (от 100 до 182% нормы) откликнулись женщины из других леспромхозов и к концу квартала общее количество женщин среди постоянного кадра за счет семей рабочих, призванных в армию, поднялось до 121 человека»³⁶.

В то же время нельзя не высказать соображение, что использование женщин на физически тяжелых работах по валке леса и погрузке бревен неизбежно должно было негативно отражаться на здоровье и, особенно, на репродуктивной функции женского организма. В данном аспекте государственной политики по привлечению женщин в лесную промышленность отчетливо проявились противоречия эпохи довоенных пятилеток, характеризующихся принесением в жертву интересов значительных слоев населения ради достижения стратегических целей подготовки к войне и обеспечения экономической независимости СССР.

Примечания

1. Подробнее см.: ПУШКАРЁВА Л.Н. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России. В кн.: Историческая психология и социология истории. Т. 3. 2010, с. 51—64.
2. КУЗЬМИНА Т.Н., ШАРОШКИН Н.А. Индустриальное развитие Поволжья. 1928 — июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза. 2005; НИКИТИН А.Ф. Развитие оборонной промышленности Среднего Поволжья как одно из приоритетных направлений государственной экономической политики в предвоенные годы: В кн.: Мировое экономическое развитие и Россия (XIX—XX вв.). Материалы международной конференции. М. 2009, с. 110—114; ФИЛАТОВ С.Г. Состояние

- и использование производственных мощностей предприятий пищевой промышленности Среднего Поволжья в 1928—1941 гг. — Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2010, № 19, с. 107—114; КУЗЬМИНА Т.Н., ШАРОШКИН Н.А. Трудовая активность железнодорожников в годы второй пятилетки. 1933—1937 гг. (по материалам Поволжья) — Там же, 2012, № 27, с. 1122—1127.
3. ДЕНИСКИН Е.И. Лесное хозяйство Мордовии в 1920—1950-е гг. XX в. Дисс. канд. ист. наук. Пенза. 2007; ТОНКИХ В.С. Леса Мордовии. Саранск. 1976, с. 66—73.
 4. ГОЛДМАН В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917—1937 гг.). М. 2010.
 5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 4372, оп. 36, д. 654, л. 19; д. 748, л. 52.
 6. Древесина, в частности, широко применялась при производстве таких известных истребителей, как И-153, МиГ-1, Як-1, ЛаГГ-3; учебный самолет У-2 был почти полностью деревянным. МУХИН М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921—1941 годах. М. 2006, с. 176—179, 309, 311.
 7. Государственный архив Пензенской области (ГА ПО), ф. Р. 430, оп. 1, д. 174, л. 22об.
 8. Государственный архив Ульяновской области (ГА УО), ф. Р. 1810, оп. 3, д. 12, л. 57.
 9. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), ф. Р. 4571, оп. 1, д. 99, л. 35.
 10. Привлечем к лесным работам женский труд. — Лесное хозяйство. 1931, № 7, с. 25—26.
 11. ГОЛДМАН В.З. Ук. соч., с. 334—335.
 12. На достигнутом не остановимся. Рассказ лесоруба Ананьевой. — Лесная промышленность (орган Наркомата лесной промышленности СССР). 3.II.1936.
 13. Девушки леса. — Там же. 7.III.1936.
 14. СТЕПАНОВ. Женская бригада лесорубов. — Борьба за лес (орган Средневолжского комитета союза рабочих лесной и деревообрабатывающей промышленности). 21.XI.1931.
 15. Вызов 55 принять и в каждой делянке организовать женские ударные бригады. — Борьба за лес. 5.II.1931.; Шире дорогу женщине-лесорубу. — Там же. 5.II.1932.
 16. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА СО), ф. Р. 3386, оп. 1, д. 13, л. 22.
 17. Там же, д. 20, л. 213.
 18. ГА УО, ф. Р. 2481, оп. 2, д. 1, л. 200.
 19. Самарский областной архив социально-политической истории (СОГАСПИ), ф. 656, оп. 31, д. 214, л. 11об.
 20. НА РТ, ф. Р. 6952, оп. 1, д. 2, л. 60.
 21. СОГАСПИ, ф. 656, оп. 30, д. 88, л. 11.
 22. Там же, л. 63.
 23. Там же, л. 11.
 24. Там же, л. 70.
 25. ГОЛДМАН В.З. Ук. соч., с. 302.
 26. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), ф. 1380, оп. 1, д. 5, л. 119; ГА УО, ф. Р. 1810, оп. 3, д. 12, л. 59 об.; НА РТ, ф. Р. 1435, оп. 1, д. 338, л. 1.
 27. СОГАСПИ, ф. 656, оп. 28, д. 290, л. 6об.
 28. Там же, оп. 30, д. 107, л. 78.
 29. НА РТ, ф. Р. 1435, оп. 1, д. 338, л. 1, 39.
 30. СОГАСПИ, ф. 656, оп. 30, д. 88, л. 70.
 31. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ), ф. Р. 1496, оп. 1, д. 9, л. 292; д. 48, л. 283; д. 51, л. 169—170.
 32. ЗАЙЦЕВ Д. Работа жен инженерно-технических работников в лесу. — Лесоруб и сплавщик (Орган Наркомлеса и ЦК союзов рабочих леса и сплава). 1936. № 7, с. 40—41.
 33. Там же.
 34. СОГАСПИ, ф. 656, оп. 28, д. 258, л. 61об.; оп. 30, д. 474, л. 259об.
 35. Подробнее см.: СЕРЕБРЯНСКАЯ В.Г. Волго-Вятский арсенал: промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Н. Новгород. 1997, с. 102.
 36. Государственный архив Российской Федерации, ф. Р. 215, оп. 1, д. 3054, л. 94об.

Чекисты Крыма в начале 1920-х гг.

А.Г. Тепляков

Массовое уничтожение в конце 1920 — первой половине 1921 г. оставшихся в Крыму офицеров и солдат армии Врангеля, а также беженцев является одной из самых мрачных страниц красного террора. До сих пор обнаружена лишь небольшая часть документов об этой трагедии, мало надежной информации как о численности жертв, так и об их палачах. Однако ряд новых источников позволяет добавить некоторые черты к коллективному портрету активных участников террора, поскольку значительная их часть оказалась под судом уже к лету-осени 1921 года. Архивные материалы расширяют сведения о карательных акциях чекистов в Крыму и преступления, «сопутствующих» им.

После захвата Крыма уже 21 ноября 1920 г. чекистами была создана так называемая Крымская ударная группа при Особом отделе ВЧК Юго-Западного фронта, объединившая целый ряд видных особистов во главе с заместителем начальника этого отдела Е.Г. Евдокимовым. Перед ними стояла сформулированная Ф.Э. Дзержинским задача массовой чистки, чтобы выявить всех причастных к Белому движению и тут же с ними расправиться. При этом чекисты настоящих следственных дел зачастую не заводили, а ограничивались арестами и сбором анкетных данных. По анкетам и «судили» тройками, в результате чего на десятки и сотни репрессированных оказывалось одно-единственное дело. Значительную часть арестованных, среди которых нередко оказывались женщины и подростки, сразу расстреливали, остальных отправляли в концлагеря или высылали ¹.

Считается, что всего Ефим Евдокимов со своей «экспедицией» из сотен особистов уничтожил не менее 12 тыс. человек. Эта цифра зафиксирована в представлении Евдокимова к ордену Красного Знамени. Отмечалось, что под его руководством «...были расстреляны до 12 тыс. человек из коих до 30 губернаторов, больше 150 генералов, больше 300 полковников, несколько сот контрразведчиков шпионов...» ² Помимо работников особых и транспортных отделов, в истреблении крымчан активно участвовали и чекисты территориальных органов — полпредства ВЧК в Крыму, КрымЧК, городских и уездных ЧК. Существующий документ об итогах карательной работы КрымЧК не вызывает

Тепляков Алексей Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления.

доверия своими скромными цифрами работы чекистов за 1921 г. — менее 500 расстрелянных³. Между тем, недолговременный глава КрымЧК (весной 1921 г.) М.М. Вихман двадцать лет спустя так писал о своих личных заслугах: «При взятии Крыма был назначен лично тов. ДЗЕРЖИНСКИМ... председателем Чрезвычайной Комиссии Крыма, где по указанию боевого органа Партии ВЧК уничтожил энное количество тысяч белогвардейцев — остатки врангелевского офицерства»⁴.

Однако небывалые масштабы террора вызвали не только вооруженное сопротивление части населения, но и возмущение многих местных коммунистов, активно жаловавшихся центральным властям. В связи с этим, в июне 1921 г. на полуострове начала работу Полномочная комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма. При ней масштабы террора резко сократились и началась вынужденная чистка уже в рядах самих «чистильщиков». Член комиссии и коллегии Наркомнаца РСФСР М.Х. Султан-Галиев сообщал о невероятной жестокости расстрелов, коснувшихся и лояльных советской власти лиц: «По отзывам самих крымских работников, число расстрелянных врангелевских офицеров достигает по всему Крыму от 20 000 до 25 000. Указывают, что в одном лишь Симферополе расстреляно до 12 000. Народная молва превозносит эту цифру для всего Крыма до 70 000. Действительно ли это так, проверить мне не удалось»⁵. Таким образом, учитывая вышеприведенные данные по деятельности Евдокимова и Вихмана, а также уничтожение не менее трех тысяч крымчан красными партизанами⁶, которые вполне стыкуются с информацией Султан-Галиева, можно уверенно говорить о 20—25 тыс. жертв «зачистки» полуострова. В связи с этим сохраняет значение достаточно давняя точка зрения В.П. Петрова, что «общее число погибших превышает 20 тыс. человек, хотя и эта цифра не является окончательной»⁷.

Документы говорят, что все чрезвычайные и репрессивно-карательные органы Крыма совершали массовые преступления. Председатель Единого ревтрибунала Крыма Н.М. Беркутов, отчитываясь о работе за сентябрь и октябрь 1921 г., отмечал, что, когда в Крым в июне 1921 г. прибыла Полномочная комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, она обнаружила «ряд весьма злостных преступлений» преимущественно со стороны комиссии по изъятию излишков, комиссии по ущемлению буржуазии, органов ЧК, особых отделов, политбюро, уголовной и общей милиции. Причем замешанными в преступлениях оказалось «громадное количество Советских работников», и в списке расстрелянных значились такие видные фигуры, как начальник Особого отдела 4-й армии Михельсон, председатель Старо-Крымской ЧК и ряд других. В связи с криминализацией руководящего состава Крыма деятельности Полномочной комиссии оказывалось «постоянное пассивное противодействие со стороны советско-партийных организаций»⁸.

В резкой записке видный военный работник А.П. Розенгольц 1 августа 1921 г. сообщал Дзержинскому, что в органах Крымской ЧК процветают пьянство, грабежи и прочая уголовщина, они разложены и требуют массовой чистки⁹. Подтверждением этих выводов было вынужденное, состоявшееся после приезда Полномочной комиссии ВЦИК и СНК, рассмотрение КрымЧК 29 июля 1921 г. дела по обвинению председателя Керченской ЧК И.И. Каминского, заведующего секретным отделом этой ЧК С.И. Шульгина, начальника разведки М.А. Михайлова и секретаря ЧК А.Я. Полякова «в незаконных преступных действиях, выразившихся в применении высшей меры наказания к лицам, в том числе, и к несовершеннолетнему, в отношении которых обвинительный материал не говорил о необходимости принятия таковых, в избииении арестованных и др.». Материалы следственного дела говорят о широчайшем применении расстрелов к тем, от чьего имени выступала «рабоче-крестьянская» власть:

«...Из числа расстрелянных 51—52% рабочих тяжелого труда и из числа содержащихся под стражей в комиссии рабочих 77%». Чекисты были признаны виновными, но коллегия КрымЧК, «принимая во внимание партстаж, их пролетарское происхождение и заслуги, оказанные революции», ограничилась лишением обвиняемых права работы в ЧК, а Михайлову назначила год принудительных работ¹⁰.

В конце 1921 г. Единый ревтрибунал Крыма рассмотрел дело заместителя начальника секретно-оперативного отдела Керченской ЧК Суворова. За попытку получения взятки, ложное направление, взятое при расследовании дела о взяточничестве, в котором он сам участвовал, а также сокрытие фактов взяточничества со стороны работников угрозыска Суворов был приговорен к расстрелу, но «за боевые заслуги» высшую меру ему заменили заключением на 5 лет¹¹.

В 1921 г. значительная часть видных работников КрымЧК и особых отделов была осуждена. В Керченской, Джанкойской и Севастопольской ЧК были привлечены к уголовной ответственности их коллеги. Высшую меру наказания получил председатель Старо-Крымской ЧК, а несколько сотрудников Феодосийской ЧК были казнены за то, что под видом обысков грабили семьи бывших офицеров и зажиточных крестьян¹². Выездная сессия Единого ревтрибунала Крыма 1 декабря 1921 г. осудила начальника информационной части Евпаторийской ЧК Г.М. Митина, 24-летнего бывшего коммуниста, и помощника уполномоченного информчасти И.М. Ермохина, 32 лет, обвинявшихся в хищении муки. Митина осудили на 5 лет заключения, Ермохина — на 2 года, но приговор им тут же был сокращен на одну треть по амнистии¹³.

Бахчисарайское политбюро КрымЧК «представляло собой шайку бандитов, терроризирующих в течении нескольких месяцев местное население. Под видом конфискации имущества оно совершило целый ряд грабежей. Грабя вещи, его члены арестовывали возражавших, истязали их на допросах...»¹⁴ После вмешательства полномочной комиссии ВЦИК и СНК они были преданы суду революционного трибунала. Хотя смертные приговоры чекистам выносились довольно часто, лишь некоторые из них приводились в исполнение. Чаще всего признанных виновными сотрудников ЧК приговаривали к тюремному заключению либо изгоняли из органов.

В литературе с легкой руки писателя-эмигранта Романа Гуля не раз упоминалось о том, что Вихмана расстреляли свои же за излишний садизм. Однако это не так — основной его виной стали ведомственный сепаратизм и неподчинение обкому партии, наказанием за что стали двухмесячный арест и увольнение из «органов», куда он снова будет возвращен с наступлением эпохи «великого перелома» (репрессиируют и доведут до паралича и полной инвалидности Вихмана в 1938 г., а в 1940 г. освободят из киевской тюрьмы под подписку о невыезде)¹⁵. Начальник Особого отдела 4-й армии Михельсон, вопреки вышеприведенной официальной информации, не был расстрелян, а после помилования оказался зачислен в систему лагерей и проявлял привычный садизм, находясь на ответственной должности в Соловецком лагере¹⁶. Первый председатель Крымской ЧК, а затем глава Керченской ЧК И. Каминский, уволенный из ВЧК за массовые расстрелы, в 1923 г. возглавил Смоленский губотдел ГПУ. Характерно, что уже после окончания работы Полномочной комиссии, в начале ноября 1921 г., председатель КрымЧК А.И. Ротенберг, председатель Крымсовета народных судей Скрипчук и глава Бюк-Онларского исполкома в открытом заседании рассмотрели дело о большой группе крестьян, обвинявшихся в налете на совхоз, и приговорили к расстрелу 20 человек. Приговор был приведен в исполнение немедленно¹⁷. И хотя об этой расправе над «классово близкими» было хорошо известно, Ротенберг проработал на своей должности до сентября 1922 года¹⁸.

До приезда комиссии из Москвы сами чекисты публиковали сведения о суровом осуждении коллег за второстепенные преступления, но террор и мародерство им в вину не ставились. Газета «Красный Крым» 1 марта 1921 г. поместила отчет о заседании КрымЧК, на котором был осужден начальник бюро пропусков Особого отдела 4-й армии Шланак, развернувший вместе с неким Гетманским широкую торговлю пропусками. У Шланака были свои маклеры, подбиравшие клиентуру среди спекулянтов и бандитов; пропуска продавались по 20 тыс. рублей. Шланак, Гетманский и четверо их помощников были приговорены к расстрелу, причем КрымЧК лицемерно отметила, что «преступление чекиста — самое тяжелое преступление»¹⁹.

Позднее официальные источники по итогам открытых процессов над чекистами давали более откровенную информацию. Председатель Севастопольского ревкома и горисполкома С.Н. Крылов в книге, вышедшей осенью 1921 г., по свежим следам писал: «Контрреволюционеры представляли угрозу советской власти, но чрезвычайная власть натворила много ошибок и даже злоупотреблений. Особенно бесчинствовал особый отдел 46 дивизии: однажды арестовали свыше тысячи рабочих». Реввоен трибунал осудил 21 сотрудника этого особого отдела: 2 июля 1921 г. к расстрелу были приговорены бывший начальник агентурной части Полянский, начальник информации Зайковский, уполномоченный агентуры Шариков, казначей отдела Самарский; остальные получили принудительные работы с лишением свободы от одного до трех лет²⁰.

Архивы сохранили дополнительные подробности об этом, вероятно, самом громком публичном деле в отношении чекистов, терроризировавших весь Севастополь. О серьезно напугавших дискредитированную власть итогах многодневного открытого процесса член рев трибунала Харьковского военного округа В. Киселёв 8 июля 1921 г. сокрушенно докладывал, что ему не хочется и говорить, «как удручающе подействовал приговор даже на ответственных работников РКП. Я лишь только хочу сказать, что в течение семнадцати дней театр был полон кр[асноармей]цев рабочих и учащейся молодежи»²¹. Выступавший назвал среди подсудимых начальника особого отдела дивизии Кудряшёва, начальника агентурной части Полянского, сотрудника для поручений Шарикова-Шора и казначея Самарского. По сообщению Киселёва, все эти лица были расстреляны, но их начальник Кудряшёв, чья вина была больше, оказался помилован — расстрел ему заменили на пять лет заключения, поскольку преступления чекистом были совершены «в момент перегруженности работы, ввиду ликвидации белогвардейщины», не носили злостного корыстного характера, а сам обвиняемый раскаялся. Между тем, обвинялся Кудряшёв в тяжких преступлениях: превышении власти, расхищении имущества со склада, освобождении «контрреволюционеров», кутежах и вооруженном сопротивлении при аресте. В Балаклаве он, как член тройки, просмотрев анкеты, единолично незаконно расстрелял 18 чел., заручившись по телефону согласием председателя тройки Чистякова (третьего члена тройки вообще не было, однако Кудряшёв расстреливал от ее имени). Конфискованные в Балаклаве ценности Кудряшёв сдал в Ударную группу особых отделов, но «записей этих вещей нигде не оказалось»; изъятые им у населения 426 тыс. руб. тоже были отнесены на расходы Ударной группы. Также он «неправильно расстрелял своего сотрудника Марочкина, постановление о расстреле которого было подписано лишь двумя членами тройки». Кудряшёв освободил «контрреволюционера» Музыкаса, который затем снабжал его алкоголем и женщинами. А дочь пристава Соколова он принудил к сожительству, и та «спасла отца своим позором».

Чекист-свидетель Мартынов показал, что еще до крымской эпопеи он привез Кудряшёву золотой перстень и сапоги человека, расстрелянного в с. Воздвиженка (вероятно, нынешнее Воздвиженское Апанасенковского райо-

на Ставропольского края), и Кудряшёв признал, что в этих сапогах ходил. По словам свидетеля, чекист отбирал себе лучшие вещи из конфиската «в неограниченном количестве», похитил 18 шевровых шкур, а продукты просто забирал на базаре, угрожая продавцам арестом за «спекуляцию». Получив сведения о преступлениях своего заместителя, Кудряшёв отдал ему уличающее заявление. А «узнав, что ревком Севастополя его действиями не доволен, приказывает своему заместителю принять меры к разгону Севастопольского правительства»²². Вскоре Кудряшёв был повышен и получил должность начальника активной части Особого отдела 4-й армии, возглавлявшегося Михельсоном. Руководя основной агентурной работой этого подразделения, он потребовал выдать для конспиративных целей серьги княгини Юсуповой с крупными бриллиантами и золотой портсигар. Серьги он подарил любовнице Серлиной-Велькомиркиной, у которой они затем и были отобраны, а портсигар, «предполагая преподнести начальнику Особотарма 4», передал ювелиру для нанесения дарственной надписи.

Работая начальником активной части, Кудряшёв узнал, что новый начальник особого отдела 46-й дивизии Мозалев (Мозылев?) арестовал бывшего руководителя регистрационного бюро отдела Онегина за «освобождение контрреволюционеров» и планировал аресты за крупные преступления других ответственных чекистов, включая начальника информации отдела Зайковского (был осужден к расстрелу, но в связи с «истинным раскаянием» отделался пятью годами). Кудряшёв запретил Мозалеву аресты и с разрешения Михельсона получил возможность сфабриковать дело на своего преемника, пользуясь аппаратом Особого отдела Черноазморея, после чего в Севастополе принял участие в незаконном заочном суде над Мозалевым, находившимся на свободе, и, настаивая на срочном аресте, приговорил его к расстрелу.

Пятикратно допрошенный, Кудряшёв всякий раз давал ложные показания, смысл которых позднее объяснил своим страхом «быть расстрелянным без суда и следствия». В последний день июля 1921 г. один из работников Полномочной комиссии ВЦИК и СНК, отвечая на предложение Киселёва расстрелять Кудряшёва как особо опасного преступника, написал, что считает такую инициативу «судебным бредом» ввиду «давности совершенного преступления и в корень изменившейся военной обстановки»²³.

Существуют достоверные сведения о том, что собой представляли и органы революционной юстиции. Сотрудник Полномочной комиссии ВЦИК и СНК С.М. Бирюков в своем докладе от 22 августа 1921 г. отмечал, что ревтрибунал Крымской области в течение всех девяти месяцев со дня образования фактически бездействовал, пока «чрезвычайные органы на территории Крыма творили ужасы, считая себя безнаказанными, что и продолжается до последних дней, несмотря на объявление амнистии..., продолжают незаконные аресты и высылки лиц, не считаясь с их классовой принадлежностью и при отсутствии всякого обвинительного материала, что в высшей степени терроризирует мирных жителей...»²⁴

Председатель Крымского областного ревтрибунала Порецкий до 28 мая 1921 г. не имел ни аппарата, ни членов коллегии, в связи с чем лично был вынужден вести делопроизводство и «записывать бумаги». Вместе с Порецким работало всего четыре следователя, из которых не было ни одного пригодного. А считавшийся членом коллегии председатель Крымской ЧК приходил только на судебные заседания. Лишь в начале июля 1921 г. крымские трибуналы были слиты в Единый трибунал, получивший полномочия вести и дела на проштрафившихся чекистов. Его комендантом (исполнителем смертных приговоров) в конце 1921 г. являлся Ф.М. Марчук²⁵. С апреля 1921 г. через трибуналы вместо контрреволюционных пошли почти исключительно «дела уголовно-дол-

жностные», среди которых было и дело заместителя председателя реввоен трибунала восточного побережья Крыма Удалова, а также почти всех ответственных сотрудников этого органа, осужденных 19 мая 1921 г. областным РВТ на сроки от одного до пяти лет заключения²⁶.

В силу неработоспособности и необъективности местного трибунала делами чекистов-преступников активно занимался РВТ Харьковского военного округа. Например, 17 июля 1921 г. он рассмотрел дело девяти сотрудников низового подразделения системы Особых отделов, превращенного в пыточный застенок: начальника особого пропускного бюро г. Старый Крым (26-летнего ювелира, происходившего из крестьян Курской губернии) К.М. Утенко, а также военного следователя бюро Н.Н. Мелких-Абрамова, сотрудника бюро И.Г. Захарченко-Забияка, красноармейца бюро П.Е. Тимченко и еще пятерых сотрудников этого учреждения. Данное пропускное бюро было организовано особым отделом 3-й стрелковой дивизии для регистрации и задержания военнослужащих Белой армии. Самый длинный шлейф обвинений был у его начальника Утенко, который обвинялся в грабежах, систематических истязаниях, изнасилованиях ряда женщин, покушении на убийство с целью сокрытия следов преступления и пьянстве. Мелких-Абрамов и Захарченко-Забияк обвинялись в истязаниях и изнасилованиях, а остальные — в избиениях арестованных. Утенко, Мелких-Абрамов и Тимченко были приговорены к расстрелу, но сведений об исполнении приговора нет, поскольку пять дней спустя приказом Полномочной комиссии ВЦИК и СНК все расстрельные приговоры были заморожены. Данная комиссия 22 июля 1921 г. предложила всем трибуналам и чрезвычайным органам не приводить в исполнение смертные приговоры без ведома и согласия комиссии, одновременно затребовав на рассмотрение копии приговоров к расстрелу. Кроме того она постановила собрать материалы о применении высшей меры наказания и препроводить их в Центр²⁷.

Таким образом, в архивах РФ должны находиться важные источники по проведению карательных операций в Крыму. Обнаружение и изучение их позволит заполнить одну из трагических страниц Гражданской войны. Пока же можно сказать, что доступные архивные судебные материалы, ставшие следствием работы Полномочной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, не только дают новую информацию о красном терроре, но и позволяют с большим доверием отнестись к многочисленным мемуарным источникам о крайней жестокости и криминализированности как чекистских, так и прочих властных структур Крыма. Судебное преследование наиболее скомпрометированных чекистов оказалось достаточно распространенным явлением, но в целом не отличалось жесткостью и принципиальностью, в силу чего многие из наказанных видных работников ВЧК смогли впоследствии вернуться в карательно-репрессивную систему.

Примечания

1. ТОПОЛЯНСКИЙ В. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М. 1996; АБРАМЕНКО Л.М. Последняя обитель. Крым, 1920—1921 годы. Киев. 2005;
2. ШАПОВАЛ Ю., ПРИСТАЙКО В., ЗОЛОТАРЬОВ В. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ. 1997, с. 85.
3. Из годового отчета КрымЧК за 1921 г. В кн.: Реабилитированные историей. Автономная республика Крым. Кн. первая. Симферополь. 2004, с. 57.
4. Отраслевой государственный архив СБУ (Київ), д. 51 645, т. 1, л. 225.
5. ПАВЛЮЧЕНКОВ С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. 1997, с. 223—224.

6. СКОРКИН К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917—1923. М. 2011, с. 909.
7. ПЕТРОВ В.П. К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920—1921 годах. Проблемы истории Крыма. Симферополь. 1991, вып. 2, с. 91.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-1005, оп. 3, д. 68, л. 167об.
9. Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. М. 2007, с. 684.
10. ПЛЕХАНОВ А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921—1928. М. 2006, с. 138; ИШИН А. Крым в 1921 году: трагедия военного коммунизма. — Крымские известия. № 238, 26.11.2007.
11. ГА РФ, ф. Р-1005, оп. 3, д. 68. л. 197.
12. ЗАРУБИН А.Г., ЗАРУБИН В.Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь. 2008, с. 335; ИШИН А.В. В Крыму после Врангеля (По архивным материалам Крымской ЧК за 1921 год). Революция и гражданская война 1917—1920 гг.: новое осмысление. Тезисы докладов международной научной конференции. Ялта, 10—18 ноября 1995 г. Симферополь. 1995, с. 48.
13. ГА РФ, ф. Р-1005, оп. 3, д. 68, л. 186.
14. ПАЩЕНЯ В.Н. Крымская милиция в XX веке (1900—1991 гг.). Симферополь. 2009, с. 63.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 8, д. 73, л. 140; ШАПОВАЛ Ю., ПРИСТАЙКО В., ЗОЛОТАРЬОВ В. Ук. соч., с. 375—376.
16. МАЛЬСАГОВ С.А. Адские острова: Советская тюрьма на Дальнем Севере. Нальчик. 1996, с. 40; СЕДЕРХОЛЬМ Б. В разбойном стане. Рига. 1934, с. 243—244.
17. ГА РФ, ф. Р-1005, оп. 3. д. 68, л. 190.
18. СКОРКИН К.В. На страже завоеваний Революции. Местные органы НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917—1923: Справочник. М. 2010, с. 484, 397.
19. Цит. по: ПЛЕХАНОВ А.М. Ук. соч., с. 234.
20. КРЫЛОВ С. Красный Севастополь. Севастополь. 1921, с. 18—19.
21. ГА РФ, ф. Р-1247, оп. 1, д. 28, л. 22.
22. Там же, л. 20об.— 21.
23. Там же, л. 21—22.
24. Там же, д. 27, л. 32—33.
25. Там же, л. 75; ф. Р-1005, оп. 3, д. 68, л. 208.
26. Там же, ф. Р-1247, оп. 1, д. 27, л. 93.
27. Там же, л. 63, 66, 40.

Пополнение знаний о Новом Свете при Петре I

А.В. Захаров

Первые сведения об Американском континенте стали поступать в Россию благодаря посредничеству европейских путешественников, дипломатов и негочантов с XVI века. Земли Центральной и Южной Америки в русских документах тогда назывались Западной Индией или Индейской землей. По некоторым данным, Америкой неведомый континент впервые назвал Максим Грек. В допетровскую эпоху знания о Новом Свете восполняли собранные Посольским и Сибирским приказами карты-гравюры, иностранные печатные книги и рукописные переводы с географическими зарисовками о новом континенте. Переводчики московских приказов второй половины XVII в., владевшие латынью, могли почерпнуть начальные сведения из популярной «Всеобщей географии» Варениуса (Варена) или ее многочисленных вариаций. Для читающих по-голландски должен был показаться увлекательным живой слог автора «Пиратов Америки», назвавшегося Эсквемелином, о путешествии к далекому континенту, об устройстве колоний, экзотической флоре и фауне. Повествования московских дипломатов в статейных списках¹ дополняли сведения об Индейской земле наиболее свежими новостями. Первая русская миссия в Испанию стольника П.И. Потёмкина и дьяка С.В. Румянцева в 1667—1668 гг. пополнила посольский архив справкой о торговле испанцев с «Западной Индией» через город Кадис².

Книжные знания о новом континенте, в частности, о Восточном побережье Нового Света, не могли быть в ту эпоху исчерпывающими и для самих европейцев. Как известно, обоснованную гипотезу существования пролива между Азией и Европой первым в России предложил судья Сибирского приказа окольничий И.А. Мусин-Пушкин. По рассказу француза Ф. Авриля известия о землях за Обью и догадку о наличии пролива окольничий строил на материалах Сибирского приказа³ и сведениях экспедиций русских землепроходцев. Так, постепенно с XVI в. складывались естественные каналы получения информации в России об Американском континенте через книжников, переводчиков, дипломатов и иностранцев, приезжавших в Россию по найму или с различными поручениями. Спустя столетие сведения о Восточном побережье ограничи-

Захаров Андрей Викторович — кандидат исторических наук, доцент исследовательского университета «Высшая школа экономики». Пермский филиал.

вались вопросом о проливе, благополучно разрешенном Камчатскими экспедициями. Очевидно, что в петровское время способы знакомства с Западным побережьем Америки могли строиться аналогичными способами, но выяснение конкретных практик пополнения знаний требует новых исторических источников и интерпретации малоизвестных данных.

Первым зафиксированным в источниках интересом Петра I к Америке была тема соединения континентов. Царскую идею продвижения к землям у самой восточной точки России впервые заметил английский капитан Джон Пери ⁴. Это могло быть не позже 1714 г. и прозвучало как минимум на два года раньше предложения Лейбница о разрешении научной задачи межматерикового пролива. Следующее возвращение царя к вопросу о проливе следует из инструкции 2 января 1719 г. Ивану Евреинову и Фёдору Лужину, собственноручно отредактированной царем в январе 1719 года ⁵.

Внимание Петра I к новому континенту подпитывалось теми же мотивами, что и мысль об организации экспедиций в Ледовитый океан к Индии. Впервые такую смелую идею подсказал Фёдор Салтыков. Известный прожектор предлагал дерзкие способы заграничных походов, несомненно, под влиянием своего опыта. Находясь в Англии, Салтыков убедился как саму «хозяйку морей» не оставляло желание установить торговлю с Китаем и Индией через Ледовитый океан: «Хотя в том искании какая и трудность сыщется, без чего никакое дело не происходит, — писал он в 1714 г., — англичане и галанцы ищут новых земель для своих прибытков и повсегодно того пробуют» ⁶. Этот «крайний западник», как его называл историк Н.П. Павлов-Сильванский, надеялся, что новый торговый маршрут приведет к «великим богатствам и к прибыли» и заменит известный долгий путь в Индию. В салтыковском «Изъяснении» нет упоминания об Америке, но проект является одним из ключевых в понимании мотивации царских подданных в поиске *terra incognita*.

Прочтение поступавших проектов, подобных сочинению Салтыкова, в контексте внешнеполитических событий и личных устремлений царя, не позволяет ассоциировать интерес российского монарха к заокеанским странам с мыслью завоевания Индии и прилегающих к ней земель. В страсти к неизвестному проявлялось юношеское любопытство царя, заложенное в его характере и усиленное интеллектуальным влиянием ближайших советников. Современниками были замечены и амбиции Петра, выражавшиеся в желание быть «прославленным Цезарем, а не великаном всего света».

Прежде малоизвестные и новые источники о российском интересе к западным окраинам Американского континента удалось выявить в архивном фонде Кабинета Петра I. Среди них реляции ⁷ российского «агента» Петра Ивановича Беклемишева. Историк В.А. Уляницкий, подробно изучавший историю российских торговых агентов и консульств за рубежом по материалам МГА МИД ⁸, не знал этих реляций, введенных в научный оборот в советской историографии Т.К. Крыловой в контексте изучения российско-испанской торговли ⁹. Рапорты Беклемишева могли бы закрыть лакуны истории дипломатических и торговых институций и осветить проблему получения естественно-географических и геополитических знаний в России Петровской эпохи. Реляции проливают свет на предысторию становления первого европейского консульства, возглавлявшегося русским по происхождению подданным ¹⁰.

Миссия П.И. Беклемишева в европейские страны, начавшись в 1707 г., затянулась на 14 лет. Он побывал в Голландии, ганзейских городах и был назначен «агентом» в Венецию в 1716 году. Спустя 4 года Беклемишева направили в Милан, затем в Любек и Гамбург, где он пробыл до мая 1721 года. Предназначение новой миссии можно понять по реляциям, позволяющим реконструировать смысл неизвестной царской инструкции, составленной для Бек-

лемишева. Указ-инструкция предписывал ради установления «полезного купечества из России в Гишпанию» отправляться в Кадис ¹¹. К этому времени испанский город уже был известен в России как порт, откуда корабли отплывали в Новый Свет.

Беклемишев хотел спокойно ожидать в Гамбурге кораблей в Испанию. Но 8 мая 1721 г. ему пришлось «ехать землею в Кадикс», не дожидаясь попутных кораблей, которые отплывали через 7 недель. После 40 дней карантина ¹² в Аликанте и объезда близлежащих мест Кадис удивил Беклемишева. Знаменитый город и раньше обескураживал русских приезжих заметной «дороговлиной» ¹³, а царского агента он поразил масштабом торговли, «где многим больше и весма основательнее купечество содержитца нежели во всех протчих местах государства Гишпанского, ... не токмо ради одного торгу европскаго но и америческаго, и флот, которой ходит в Индию Гишпанскою и опять приходит, то все сие зависит от здешняго порта» ¹⁴.

Из Кадиса в Россию дошли две многостраничные реляции Беклемишева, самая ранняя из которых не датирована и является кабинетским списком с зашифрованного несохранившегося оригинала. Другая — частично зашифрованный автограф — была отправлена 17 октября 1721 г. перед выездом агента из Кадиса. Инструкции, исходившие из царского Кабинета, задавали тематику и объем реляций. Желание правительства подробно устроить прямую российско-испанскую торговлю через Кадис предопределило перевес описательной части реляций. Агенту удалось выяснить факт господства монополии «природных» и «натурализованных» испанцев на «торг, который происходит в Америку», и способы контрабандной торговли других «наций» через комиссионариев с вычислением затрат и рисков потери товара. В другом письме уточнялось исключение, подтвержденное испанско-английским трактатом, который разрешал посылать по два английских корабля «с таварами в Ындию Гишпанскою, которая (англичане. — А.З.) вместо двух посылают четыре и от того себе получают великую прибыль» ¹⁵.

Агенту показалось важным сообщить о способах нелегального вывоза из Америки золота и серебра и случае конфискации контрабанды. Об «амерических» товарах говорилось подробнее. Сначала о том, «как известно, вывозят золото, а больше серебро», а потом о прежде неизвестных, по мнению агента, товарах: «разныя дроги, которые употребляютца в лекарства и краски» ¹⁶, «еще сверх, о которых даносил, находятца анис, шафран, шолк, капарсы, трости сахарныя из чего сахар делаетца» ¹⁷. Реляции содержат и общее описание флотилий «от 26 до 30 кораблей», бывавших в Америке, и сведения о численности команд и тоннаже кораблей. Не обошлось без длинных перечней европейских товаров, востребованных испанскими колонистами, спросом у которых, к особому удовольствию агента, пользовалась русская юфть.

Роль простого информатора оказалась тесной для эрудита, владевшего несколькими европейскими языками, знакомого с классическими древностями и современной политикой. Поэтому Беклемишев взялся объяснять элементы «великой испанской политики» как, например, сдерживание американского производства и хозяйства ¹⁸. Агенту удалось расписать всю подноготную кадисской торговли. Нюансы американской торговли были вскрыты Беклемишевым более детально, нежели дипломатическими посланниками в Испанию в 1668—1688 годах. Удаче информаторской миссии способствовало инкогнито агента, который, по его собственной оценке, «прилежно весма проводывал».

Кадисский «волонтер» нанимал надежных осведомителей, шифровал реляции, вербовал в информаторы «добрых людей... толко из иностранных нацей, а не гишпанцов». Последние показались ему «люде гордыя, не рачителныя, обманщики и бездушники и как подлинно известно... капиталы некоторыя (вве-

ренные другими. — А.З.), которых большую часть потеряли без всякого возвращения»¹⁹. Предосторожности агента, видимо, не смогли скрыть его излишнего любопытства. На подозрения испанских властей он возразил, что происхождением «народа россискаго, а приехал из Сан Питербурха и дела никакого не имею токмо ради одной куриозите хотя видеть свет и ради обучения как и протчия другия малодыя люди обыкновенно так делают». Кадисский комендант сообщил Беклемишеву «не весьма образом приятным» о нежелательности его дальнейшего пребывания, что «нешто знатного к видению... все мощно видеть в один день»²⁰. Имея заблаговременное указание ретироваться в случае подозрений, Беклемишев предпочел спешно выехать из Кадиса на голландском корабле через Нидерланды в Гамбург.

Если предыдущая миссия Беклемишева в Венецию и Италию была преимущественно политической, то испанское пребывание посвящалось будущему устройству коммерции в Кадисе. «Весьма надлежит, — предлагал Беклемишев, — здесь свою кантору иметь, которая б состоялась из подданных его величества»²¹. Это предложение совпало с планом Петра I открыть в Кадисе консульство²² при участии рекомендованных агентом купцов Семенниковых²³. Интерес правительства к торговле и в целом к новостям из Америки не угасал. В основу инструкции первому консулу в Кадисе Евреинову были положены выводы последней реляции Беклемишева. Ему ставилась задача «разведать подлинно о их (испанцев. — А.З.) флоте, которой в Америку ходит, какое число и какие товары российские туда отпускаются и в которых времена; также и корабли каким образом от других наций они покупают... писать с подлинным обстоятельством не упуская времени»²⁴.

В петровскую эпоху появился новый жанр документов — проекты устройства торговли и колонизации заокеанских земель, предназначенные для донесения царю. Эти источники помимо ключевых идей могли предоставить российскому правительству новые сведения об Америке. Самый ранний из проектов, дошедший до нашего времени, составил на французском языке английский купец Руперт Бек²⁵ в июне 1711 г. под заглавием: «Надежный и простой способ, очень скромно представленный его царскому величеству, чтобы обосноваться в Вест-Индии для укрепления прибыльной торговли на острове Тобаго, лучшем и самом красивом острове Вселенной». Исходя из русскоязычной пометы²⁶, «проект» действительно готовили для царя²⁷. Бек предлагал выкупить у курляндского герцога Фридриха-Вильгельма, ставшего царским родственником, остров Тобаго. После открытия острова в 1498 г. Христофором Колумбом стали известны трагические страницы его истории, вместившие гибель от испанских завоевателей части коренного населения — караибов — а затем и голландских поселенцев. Три попытки колонизации Тобаго инициировал курляндский герцог Якоб Кеттлер, которому удалось получить остров в 1664 г. у английского короля Карла II в качестве компенсации за военную помощь²⁸. Несмотря на это, остров был предметом острого соперничества снова поселившихся там голландцев сначала с курляндцами, потом с англичанами и с французами. Ни одной из держав закрепиться на острове Тобаго не удалось. Это относится и к курляндцам, снарядившим 4 экспедиции в 1676—1690 годах. Англичане пытались выкупить остров за 10 тыс. фунтов стерлингов, но сделка, как и заселение острова, вновь не удалась. Бек указывал, что «таким образом его царское величество может его купить за эту же цену или договориться об этом с князем Курляндским так, как он найдет удобным». Предложение сводилось к установлению выгодной международной торговли с французами, англичанами, испанцами, имевшими американские колонии, «а также аругаами, калибами, караибами и другими индейскими народностями, что увеличит его (то есть, царя. — А.З.) торговые обороты и сильно обогатит его страну»²⁹.

Сведения об Америке подавались в проекте через призму торговых интересов. В этом контексте перечислялись торговые преимущества колонии в торговле с континентом. Часть данных касалась климата и товаров, которые в целом давали дополнительное представление о Вест-Индии. Если краткое перечисление колониальных товаров (табак, сахар, имбирь, индиго, хлопок, цитрусовые, панцири черепах) Нового Света было уже давно известно в России, то оценка общего состояния фортов показалась автору важной. Любопытное описание десятка субтропических фруктов³⁰ говорит о купеческих интересах прожектера и о знании карибских редкостей.

«Прожекты» такого рода были щедры на описание изобилия чудес легко колонизируемой территории, не скупилась изображать преимущества жизни колонистов. Такие особенности присущи и «Проекту о завоевании» земель в Южной Америке неизвестного голландца³¹, который выбрал адресатом самого Петра I. Новоявленный сочинитель, видимо, надеясь получить от воплощения своего замысла заслуженные дивиденды, писал о бессмертной славе царя; обогащении Санкт-Петербурга, крещении многих тысяч туземцев, увеличении доходов от американского золота, серебра и колониальных товаров³². Кроме того, сообщались уникальные подробности об американских землях. На приложенной карте³³ голландец отметил территории с крещеным и «неверным» населением; назвал земли, богатые рудами драгоценных металлов. Вероятно, он первым упомянул редкие «американские» товары: лен, пеньку, медь, железо, свинец, олово, ртуть, селитру, серу, юфть.

Автор проекта надеялся, получив «пас свободного приезда и отъезда», лично побывать в России и «обо всем словесно и письменно объявить и где эти земли лежать, какие способности употребить, какие из оных земель прибыли можно получить и прочее»³⁴. Благодаря этому письму можно определить, что голландский проект направлялся царю после Персидского похода³⁵. Удалось определить еще одного информатора о Вест-Индии. К сожалению, им оказался также безымянный посредник. Оценка стилистики обращения анонима к царю снижает возможность признания автором кого-либо из постоянных корреспондентов царя. Известные агенты-нидерландцы Х. Брандт³⁶ и Й. ван ден Бург³⁷ обращались к Петру I напрямую в отличие от анонима, просившего «нижайшии милостиво принять, сие письмо к вашему императорскому величеству самому пишетца. Важность дела и ростояния мест сие дерзновения от меня требовало». Посредник в передаче голландского «прожекта» планировал: «буде эту зиму мне самому для множества дел невозможно будет приехать (в Россию. — А.З.), то наперед пришлю господина полковника Фридериха Лесли». Экспрессивные эпитеты ошеломительных перспектив завоевания сначала земель Америки, потом Средиземноморья выдают сочувствие анонимного автора к плану прожектера доставить «лучей перла к императорской короне» Петра I. Письмо, по всей вероятности, было составлено одним из высокопоставленных сотрудников российской дипломатической миссии в Европе.

Собственно «Проект о завоевании», оказавшись в руках царского кабинет-секретаря, без сомнения, дошел до Петра I. Но ни расчеты сил колонизации «Зюйдной стороны Америки», ни приложенная географическая карта, ни описания богатств не доказали царю исполнимость плана³⁸. Опрометчивым было бы назвать голландского прожектера великим плутом. Он был вдохновлен победами Петра Великого и посчитал, что американское путешествие, совершенное в юности, могло бы послужить делу. Возраст прожектера, нюансы дела говорят о его жизненном опыте и готовности к риску.

Иностранские проекты покорения части южноамериканских земель в историографии рассматривались с точки зрения политики колонизации. Сведения, сообщаемые о Новом Свете, были для сочинителей мощным информатив-

ным аргументом, нацеленным склонить Петра I к основанию российских колоний в Вест-Индии и континентальной Южной Америке. Беспроигрышным мотиватором политики российской колонизации, по мнению иностранцев, был интерес царя к форсированному развитию международной торговли. Изложение дерзких идей колонизации свидетельствует об осознанном использовании европейцами прагматичного интереса Петра I к географическим и геополитическим знаниям. Приобретению новых знаний способствовали заграничные путешествия царя и его подданных: тайных агентов, переводчиков, выучивших европейские языки и с трудом выживавших на чужбине.

На примере сбора сведений о Новом Свете логично выделить несколько путей получения знаний в петровской России. Необходимые данные в XVII — начале XVIII в. поступали в Посольский и Сибирский приказы, а позже — во вновь созданные структуры: Кабинет Петра I, консульские конторы и коллегию иностранных дел, каждая из которых имела автономные каналы поступления информации через переписку. Любопытно, что кабинетская корреспонденция, актуальная для коллежской структуры, оказалась более закрытой. Каналы поступления информации о заокеанских землях расширялись и по социальному статусу информаторов. Так, если сбор сведений Беклемишевым был типичным видом службы, аналогичным для русских и европейских посланников XVII в., то появление неординарных проектов колонизации от европейцев до Полтавской победы было бы невозможно. Сочинения прожектеров говорят не о спорадических инициативах иностранцев, а о закономерной тенденции пристального интереса к России и поисков диалога через различные каналы информации.

Примечания

1. КАЗАКОВА Н.А. Статейные списки русских послов в Испанию. — Археографический ежегодник за 1984. М. 1986, с. 140—157.
2. Статейный список Потёмкина отмечал чрезвычайные усилия путешественников, а, следовательно, и пополнение новых знаний таким путем: «на кораблях морем великим океаном ходить в Ишпанскую землю к корабельному пристанищу к городу Кадису безмерно опасно, волнение страшное морское уму непостижимое против Исландских островов никогда без бед не приходят». См.: Тайный наказ стольнику Петру Потёмкину и дьяку Семёну Румянцеву. — Сын Отечества. 1851, № 6, с. 2—6.
3. АВРИЛЬ Ф. Путешествие по различным частям Европы и Азии. В кн.: АЛЕКСЕЕВ М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Т. 2. Иркутск. 1941, с. 463—464.
4. ПЕРРИ ДЖ. Состояние России при нынешнем Царе. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1871, кн. 2, отд. 4, с. 47.
5. «Ехать вам до Таболска и от Таболска взять провожатых ехать до Камчатки и далее куды вам указано. И описать тамошние места где сошлася ли Америка с Европой (слово зачеркнуто. — А.З.) Азией, что надлежит zelo тщательно сделать ... и все на карту исправно поставить (курс. — собственноручная вставка Петра I). А об отправлении нашем из Таболска и о даче подвод и провожатых и прочего, в чем будет нужда, Сибирской губернии к... управителям указ послан. 1719 января 2-го дня». Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 9, отд. 2, кн. 66, л. 40. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание Первое. Т. 5. СПб. 1830, № 3266. Постановка *Европы* вместо *Азии* — характерная описка царя, замеченная еще Н.Н. Пекарским.
6. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб. 1897, отд. 2, с. 33—34.
7. П.И. Беклемишев свои письма в Кабинет называл «реляциями».

8. Полагая назначение Беклемишева в Кадис только планами правительства, историк утверждал, что поездка агента не состоялась. См.: УЛЯНИЦКИЙ В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М. 1899, ч. I, с. 112.
9. КРЫЛОВА Т.К. Отношения России и Испании в первой четверти XVIII в. В кн.: Культура Испании. Сб. статей. М. 1940, с. 340—344. Благодарю Н.Г. Терехову за предоставленный сборник.
10. Первыми консулами в Кадисе царским указом в 1723 г. были назначены Алексей Вешняков и Яков Евреинов. В том же году консулом во французском Бордо назначили Ивана Алексева.
11. Царский указ о кадисской миссии мог быть составлен в промежутке между составлением инструкции в Гамбург и Любек и письмом Беклемишева с упоминанием указа ехать с поспешением в Кадис, то есть между 18 марта и 7 мая 1721 года. См.: УЛЯНИЦКИЙ В.А. Ук. соч., с. 662—663; РГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 54, л. 403, 405.
12. Карантин был установлен «ради морового поветрия во Франции».
13. Россия и Испания: документы и материалы 1667—1917. Т. I. М. 1991, с. 70.
14. РГАДА, ф. 9 (Кабинет Петра I), отд. 2, д. 54, л. 406.
15. Иначе вел себя французский регент герцог Орлеанский, который «беза всякого позволения от гишпанцов, заказав всем купцам французским отправлять на свой шет товары в Ындию и вооружа восим караблей на шот королевской и отправил с товарами в Ындию». Там же, л. 409.
16. Там же, л. 406.
17. Там же, л. 408.
18. Там же, л. 408—408об.
19. Там же, л. 407.
20. Там же, л. 409. На следующий день после «аудиенции» у «губернатора» Беклемишев составил эту последнюю реляцию от 17 октября 1721 года.
21. Этот совет фактически повторял «проект» барона Любераса об устройстве консульств в европейских городах 1718 года.
22. Фактически консульство в Кадисе открылось с приездом Евреинова в 1724 году. Эта мера содействовала прибытию российских торговых кораблей в 1725 году. После смерти Петра I надобность в консульстве быстро отпала, якобы по причине «безнадежной прибыли», и одновременно с французским консульством в Бордо оно было закрыто в 1727 году. Евреинов покинул Кадис летом 1726 года.
23. РГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 54, л. 407.
24. УЛЯНИЦКИЙ В.А. Ук. соч., с. 122—123.
25. Благодарю Е.В. Анисимова и В.А. Артамонова за указание на факт существования подлинного экземпляра проекта.
26. Почерк одной пометы похож на автографы писем русского посла в Лондоне кн. Б.И. Куракина. На обороте семистраничного документа две пометы. Первая: «Бек, которое предложение подал 1711 июня 21 дня в Лондоне. К доношению его величеству». Вторая написана почерком, характерным для первой трети XVIII в.: «Проект к чинимой торговли от купцов наших в Америке». См.: Из проекта английского купца Руперта Бека об учреждении в Западной Индии коммерции. В кн.: ЕФИМОВ А.В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах: XVII — первая половина XVIII в. М. 1950, с. 285—286. Издано около 5% текста документа.
27. Ответные действия Петра I документально не выявлены и, по всей видимости, не могли последовать на проект, пришедший в неблагоприятной ситуации Прутского похода 1711 г. и незавершенной Северной войны.
28. Grate Britain. Calendar of state papers. Colonial series, America and West Indies (1681—1685). L. 1898, p. 774.
29. Из проекта английского купца Руперта Бека..., с. 285—286.
30. Описания экзотических фруктов лаконичны, но могли быть достаточны для несведущих, например: «Дерево папайя, которое дает плоды размером с дыню, наиболее приятные в августе».
31. Подлинник проекта на нидерландском языке с аутентичным русским переводом назывался «Проект о завоевании его цесарскому величеству великоросиискому

зело великих и богатых земель с почтением за секрет предлагаемой». Документ хранился в личном архиве историка И.Е. Забелина, извлекавшего его из бумаг кабинет-секретаря А.В. Макарова. Перевод сделал бывший подопечный Макарова переводчик коллегии иностранных дел П. Ларионов, участвовавший в двух путешествиях царя по Голландии. История выявления и местонахождение проекта, его русский перевод см.: ЗАХАРОВ А.В. Проект покорения земель в Южной Америке при Петре I. — Вопросы истории. 2012, № 10, с. 48—56.

32. Были озвучены и ресурсы для покорения заморских земель: 12 тыс. солдат, 4 тыс. драгун (лошади имеются в Америке); 90 транспортных кораблей; 10 военных кораблей для конвоя транспортных кораблей; провиант на 9 месяцев (переход займет 3—4 месяца); амуниция и военный инструмент; 400 тыс. гульденов на расходы (на фортификацию, свежий провиант, награждения).
33. В настоящее время карта не выявлена.
34. ЗАХАРОВ А.В. Новый источник о проекте покорения земель в Южной Америке при Петре I. — Вестник Челябинского государственного университета. История. 2013, № 36, вып. 58, с. 121—123.
35. В обращении к императору сказано: «Бог, которой над персиянами вам триумфовать велел, даи вам овладеть иные многия богатые такие земли и народы овладеть». РГАДА, ф. 9, оп. 5, ед. хр. 1, ч. 9, л. 10.
36. Голландец Христофор Брандт (Christoffel Brandt, 1664—1732) пользовался большой благосклонностью монаршей семьи и во время второго путешествия Петра I в Голландию получил чин надворного советника. С 1717 г. был официальным резидентом в Амстердаме.
37. Голландский купец Йохан ван ден Бург (Johannes van den Burgh) в 1707 г. стал русским консулом в Амстердаме и вел активную переписку с Петром I, с 1720 г. он обращался к царю из Нидерландов напрямую.
38. Проектировщик воочию не был знаком с государственной машиной Петра, не представлял себе перспективы русской внешней политики после Северной войны. Авантюра была слишком очевидной. Видимо, поэтому царь не оставил на полях документа своих пометок, что, как правило, выражало его интерес.

Патриарх Никон и проблема церковного землевладения в России в XVII в.

В.С. Румянцева

В XVI—XVII вв. землевладение Русской церкви представляли вотчины, имения, поместья Патриаршего дома, митрополитов, архиепископов, епископов, монастырей, соборных церквей. Фундаментальной же основой являлись монастырские владения, заселенные крестьянами — села, деревни, промыслы (соляные, рыбные и др.), а также домовые (патриаршие), монастырские слободы и дворы в городах с пригородными сельскохозяйственными угодьями¹. С конца XVI в. правительственные указы стали ограничивать куплю-продажу церковных земель и передачу имений по завещанию; тем не менее, владения монастырей продолжали расти². Мотивы, побуждавшие увеличивать владения изучены еще недостаточно. Исследователей интересовала, главным образом, хозяйственная деятельность и богатства крупных монастырей, а также снижение в них духа подвижничества и аскетизма³.

В 70-е годы XIX в. известный историк С.М. Соловьёв обратил особое внимание на большие и богатые монастыри, основанные в Древней Руси, назвав их «богатырями духовными», «представителями нравственных сил народа»⁴. По его мнению, «никакие соображения и расчеты не могут остановить стремления (человека. — В.Р.) жертвовать всем материальным, самым дорогим на украшения того, что нравственно так дорого, так свято»⁵. Соловьёв отметил также защитную роль монастырей в начале XVII в.: «В Смутное время Троицкий монастырь дал самый сильный отпор врагам, при этом силы нравственные были соединены с материальными»⁶.

В середине XX в. исследователь российского монашества и монастырей И.К. Смолич писал: «На развитие монастырского хозяйства влияло множество факторов: религиозное и историческое значение монастыря, причем большую роль играло имя основателя, причисленного Церковью к лику святых или пользовавшегося большим почитанием у народа, местные условия, отношения с царской семьей; не меньшее значение имели хозяйственные способности и предприимчивость настоятелей и других лиц, облеченных властью в монастыре». Далее автор размышляет, почему монашествующие «... с непонятной для нас настойчивостью и упорством стремились ко все большему обо-

Румянцева Вера Степановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

гашению своей обители». И сам отвечает на этот вопрос: «Было бы неправильно видеть в этом (обогащении. — *В.Р.*) лишь отрицательные черты характера отдельных настоятелей или монахов. Тут мы обнаруживаем нечто характерное для религиозности той эпохи: убежденность в том, что роскошь в украшении монастырей и церковей угодна Богу..., в этой роскоши видели служение во славу основателя обители и всей Русской Церкви. Кроме того, не надо забывать, что многие монастыри занимались благотворительностью и в тяжелые времена, оказывали помощь государству и народу»⁷. Перечисленные факторы, конечно, имели значение и были связаны с древнерусской традицией.

По нашему мнению, необходимо учитывать не только собственно оборонно-защитную и благотворительную деятельность крупных монастырей, но и нравственно-этическую, их связь с государственной властью. Контроль над ними осуществлялся в приказе Большого дворца, главой которого был сам царь⁸. Это обеспечивало их относительную независимость от столичных и местных правительственных учреждений — многочисленных приказов, воеводского суда, Боярской думы и земских Соборов⁹. Такое положение накладывало на монастыри-крепости обязательства перед царем и всем обществом. Как известно, монахи первыми откликнулись на обращения верховной власти о помощи армии во время почти непрерывных военных действий в ту эпоху.

Троице-Сергиев монастырь во время жесточайшей Смуты в начале XVII в. служил не только крепостью, но и опорой освободительного движения. Когда в январе 1610 г. была снята его осада польско-литовскими отрядами, длившаяся почти 16 месяцев, авторитет обители в народе поднялся, несмотря на то, что монастырь был в большом разорении. Когда народное ополчение под предводительством князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина двигалось в 1611 г. из Нижнего Новгорода к Москве, чтобы освободить ее от интервентов, обосновавшихся в Кремле, Троице-Сергиев монастырь стал огромным лазаретом и приютом, спасавшим больных, раненых, бежавших из столицы, охваченной пожаром. Его знаменитый архимандрит Дионисий (Зобниновский) вместе с братией монастыря напутствовали воинов: «Бог и великий чудотворец Сергей да будут вам помощниками»¹⁰.

Соборное Уложение 1649 г. открыло новый период в жизни и деятельности монашества — борьбу теперь уже правительственных структур за секуляризацию церковных владений¹¹. «Светская власть, — по наблюдению историка Я.Е. Водарского, — предусмотрела в Соборном Уложении 1649 г. ряд мер, направленных на подчинение Церкви государству путем сокращения ее экономического могущества»¹². Из источников известно, что церковные вотчины по отношению к местной светской власти имели привилегии, «обладали судебным-податным иммунитетом, освобождавшим их население от суда воевод, уплаты некоторых налогов и несения ряда казенных повинностей»¹³. В городах церковные владения назывались белыми слободами, а их население — беломестцами. Привилегированное положение белых слобод вызывало недовольство посада, его тяглых черных людей (государевых крестьян)¹⁴. Наиболее активным противником церковного землевладения выступило дворянское сословие, поддержанное боярством, которое требовало для себя земельных пожалований¹⁵.

На основе нового правового кодекса был учрежден Монастырский приказ во главе с боярами и дьяками без участия церковнослужителей. Его деятельность развернулась в правление царя Алексея Михайловича (1645—1676) и патриаршество Никона (1652—1658). Приказ осуществлял во всех церковных владениях государственную политику по Уложению и, в первую очередь, финан-

совую, а также вершил судопроизводство над духовенством. Под его контролем оказалась вся церковно-управленческая сфера: он распоряжался определением и отрешением от должностей игуменов, настоятелей, архимандритов¹⁶. Секулярные действия боярского правительства начались с того, что «феодалные владения Церкви в городах в виде слобод, дворов с их населением и торгово-промышленных объектов подлежали приписке “на государя” в тягло, в посад»¹⁷.

Патриарх Никон, близкий к царю Алексею Михайловичу, выступил с обличениями Соборного Уложения как «беззаконной книги», чуждой православию¹⁸. Особенно резкой критике он подверг деятельность Монастырского приказа, который ослаблял авторитет Церкви в обществе и усиливал ее зависимость от светской власти¹⁹. Своими выступлениями он вызвал неприязнь бояр, укрепившихся благодаря объединению с дворянством. Молодой царь (ему было 20 лет) начал отдаляться от патриарха. Тогда Никон решился покинуть Патриаршую Кафедру и 10 июля 1658 г. ушел в подмосковный Воскресенский монастырь, именуемый Новым Иерусалимом, им же основанный как церковно-культурный центр. Свою идейную позицию Никон изложил в форме полемических рассуждений в объемной рукописи под названием «Возражение, или разорение смиреннаго Никона...»

В сочинении патриарх критически оценивал пенитенциарную систему суровых наказаний: стало невозможно священнослужителям обличать гордых и сильных властью, «дабы никто не смел тяжести ради Уложенныя никому о правде Слова Божия проповедати». Наиболее критически он высказался в отношении секулярных начинаний Монастырского приказа. По его мысли, эти владения не должны принадлежать светским властям, так как они воспользуются ими в собственных интересах и погубят живущих на них своей расточительностью.

По убеждению патриарха, церковные владения, приобретенные по завещанию «на помин души» необходимо сделать неприкосновенными, так как это «Божие наследие», полученное в результате дарений. Монастырские села и слободы с крестьянскими дворами патриарх называет «церковными имениями». Они должны управляться епископами в совете с пресвитерами, дьяконами, их нельзя ни продавать, ни дарить. Никон предложил свой путь церковных преобразований с учетом материальных нужд, духовных потребностей всего населения. Он уделил особое внимание тому, как необходимо распределять доходы (подати) с церковных имений. В первую очередь, по его мнению, стоит обеспечивать содержанием священнослужителей: от причетника, дьякона до патриарха. Вторая важная статья расходов от сборов податей — широкая благотворительность. С.В. Михайловский писал, что Никон «насаждал христианское благочестие путем благотворительности, частной и общественной ... старался развить и распространить эту высокую христианскую добродетель примером собственным ... и в этом отношении он является величайшим первосвятителем нашей Церкви»²⁰.

О третьей расходной статье доходов Церкви патриарх не решился даже объявить царю, хотя несомненно имел ее в виду. Это просвещение народа путем создания при епископиях, монастырях православно-культурных центров с библиотеками и училищами. Патриархом было собрано и куплено за границей для всех «хотящим учению внимати» свыше 1000 печатных книг и рукописей на древних и европейских языках. Тратились не только средства патриаршей домовою казны, но и его личные (келейные) деньги. Известно из источников, что Никон давал льготы крестьянам, выступал в их защиту. П.Ф. Николаевский в XIX в. писал: «Величие его имени поддерживалось не только величием его сана, но и величием дел, совершенных им в

Церкви и государстве, памятью о прежней близости его к государю; особенно же благодарною памятью обширной благотворительности его к бедным людям»²¹.

В России в середине XVII в. передовые люди уже осознавали необходимость преобразований не только в церковной, но и государственной, просветительской сферах, а также в области светских знаний. С энергией и решимостью патриарх взялся осуществить необходимые преобразования в интересах как духовенства, так и всего народа.

Никон воспринимал православие не как абстрактное догматическое знание, а, главным образом, как нравственное учение, способное преобразить все общество, а не только политическую систему власти, и обновить духовно человека-христианина. В Послании Царегородскому патриарху Дионисию от 8-го февраля 1666 г. Никон писал: «...ниже великим государем назовахомся собою, ниже в царские дѣла вступахом, токмо о Правде какой глаголахом или от бѣды кого избавихом. И сего ради мы архиереи бываем и точию сия вся Заповѣди имеем от Господа»²².

Примечания

1. См.: ГОРЧАКОВ М.И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988—1738). СПб. 1871; ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.-Л. 1947; ВОДАРСКИЙ Я.Е. Землевладение русской церкви (X — начало XX в.). Владения и крепостные крестьяне Русской церкви в конце XVII в. М. 1988, с. 130—142.
2. СОЛОВЬЁВА Т.Б. Городские владения Патриаршева дома и борьба за них с посадом в России XVII в. Русский город (Исследования и материалы). М. 1983, вып. 6, с. 53—74; ВОЛКОВ М.Я. Русская православная церковь в XVII в. В кн.: Русское православие: Вехи истории. М. 1989, с. 183 и след.
3. Церковь в истории России (IX—1917). Критические очерки. М. 1967; ВОДАРСКИЙ Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. Историческая география России. XII — начало XX в. Сб. статей к 70-летию Л.Г. Бескровного. М. 1975.
4. Там же, с. 131.
5. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн. VII. История России с древнейших времен. Т. 13. М. 1991, с. 49.
6. Там же, с. 50.
7. СМОЛИЧ И.К. Русское монашество. Возникновение, развитие и сущность. 988—1917. М. 1997, с. 130—131.
8. В 40—60-е гг. XVII в. действовало от 500 до 600 (число приблизительное) монастырей, а наиболее крупных и богатых, имевших свыше 1000 крестьянских дворов, было не более 20.
9. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. В кн.: Историческая география России: XII — начало XX в., с. 172.
10. УСПЕНСКИЙ Д. Страдалцы за Землю русскую: Патриарх Гермоген и архимандрит Дионисий в «Смутное время». СПб. 1999; ЗАБЕЛИН И. Минин и Пожарский. М. 1999; КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1988, с. 350—351.
11. Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л. 1987.

12. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Владения Церкви в городах России во второй половине XVII в. Комментарий. В кн.: Владения и крепостные крестьяне Русской церкви в конце XVII в. М. 1988, с. 103.
13. Там же, с. 103—104; МАНЬКОВ А.Г. Борьба посада с феодалами во второй половине XVII в. — Исторические записки. М. 1959, № 64, с. 323 и след.
14. Там же.
15. Соборное Уложение 1649 года, с. 242—247. (Гл. XVII).
16. ГОРЧАКОВ М.И. Ук. соч., с. 47; ГИББЕНЕТ Н.А. Историческое исследование дела патриарха Никона. Т. 1. СПб. 1882, с. 47; МАНЬКОВ А.Г. О Монастырском приказе. Соборное Уложение 1649 года, с. 242—246.
17. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Владения Церкви..., с. 103.
18. Патриарх Никон придерживался мнения: «Яко идѣже Церковь под миръскую власть снидеть несть Церковь, но домъ человеческий и вертепъ разбойникомъ». Этим он выражал протест против государственного законоположения, подчинившего Церковь светской власти.
19. Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества (ЗОРСА). Т. 2. СПб. 1861, с. 448.
20. МИХАЙЛОВСКИЙ С.В., протоиерей. Жизнь святейшего Никона, патриарха Всероссийского. М. 1878, с. 10, 54.
21. НИКОЛАЕВСКИЙ П.Ф., протоиерей. Жизнь патриарха Никона в ссылке и заточении после осуждения его на Московском соборе 1666 г.: историческое исследование по неизданным документам подлинного следственного дела патриарха Никона. СПб. 1886, с. 1—2.
22. ЗОРСА, с. 451.

А.Ю. КАПТИКОВ, Д.В. БОГДАНОВА. *Архитектура старых Нидерландов. Церкви. Замки. Городские укрепления. Площади. Торговые ряды. Беффруа. Ратуши. Здания гильдий. Дворцы. Дома.* Монография. Екатеринбург. TATLIN. 2013. 184 с., илл.

Тема рецензируемой книги уникальна для отечественной исторической науки и искусствоведения: это первое издание на русском языке, специально посвященное эволюции нидерландской архитектуры Средневековья и эпохи Возрождения. В советский период интересы российских ученых касались преимущественно политической и социально-экономической истории Нидерландов в период Реформации и борьбы за национальную и конфессиональную независимость (достаточно назвать труды А.Н. Чистозвонова). Блестящие результаты были достигнуты в изучении нидерландской живописи XV—XVI вв. (исследования Н.М. Гершензон-Чегодаевой, Р.Б. Климова, Н.Н. Никулина, К.С. Егоровой). Архитектура же оставалась вне поля зрения специалистов. До выхода в свет монографии А.Ю. Капτικού и Д.В. Богдановой единственными работами о нидерландском зодчестве эпохи Возрождения на русском языке оставались очень содержательный и концептуально насыщенный, но весьма краткий очерк Е.И. Ротенберга во «Всеобщей истории архитектуры» (Т. 5. 1967, с. 477—498), а также справочник «Искусство стран и народов мира» (1960-е гг.).

Подобное невнимание к старонидерландскому зодчеству обусловлено не столько нашей недооценкой его художественных достоинств, сколько специфическим характером самой архитектуры. Всегда обладавшая боль-

шой национальной самобытностью, по-своему трансформировавшая общеевропейские стилистические явления и сохранявшая глубокую преемственность в отношении Средневековья, Ренессанса и XVII столетия, она в силу этих особенностей находилась несколько в стороне от магистральных путей художественной эволюции от Средневековья к Новому времени и мало показательна для изучения смены стилей в европейском искусстве. В отличие от живописи, архитектура этой страны в XV—XVI вв. не пережила радикальной смены образно-пластического строя, продолжая развивать типы зданий, конструктивные приемы и декоративные принципы, сложившиеся в эпоху готики. Точно также в XVII в. со стилистикой классицизма и барокко органично сочетались отдельные черты готики и Ренессанса. Вместе с тем, средневековая и ренессансная архитектура Нидерландов является чрезвычайно показательным примером того, какими путями и с каким результатом общеевропейские тенденции приобретали национальную самобытность, будь то романский стиль, готика или начавшееся в XVI в. под непосредственным итальянским влиянием освоение классических форм.

Такова в наиболее общем виде проблематика, связанная с эволюцией нидерландского зодчества. Необходимо сразу отметить, что книга Капτικού и Богдановой носит ско-

рее обзорный, чем исследовательско-концептуальный характер, но в силу исключительности своей темы заслуживает самого пристального внимания и представляет интерес не только для историков архитектуры и искусствоведов, но и для широкой читательской аудитории.

В основе книги лежит проделанная авторами в 2010—2013 гг. значительная работа по натурному осмотру, описанию и фотофиксации памятников архитектуры Голландии и Бельгии. Неоспоримую ценность имеет представленный в издании иллюстративный материал. В целом монография демонстрирует взгляд на старонидерландское зодчество именно глазами архитектора, а не историка искусства, и наиболее сильной ее стороной являются описание и анализ конкретных зданий.

Основному содержанию работы предпосланы краткая справка об истории Нидерландов до их разделения на независимую Республику Соединенных провинций и оставшийся под властью Испании юг и очерк основных особенностей старонидерландской культуры. Далее весь материал сгруппирован в большие разделы, посвященные церковному и гражданскому зодчеству, при этом раздел о гражданских постройках разбит на главы, в которых рассматриваются основные типы зданий: замки и городские укрепления, торговые строения, ратуши, гильдейские и цеховые дома, жилая архитектура.

Каждая глава открывается сжатой характеристикой развития того или иного архитектурного типа, затем следует подробное описание и анализ наиболее значительных и типичных памятников. Такой подход позволил авторам наглядно представить устойчивые типологические, конструктивные и художественные особенности старонидерландского зодчества, порой сохранявшие свое значение на протяжении нескольких столетий.

Не вызывает возражений и выбор памятников для анализа. Особенности культовой архитектуры рассмотрены на примере соборов Богоматери в Антверпене и Св. Михаила и Гудулы в Брюсселе, Онзе Ливе Врау в Маастрихте и Старой церкви в Делфте. Тем самым, оказались охвачены различные региональные традиции, как на юге, так и на севере страны. Особое внимание авторы заслужено уделили

памятникам гражданской архитектуры, в которой нидерландские мастера достигли особенных успехов и где сложились наиболее яркие традиции, в лучших своих проявлениях оказавшие влияние на строительство общественных и жилых зданий в Германии, Дании, Прибалтике. В этом разделе наряду с такими хрестоматийными памятниками, как, например, суконные ряды в Ипре (печально известные также своей судьбой в годы первой мировой войны и восстановленные после разрушения) или ратуши в Брюгге и Антверпене, проанализировано несколько малоизвестных объектов, преимущественно гильдейских и жилых домов.

Как работа, обозначившая новое для нашей науки направление исследований, книга Капτικού и Богдановой заслуживает признания и высокой оценки. Также ее вполне можно рекомендовать в качестве дополнительного учебного пособия по курсу истории западноевропейской архитектуры. Однако она не свободна от существенных недостатков. Прежде всего, монографии не хватает тщательной научной редактуры, из-за чего встречаются ошибки почти анекдотического характера, вроде того, что Ян Вермеер работал при дворе германского императора Карла V (с. 24), бывшего, как известно, современником Тициана и Дюрера, а отнюдь не Вермеера. Желательно было бы дать в качестве иллюстраций планы, разрезы и аксонометрии если не всех, то хотя бы большинства анализируемых объектов, так как сопровождающие текст планы зданий большей частью заимствованы из «Всеобщей истории архитектуры». Кроме того, их немного и даже в сопоставлении со вполне качественными фотоснимками, выполненными авторами книги, этот материал не позволяет в полной мере представить объемно-пространственные композиции зданий.

Представляется не лишним высказать ряд замечаний, которые могли бы послужить дальнейшей разработке избранной авторами темы. Вызывает недоумение, что в монографии почти совсем не задействованы достижения голландской, бельгийской и вообще зарубежной науки, где серьезные труды о старонидерландской архитектуре появились еще в первой половине прошедшего столетия. При характеристике средневековой и ренессансной культуры Нидерландов почему-то не использованы

давно ставшие классикой исследования Й. Хейзинги, из которых на русском языке доступны теперь не только «Осень Средневековья», но и монография об Эразме, и очерк голландской культуры XVII века. Явной компилятивностью этого раздела можно было бы избежать, отметив наряду с общеизвестными чертами старонидерландской культуры связанные с ней дискуссионные вопросы. Некоторые места текста представляют почти точные цитаты из упомянутого выше очерка Е.И. Ротенберга (например, когда речь идет о работе в Нидерландах итальянцев В. да Болонья и А. да Паскуалини и далее на с. 26). С другой стороны, авторам, по-видимому, незнакомы монографии Ротенберга о романском (2007) и готическом (2001) стилях, без чего, думается, уже невозможно осмысление средневекового искусства на должном концептуальном уровне.

Нередко описательный подход преобладает над анализом. Можно было бы более четко показать отличия средневековой и ренессансной архитектуры (при всей их органичной преемственности, о чем справедливо пишут авторы книги), а также обозначить конкретные этапы эволюции нидерландского зодчества внутри этих больших эпох, что явилось бы важным вкладом в науку, поскольку периодизация истории нидерландской архитектуры до сих пор не разработана. Следовало бы сформулировать также региональные особенности архитектуры разных территорий стра-

ны, которая вопреки своим малым размерам породила различные локальные художественные явления.

Самостоятельным направлением дальнейшего исследования мог бы стать анализ той роли, какую средневековые и ренессансные традиции сыграли в развитии фламандского барокко и голландской архитектуры XVII века. На этом этапе архитектура севера и юга Нидерландов, как и изобразительное искусство, приобрела более явные, чем прежде, стилистические различия, но и там, и там продолжали развиваться традиции, заложенные в предшествующий период. В плане того, что готические элементы сохраняли свою жизнеспособность, соединяясь с новейшими приемами и формами, особенно показательны барочные храмы Южных Нидерландов периода расцвета фламандской школы и даже второй половины XVII в., как, например, церковь Св. Михаила в Лувене (1650—1666, арх. Г. Хесиус) или монастырская церковь в Авербодде (1664—1670).

Хотелось бы надеяться, что авторы продолжат изучение этой перспективной темы на основе собранного ими богатого фактического материала, и результатом их усилий станет целостная, исторически достоверная и точная в деталях концепция развития нидерландского зодчества от Средневековья к Новому времени.

С.С. АКИМОВ

Т.В. АЛЕНТЬЕВА, М.А. ФИЛИМОНОВА. *Реформаторы, нонконформисты, диссиденты в США от Войны за независимость до Гражданской войны.* Курск. Изд-во КГУ. 2012. 356 с.

Монография двух курских историков представляет собой интересную и важную попытку посмотреть на американскую историю «слева» через призму биографического жанра. В ней рассматриваются проблемы, связанные с развитием реформаторского и нонконформистского движения в США в чрезвычайно интересный период истории — между двумя революциями. Это серьезное исследование, основанное на солидной источниковой базе, о чем свидетельствует обширная библиография,

позволяет лучше представить очень важный, критический период в истории заокеанского государства, ранее недостаточно освещенный в исследованиях российских американистов. Не случайно американский историк Д. Бурстин полагал, что завершение формирования национальной социокультурной модели происходит в период между Американской революцией и Гражданской войной.

В обстоятельном предисловии к работе авторы подчеркивают, что в США «всегда были

люди, желающие улучшить существующее положение дел, несогласные с политикой правительства, осуждающие его курс, готовые выступить против него, даже с оружием в руках. Традиции реформаторства, нонконформизма, диссидентства имеют давние истоки в самой американской истории» (с. 3—4). Подтверждая эту мысль, Т.В. Алентьева и М.А. Филимонова отмечают, что, уже начиная с последней четверти XVIII столетия, в стране зарождались такие протестные движения, как аболиционизм, феминизм, секуляризация, гуманизация образования и др. Во введении характеризуются цивилизационные, социокультурные, политические, этнокультурные условия для возникновения нонконформистских настроений. По существу этот раздел работы представляет, хотя и сжатый, но достаточно емкий анализ развития страны с конца XVIII в. до 1860 года.

«...Истинным показателем цивилизации является не ценз, не величина городов, не количество урожаев — нет, не они, а род человека, который страна возвращает», — так утверждал американский философ XIX в. Ральф Уолдо Эмерсон. Книга Алентьевой и Филимоновой помогает понять, какими были лучшие представители американской нации, многие из которых жили в одно время с великим философом. Поразительно то, что об этих людях было очень хорошо известно русским читателям, жившим в XIX столетии. Их книги переводились на русский язык, о них писали русские журналы того времени. К сожалению, современные россияне очень слабо представляют американскую историю и мало знают ее лучших представителей. Даже имена Генри Торо и Ральфа Эмерсона мало что говорят, а ведь их произведениями восхищался Лев Толстой, взяв у них многое для собственной философской концепции.

Авторы не поддаются искушению представить читателю в очередной раз биографии хорошо известных политиков. Читателям предлагается знакомство с кругом новых лиц, которые, тем не менее, сыграли существенную роль в судьбах своей страны. Авторы дают портретные зарисовки своих героев, хотя и не концентрируют внимание только на их биографиях. В монографии более глубоко анализируются проблемы, которые были центральными для ранней Америки.

Первый раздел книги: «Молодая республика — “Новые горизонты”» посвящен таким личностям как Итэн Аллен, Хью Генри Брекенридж, Ной Уэбстер. Первый из них хорошо известен в американской истории как основатель штата Вермонт и один из крупнейших философов американского Просвещения. Поэт Дж. Г. Уиттьер посвятил ему свои стихи. И Аллена не случайно прозвали «Робин Гудом с зеленых холмов», поскольку он проводил довольно независимую от Континентального конгресса политику, направленную на поиски компромисса с британской Канадой. Следующий очерк характеризует деятельность другого яркого представителя американского Запада, писателя и журналиста Х.Г. Брекинриджа. И, наконец, довольно интересен очерк о реформаторе американского языка Н. Уэбстере. Собственно говоря, об этих трех политиках и общественных деятелях впервые так подробно сообщается российским читателям.

Второй раздел книги называется «Реформаторский импульс “Джексонской демократии”», и здесь также читателям впервые предлагается познакомиться не только с биографическими очерками, но и с общественно-политической деятельностью Джорджа Липпарда, Джорджа Генри Эванса и Хораса Манна. Об аболиционисте Ричарде Хилдрете Алентьева писала ранее в статье, опубликованной в «Американском ежегоднике» (М. 1995). Впервые в отечественной американистике внимание историка привлек очень популярный в свое время журналист и писатель Дж. Липпард, не случайно утверждавший, что «...генералы, принцы и церковники всегда обеспечены похвалами сочинителей истории. Но люди, которые работают ради реформы, не очень популярны в храме истории. И все же они делают свою работу» (с. 101). В поисках социальной справедливости он писал антибуржуазные по своей сущности, но весьма популярные у читателей романы: «Город квакеров», «Назорей, или Последний из Вашингтонов», «Имперский город, или Нью-Йорк, ночью и днем. Его аристократия и его доллары». Авторы характеризуют участие Липпарда в организации и деятельности Братского союза, Национальной ассоциации реформ и Американского союза ассоцианистов (фурьеристов). Журналист и общественный деятель

Эванс представлен в книге как «адвокат трудящихся». Действительно, авторы доказывают, что он не случайно вошел в американскую историю как «отец гомстед-акта», наиболее известного аграрного закона времен Гражданской войны Севера и Юга (1862 г.), возглавив протестное движение «Голосуйте за свою ферму!»

Довольно современное звучание приобретает очерк о Хорасе Манне, реформаторе образования из Новой Англии, который считал, как подчеркивают авторы, что «...другие реформы целебны, но реформа образования предпочтительна» (с. 145). Манна американские историки с полным основанием называют «отцом современной американской школы». Он был учителем, юристом, политическим деятелем, который самым существенным образом продвинул дело всеобщего, бесплатного, нерелигиозного обучения в общественных школах, боролся за отмену рабства и равные права для женщин и для негров. Он также выступал за движение трезвости и создание лечебниц для душевнобольных.

Третий раздел книги «Назревание неотвратимого конфликта» охватывает деятельность писателя и философа Генри Дэвида Торо, автора концепции ненасильственной революции, изложенной им в книге «О гражданском неповиновении». Здесь также речь идет о вкладе известного журналиста, основателя газеты «New York Daily Tribune» в фульеристское движение. Отдельный очерк посвящен Маргарет Фуллер, стоявшей у истоков феминистского движения. И хотя Алентьева уже писала об этих людях в своей монографии «США накануне гражданской войны: время и люди» (Курск. 2003), все же она и ее соавтор находят новые

границы для оценки вклада этих людей в различные реформаторские движения.

Несомненно интересен и даже необычен очерк о Фредерике Лоу Олмстеде, знаменитом ландшафтном архитекторе Америки, поскольку пока что природоохранительное движение в этой стране не привлекало внимания исследователей.

Разумеется, нельзя сказать, что книга получилась во всех отношениях удачной. Замысел авторов гораздо шире, чем это раскрывается в содержании монографии. Они преднамеренно не «навешивают ярлыки» на своих героев, предлагая читателям самим судить, кого бы они зачислили в разряд реформаторов, а кого — в нонконформистов или диссидентов. Но все же сама постановка проблемы не может не привлечь внимания. Можно также отметить как определенный недостаток книги, что авторы в ряде биографических очерков ограничивают деятельность своих героев какой-то одной общественно значимой проблемой, в то время как они, например Хорас Грилли, были активны и в других областях. Авторы воздержались от традиционного заключения и поместили вместо послесловия эссе Р.У. Эмерсона «Реформаторы Новой Англии», в чем есть свои плюсы и минусы.

Исследование Алентьевой и Филимоновой важно потому, что заставляет читателя о многом поразмышлять и о многом задуматься. Книга написана живым литературным языком, легко читается, снабжена необходимыми иллюстрациями. Несомненно, что отечественная американистика получила хорошее пополнение.

В.В. РОМАНОВ

Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй»).

М. ИДВ РАН. 2014. 1149 с., илл., табл.

Совсем недавно наша историческая наука получила в свое распоряжение важный источник по древнекитайской истории. Институт Дальнего Востока РАН издал русский перевод китайской классической «Чтимой книги» («Шан шу»). Определение «классическая» в отноше-

нии этой и нескольких других древнекитайских книг указывает на их принадлежность конфуцианскому канону. Поэтому отчасти «Чтимая книга» в европейских переводах лучше известна под более поздним названием «Шу цзин» — «Канон истории» или «Канон преданий».

Выход русского перевода книги «Шан шу» — «Шу цзин» ожидался давно. Еще в 1822 г. выдающийся российский китаевед Н.Я. Бичурин (о. Иакинф) вчерне выполнил перевод 46 из 58 глав этой книги. Затем, в 40-х — 50-х гг. XIX в., другой замечательный русский китаевед архимандрит Даниил (Д.П. Сивиллов) подготовил полный перевод «Шан шу», который, к сожалению, также не был издан. Русскому читателю эта книга до последнего времени была известна только частично — в переводах отдельных глав или их фрагментов.

Данное издание не только заполняет имевшиеся лакуны в освоении содержания «Чтимой книги» отечественной синологией, но и всесторонне знакомит читателя с этим письменным памятником и проблематикой его изучения. В огромный объем книги включены мастерски выполненные В.М. Майоровым перевод текста «Шан шу» и комментарии к нему. Кроме того, приведены китайские тексты этого источника, перевод и оригинал «Малого предисловия» («Шу сюй»), в котором кратко излагается предполагаемый первоначальный состав глав канонической «Шан шу». Книгу украшают более 250 традиционных ксилографических гравюр из иллюстрированного китайского издания «Шу цзин» 1905 года. Завершающее послесловие «Древнекитайская “Чтимая книга” (“Шан шу”», написанное Майоровым совместно с Л.В. Стеженской, по сути дела является первым в российском источниковедении монографическим исследованием этого письменного памятника и наиболее полным на данное время его представлением в зарубежной синологии.

В дошедшем до нас формате «Чтимая книга» состоит из четырех разделов: Юйских, Сяских, Шанских и Чжоуских писаний (шу), выделенных традиционной китайской историографией. В первый раздел входят главы о мифических первопредках китайцев, так называемых императорах (ди) Яо и Шуне. Считалось, что их правление представляло древнейшую додинастийную эпоху второй половины III тыс. до н.э. Сяские писания соотносятся с династией Ся (XXI—XVII вв. до н.э.), существование которой пока не подтверждено археологией. Шанские и Чжоуские писания относятся к правлению исторических династий Шан-Инь (XVI—XI вв. до н.э.) и Чжоу (XI—III вв. до н.э.).

Большинство глав указанных «писаний» представляют собой записи политических речей, диалогов и монологов правителей и их советников, иногда сопровождаемые немногословным описанием сопутствующих обстоятельств. Многие речи в «Чтимой книге» называются «повелениями» (мин), «обращениями» (гао), «клятвами» (ши) и «наставлениями» (сюнь). «Установления» (дянь) Яо и Шуня и «советы» (мо) их мифологических помощников описывают цивилизаторскую деятельность по устройству общегосударственного календаря, управленческого аппарата и государственной территории.

Открывающая «Сяские писания» глава «Дани по Юю» повествует о борьбе Великого Юя с потопом и образовании девяти административно-хозяйственных областей, вошедших в состав пяти административно-политических «поясов подчинения». В следующих трех главах представлены присяга Ци, сына и наследника Великого Юя, песни-порицания младших братьев сяского правителя Тай-кана (внука Великого Юя) и клятва вассала Иня перед карательным походом против «астрономов» Си и Хэ, которые «запутавшись» не могут разобраться в явлениях неба.

Шанские главы начинаются с клятвы и обращения Чэн Тана, предполагаемого основателя династии Шан-Инь. В них пращур династии оправдывает свое военное выступление против правившей тогда династии Ся «Небесным повелением» прекратить злодеяния последнего сяского правителя Цзе. Далее несколько глав повествуют о добродетели Чэн Тана и И Иня как главной причине победы шанцев, разъясняют правила, которым должен следовать глава шанского государства, чтобы сохранить династический престол. Три главы, названные в честь шанского правителя Пань-гэна (прибл. 1300-е гг. до н.э.), состоят из его уговоров сановников и простого народа переехать в новую столицу, расположенную на противоположном берегу Хуанхэ, чтобы не подвергать себя угрозе затопления. Предполагается, что именно после этого переезда по названию новой столицы правящую династию стали называть Инь.

Следующие четыре главы связаны с иньским правителем У-дином (XIII—XII вв. до н.э.), имя которого встречается в открытых архео-

логами самых ранних надписях на гадательных костях. У-дин призывает своего приближенного советника Фу Юэ «направлять» его в деле руководства страной, а Фу Юэ советует У-дину следовать путем прежних правителей-ванов и крепить свою добродетель. Другой советник, Цзу Цзи, наставлял У-дина совершать равные жертвоприношения всем своим предкам. «Шанские писания» завершаются речами, в которых говорится о полном моральном разложении последнего шанского правителя Ди Синя и неизбежном падении династии Шан-Инь.

В разделе «Чжоуские писания» содержится 32 главы, их содержание и набор персонажей отличаются наибольшим разнообразием и, по-видимому, лучше других глав отражают реальные исторические события периода западночжоуских правителей У-вана, Чэн-вана и Кан-вана (вторая половина XI в. до н.э.), а также Му-вана (ок. 977—922 до н.э.). Важное место в этих главах принадлежит выступлениям Чжоу-гуна Даня, который считается в конфуцианстве идеальным подданным и мудрым советником. В этом разделе наиболее подробно представлена идея смены династий, определявшаяся постепенным убыванием «добродетели» правящего дома и передачей Небом (тянь) «мандата» (мин) на правление наиболее достойному человеку. Речи чжоуских ванов связаны с победой над предыдущей династией Шан-Инь, послевоенным устройством государственного управления на завоеванных территориях, подавлением возникшего затем мятежа и основанием второй столицы Ло на востоке страны. Глава 38-15 «Обращение о вине» особо порицает пьянство покоренных иньцев и предупреждает о жестоким наказании за пагубное пристрастие к вину.

В этом же разделе имеются тематические главы, излагающие общеполитические и частные вопросы государственного управления. Нашему читателю должна быть хорошо известна архетипическая система у син — «пяти элементов» или «пяти стихий» (вода, огонь, дерево, металл, земля), которая в главе 32-11 «Великий образец» («Хун фань») дополняется «постоянными правилами» управления страной. Глава 47-23 «Учреждение старшинства» говорит об организации государственного аппарата, о том, как следует «поставить

над народом старшин и старейшин». Глава 48-0 «Чжоуские чины» разъясняет полномочия и обязанности, связанные с высшими государственными должностями. Глава 55-26 «Наказание по Люю» рассказывает (мифологическую) историю появления законов, определяет следственную и судебную практику, правила применения наказания и освобождения от него. Наказание, говорится здесь, должно быть справедливо и беспристрастно, должно быть во благо народу.

Восточночжоуский период представлен в гл. 56-27 «повелением» (мин), которое сопровождало одаривание Пин-ваном (ок. 770—720 до н.э.) Вэнь-хоу, правителя удельного царства Цзинь, «душистым сладким вином и церемониальной нефритовой ложкой для разливания вина» в благодарность за оказанную помощь в борьбе за престол. Последняя глава 58-28 также относится к этому периоду, но посвящена Му-гуну, правителю царства Цинь (659—621 гг. до н.э.), одному из «гегемонов», диктовавших свою волю восточночжоуским ванам. Другим исключением можно также считать главу 57-25 «Клятва в Би», в которой чжоуский правитель не упоминается, а говорится о Боцине (1042—997 до н.э.), удельном правителе царства Лу. Он отдает распоряжения по подготовке карательного похода против местных племен, угрожавших этому государству на востоке страны.

Таково вкратце событийное содержание «Чтимой книги». Надо отметить, что еще до канонизации во II в. до н.э. записи «Чтимой книги» ценились приверженцами учений Конфуция и Мо-цзы за содержащиеся в них моральные и политические принципы. В них проповедуется «вскармливание народа», определяющее «[должное] правление» и говорится об успехе, который «состоит... в том, чтобы покоить народ». «В народе средоточье положи. На долге службу станови, на ритуале — сердце», — говорится в наставлении одного из советников Чэн Тану — основателю династии Шан-Инь. Канонизированная «Чтимая книга» со временем обрела статус представления политической доктрины конфуцианства «пути двух императоров и трех ванов» (менявшееся со временем, но основанное на единых принципах политическое руководство императоров Яо и Шуня и основателей трех упо-

минавшихся династий — Великого Юя, Чэн Тана, а также Вэнь-вана и У-вана).

Главная источниковедческая проблема «Шан шу» состоит в текстологии этого памятника. Как отмечено в Послесловии, еще до начала нашей эры некоторые китайские ученые сомневались в том, что самые первые записи (теперь главы) были сделаны непосредственно во время произнесения речей древнейшими правителями. У современных исследователей, по их собственным словам, сходные проблемы: хотя в распоряжении у них имеется «огромный новый сравнительный археологический, эпиграфический и палеографический материал», «ни о каком окончательном решении проблемы “Шан шу” не может быть и речи. История существующего текста “Шан шу” остается одной из самых сложных и больших тем исторических исследований».

По-видимому поэтому синологи так скептически оценивают результаты исследований, основанных на подсчетах подлинных или мнимых цитат из «Шан шу» в других древнекитайских памятниках, а также на особенностях древнекитайского языка. В частности, синологи демонстрируют это на примере современной научной датировки отдельных глав «Шан шу».

Авторы Послесловия уделили большое внимание другой текстологической проблеме, характерной именно для «Шан шу». Это проблема версий текстов «современных» и «древних писем» «Чтимой книги». Упомянутые выше номера глав состоят из двух чисел. Такая нумерация была предложена в данном издании. Первое число в номере принадлежит традиции «древних писем», в которой все 58 глав признаются подлинными. Второе число, данное через дефис, — это номер той же самой главы по версии «современных писем». Некоторые тексты в ней не считаются подлинными, в номере главы их отсутствие обозначается цифрой 0 после дефиса.

В нашем историческом китаеведении вопрос «современного» и «древнего» учений в традиционном китайском каноноведении до сих пор освещался весьма упрощенно, а иногда и ошибочно, без учета исторически менявшегося содержания понятий. Поэтому здесь стоит остановиться на нем несколько подробнее, хотя, конечно, лишь в кратком

изложении результатов изысканий авторов Послесловия.

В конце правления династии Цинь (221—206 до н.э.) в ходе гонений на конфуцианцев у населения была изъята древняя «Шан шу» и некоторые другие конфуцианские книги. В первой половине II в. до н.э., уже при династии Хань (206 до н.э. — 220 н.э.), ее текст был восстановлен, но не полностью, а только в части 29 глав. При этом текст был записан так называемыми «современными письменами» (цзинь вэнь), которые получили распространение только при переходе к новой династии. Эта версия текста и была канонизирована в 135 г. до н.э. На ее основе сложились три комментаторские традиции, одна из которых была признана официальной (государственной). Позднее были предъявлены другие сохранившиеся в тайниках или частных собраниях версии текста «Шан шу», но написанные «древними письменами». Одна из них включала значительно больше глав. Предполагается, что текст этой расширенной версии потомок Конфуция по имени Кун Аньго на грани II и I вв. до н.э. воспроизвел «современными письменами» и, возможно, написал к ней комментарий. Эта версия хранилась в императорской библиотеке, но не была канонизирована и, по-видимому, оставалась неизвестной ханским ученым.

К концу правления династии Хань среди конфуцианцев приобрела популярность еще одна версия «Шан шу», которая поддерживалась при императорском дворе вновь образовавшейся комментаторской школой. По содержанию эта версия не отличалась от канонической версии, но была записана «древними письменами», отчего и получила свое название. По сути, это было воспроизведение «древними письменами» текста школы «современных писем». После падения династии Хань старые школы «современных писем» постепенно исчезли, а новая школа «древних писем» добилась официального статуса. Оставаясь практически единственной, эта школа и ее текст в раннесредневековых исторических источниках уже не назывались «древними».

В самом начале IV в. к императорскому двору династии Восточная Цзинь была доставлена другая, более обширная версия

«древних письмен» из 58 глав с комментарием, приписываемым ханьскому Кун Аньго. За исключением трех глав с аналогичными названиями, но отличным содержанием, она сохранила тексты всех остальных глав старой версии, а также дополнительные главы. Эта версия тоже получила официальный статус, так как считалась случайно сохранившимся текстом из ханьской императорской библиотеки. Официальный статус этой версии был подтвержден в середине VII в. при династии Тан (618—907 н.э.). Тогда же новый текст «Шан шу» был выбран для использования на государственных экзаменах, служивших отбору чиновников. Старая (ханьская) краткая версия «древних письмен» хотя и не лишилась официального статуса, но в экзаменационной системе не использовалась. Поэтому через некоторое время интерес к ней угас, а ее текст был утрачен. Новая пространная версия в VIII в. была переписана иероглифами стиля *кайшу*, который используется и в современном китайском языке. В IX в. текст этой версии был выбит на каменных стелах и в начале X в. стал использоваться для ксилографической печати «Шан шу» (до этого времени тексты были рукописными). Таким образом, его следует считать прототипом всех последующих печатных изданий этой книги.

В настоящее время 33 главы имеющейся версии «Шан шу» считаются главами «современных письмен». Предполагается, что они в несколько измененной разбивке текста по главам в целом представляют содержание изначальных 28 глав этой книги, канонизированных во II в. до н.э. Эта каноническая традиция, а теперь и современная историографическая школа считает остальные 25 глав, добавленные в текст «Шан шу» в IV в., поддельными. Сторонники версии «древних письмен» настаивают на подлинности всех 58 глав современного текста «Шан шу». Следует отметить, что уже при первом появлении подлинность добавленных глав вызывала сомнения. На севере Китая, находившемся в период раннего средневековья под властью иноплеменных династий, она не получила признания. Несколькими веками позже была доказана поддельность «комментария Кун Аньго», сопровождавшего вновь найденный текст «Шан шу».

В начале нынешнего века появились аутентичные аналоги двух современных глав «Шан

шу». Записанные на бамбуковых планках тексты, датируемые IV в. до н.э. и озаглавленные примерно так же, как современные две главы, оказались в одном случае вариантом, близким тексту одной главы «современных письмен», а в другом — вариантом, совершенно отличным от текста другой, добавленной главы, «древних письмен».

И. тем не менее, Майоров и Стеженская весьма осторожно высказываются по этому поводу, отмечая, что вывод о поддельности 25 глав «имеет под собой основание, но едва ли его можно назвать строгим и научным». Поводом для такой осторожности, является вопрос «каноничности» текста, который и в китайской, и в зарубежной историографии зачастую рассматривается только как древность памятника. Авторы же вполне справедливо различают эти понятия. Они указывают, что аргументы (древности текста), выдвигавшиеся в пользу канонизации новой версии в VII в., «по своей природе близки доводам, которые выдвигаются сейчас против “ложной версии псевдо-Кун Аньго”».

Содержание представляемой книги далеко не ограничивается вопросами китайской историографии, на которые прежде всего хотелось обратить внимание. Другие темы исследования и выводы авторов несомненно вызовут интерес историков, занимающихся вопросами, которые совсем не обязательно связаны только с Китаем. Послесловие, например, включает прекрасный очерк истории переводов «Шан шу» на европейские языки периода XVI—XX вв., в котором большое место занимают общие вопросы истории перевода. Исторический обзор комментаторской традиции «Шан шу», в первую очередь, конечно, сосредоточен на историко-философской тематике, но в конце этого раздела речь идет и об образительных комментариях — книжных иллюстрациях начала XX века. Такие подробные фактические пояснения к тексту перевода, кроме просто занимательного чтения, позволят читателю почувствовать описываемую эпоху, ощутить ее через детали и подробности древнекитайского быта, которым зачастую не находится места даже в самых хороших и самых серьезных книгах о Древнем Китае.

А.Е. ЛУКЬЯНОВ

Монография доктора исторических наук, профессора Брестского государственного технического университета Михаила Васильевича Стрельца посвящена исследованию сложной и во многом трагической судьбы еврейского национального меньшинства Германии. Автор провел комплексный анализ правового, религиозного, социального положения германского еврейства, его вклада в экономику, политику, науку, культуру Германии, начиная со Средневековья и завершая сегодняшним днем. Данная работа является первым в постсоветской историографии исследованием по данной проблематике. Она выполнена на широком круге источников, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот.

На начальном этапе проживания евреев на немецкой земле, как показано в работе, титульный этнос в целом мирно с ними сосуществовал. Евреи селились в общинах в соответствии со строгими религиозными предписаниями, а затем появились еврейские кварталы. Евреи занимались дальней торговлей, обменом денег, врачевали, продавали лекарства и таким образом зарабатывали средства на существование. Значительные преследования еврейского населения начались во времена крестовых походов и черной чумы XIV века. Крестоносцы занимались грабежами имущества евреев, считая, что те якобы препятствовали своими доходами их собственному обогащению. В период чумной эпидемии евреи были обвинены в отравлении колодцев. Тогда было уничтожено до 300 общин, что привело к значительному сокращению еврейского населения в Германии, его переселению в Италию и Польшу.

Важное место в первом разделе книги занимает анализ религиозных и культурных предпосылок появления в позднем Средневековье центра еврейской учености на территории Германии. Автор работы дает весьма подробный материал о поэте, раввине Эфраиме бен Исааке Регенсбургском (VII в.), который своим талантом затмевал немецких и французских современников. Его сохранившиеся 32 стихотворения относятся к лучшим произведениям немецкой поэтической школы Средневековья.

Во втором разделе монографии исследуются новые явления в правовом статусе еврейского меньшинства, его причастность к становлению и развитию социально-экономического базиса преиндустриальной и индустриальной цивилизаций. Автор указывает, что в раннее Новое время евреи в германских землях уже были признаны имперскими гражданами и получили равные с христианами права в суде, хотя судебная практика этому не всегда соответствовала. Выявляя и освещая особенности повседневной жизни, быта, обрядности, образования, Стрелец замечает, что евреи жили рассеянно, в небольших общинах, но постепенно политико-географическими единицами их расселения стали территории. Появился ландюденшафт, в чьи функции входила адаптация евреев к территориальным границам. Власти использовали эти вновь образовавшиеся объединения, прежде всего, для взимания налогов.

В годы общеевропейского конфликта, известного как 30-летняя война, евреи занимали нейтральную позицию, так как не принадлежали к ведущим войну религиозным конфессиям. Они использовали это время для развития собственной хозяйственной деятельности. Многим еврейским торговцам удалось получить прибыль и упрочить свое общественное положение. Важным шагом на пути эмансипации евреев стало восприятие немецким обществом идей Просвещения, что нашло отражение в германской конституции 1871 года.

Стрелец, касаясь положения евреев в период начавшегося промышленного переворота, приводит важные сведения о демографическом развитии еврейского этноса, переживавшего урбанизацию. Большинство евреев переселилось из деревень и малых городов в крупные — Берлин, Гамбург, Франкфурт-на-Майне, Бреслау. Однако в юго-западных землях еще преобладало сельское население. Новым моментом эпохи индустриализации стало появление еврейского высшего слоя в связи с его весьма успешным участием в работе общегерманских банков и бирж. Этому способствовали наполеоновские войны, инвестирование капиталов в строительство про-

мысленных предприятий и железных дорог. Возникли крупные банкирские дома, среди которых выделялся дом Соломона Оппенгейма в Кёльне своими многочисленными международными связями и вложениями капиталов в модернизацию рейнско-вестфальского промышленного региона (с. 33).

В период индустриализации, как сказано в работе, евреи являлись базовой группой германской буржуазии. Еврейские предприниматели смогли проявить себя в текстильной, пищевой, химической и электротехнической отраслях промышленного производства, хотя большинство населения еврейского происхождения было занято торговлей товарами и деньгами, несмотря на усилия властей вовлечь его в производственную сферу.

Несомненный интерес вызывает материал о роли восточноевропейского фактора в истории германских евреев. Проведя анализ положения евреев в Речи Посполитой, автор показывает влияние разделов Польши на положение еврейского этноса, выясняет причины и последствия миграций восточноевропейских евреев и в период кайзеровского рейха, и в годы первой мировой войны. Он обоснованно делает вывод о том, что восточноевропейская еврейская культура неотделима от немецко-еврейской. В вопросах религии и восточные, и германские евреи являлись ашкеназийскими евреями (с. 45). Правда, в бытовом плане многие евреи в Германии считали «некультурными» переселенцев с Востока. Однако уже в начале XX в. уставшие от цивилизации германские евреи стали пользоваться риторикой восточноевропейских евреев и прославлять хасидских «чудо-раввинов». В годы первой мировой войны они нередко позиционировали себя как освободителей восточноевропейского еврейства от российского господства.

Достоинством работы Стрельца являются портретные зарисовки выдающихся деятелей общественно-политических движений, науки, культуры, причем личность не тонет в исторических событиях или в анализе научных и культурных достижений. Среди тех, кто привлек внимание автора, — участники коммунистического и социалистического германского и международного движений, представители социал-демократической партии Германии, которая вела

борьбу против дискриминации евреев и антисемитизма. Научные биографии Карла Маркса, Фердинанда Лассалля, Розы Люксембург, Эдуарда Бернштейна представлены с большим тактом и уважением. Автор приводит много новых оценок и уточнений при характеристике идей лидеров социалистической мысли по тем или иным проблемам.

Весьма значимой для изучаемой темы является фигура Мозеса Гесса, который проявил себя и в социалистическом движении, и в истории сионизма. Его книга «Рим и Иерусалим» стала настольной книгой для приверженцев той идеологии, которая представляется как сионистская. М. Гесс высказал в ней идею, согласно которой первичной движущей силой истории является рассовая борьба, а вторичной — классовая. Кроме того, он предвидел создание самостоятельного еврейского государства (с. 68—69).

Интересен очерк о Курте Эйслере, провозгласившем в ноябре 1918 г. Баварскую республику и избранным Мюнхенским рабочим и солдатским советом ее первым премьер-министром. Он защищал власть советов как средство воспитания населения в демократическом духе, провел некоторые социальные изменения в пользу рабочих, стал первым германским евреем, обладавшим высшими властными полномочиями на германской земле. В январе 1919 г. он был убит монархистом.

Значительное место во втором разделе книги отведено деятелям культуры и науки. Музыкальное искусство представлено многими именами, но внимание акцентируется на творчестве Жака Оффенбаха, основоположника современной оперетты, и деятельности Феликса Мендельсона Бартольди, который наряду с Робертом Шуманом считается крупнейшим представителем музыкального романтизма.

Что касается деятелей литературы Германии, то автор приходит к выводу, что в этой области творчество евреев было наиболее плодотворным. Первую строчку среди поэтов занимает Генрих Гейне, вся деятельность которого «есть архив еврейского размышления о существовании в диаспоре, аналога которому до сих пор не было» (с. 98). Весьма значим Франц Кафка, основоположник модерна, надевшийся на еврейскую идентичность, которую он искал исключительно в восточноевропейском еврействе.

Говоря о научной элите кайзеровской Германии, автор монографии обратил внимание, прежде всего, на лауреатов Нобелевской премии в области естественных наук, а также выдающихся математиков. Нобелевскими лауреатами в области медицины стали Пауль Эрлих, химии — Адольф фон Байер, обогативший практику органического синтеза, Отто Валлах, Рихард Мартин Вильштеттер, Фриц Габер. Среди выдающихся математиков даны портреты Георга Кантора, известного создателя теории множеств, которая стала краеугольным камнем в математике, Германа Минковского, Адольфа Гурвица. Значительное место отведено портрету Леопольда Кронекера, происходившего из Силезии, избранного за выдающиеся достижения в математической науке иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Он уделял много внимания формированию собственной научной школы. Среди его учеников были не только соотечественники, но и граждане других государств, в том числе, крупный русский ученый Д.Ф. Селиванов.

Значительное место в книге занимает история евреев Германии в Новейшее время. Видимо, автор прав в том, что период Веймарской республики стал началом кризиса процесса еврейской эмансипации. Хотя Веймарская конституция отменила дискриминационные ограничения для евреев в управлении и официальной службе, но именно на евреев была возложена ответственность за экономический и политический кризис в стране (с. 115). Развитие еврейского меньшинства протекало между завершённой в конституционно-правовом смысле эмансипацией, растущим в обществе антисемитизмом и ответным повышением еврейского самосознания.

В годы Веймара 60% еврейского населения жило в городах, более одной трети — в Берлине. В социально-экономическом плане преобладали средние слои. В период мирового экономического кризиса еврейское население испытало все его тяготы. Многочисленные националистические организации в Германии, возникшие в послевоенное время, пытались возложить на него ответственность за Ноябрьскую революцию и проигранную войну.

Стоит отметить сделанный в книге анализ еврейского сегмента политической элиты Вей-

марской республики, который составлял всего 8,85%. Политики еврейского происхождения родились в Германии, специализировались в основном в области гуманитарных и юридических наук. В религиозном плане большинство из них или перешло из иудаизма в другое вероисповедание, или отказалось от конфессиональной принадлежности. Автор работы дает портретные характеристики евреям, входившим в кабинеты Веймарской республики. Убедительно подан образ Хуго Пройса, одного из авторов Веймарской конституции. По своим убеждениям он был либералом, членом Немецкой демократической партии, из представителей которой формировалось высшее правительственное звено Веймарской республики. Не обойден вниманием и Матиас Эрцбергер, представлявший в кабинетах партию центра. Выходец из небогатой еврейской семьи, не получивший высшего образования, он в 28 лет стал депутатом рейхстага, а позже — министром финансов Веймарской республики. Уделено внимание Вальтеру Ратену, министру иностранных дел, убитому монархистами за сближение с Советской Россией, а также другим политикам. Отмечено, что только в Веймарской республике евреи впервые вошли в общегерманские правительственные кабинеты.

В работе приводятся важные сведения о вкладе евреев в науку и культуру периода Веймарской республики. В первую очередь, это лауреаты Нобелевской премии в области физиологии, химии, физики. Центральное место в этом ряду по праву занимают физики высочайшего уровня — Альберт Эйнштейн, Макс Борн, Густав Герц. Автор уделил внимание выдающейся женщине-математику Амалии Эмми Нётер, защитившей в 24 года диссертацию в области теории инвариантов и ставшей создателем целого направления в абстрактной алгебре. Она читала лекции для студентов Московского университета в 1928—1929 годах.

Интерес представляет материал о той части ученых еврейского происхождения, корни которых находились на белорусской земле. Исая Шур родился в Могилеве, окончил Берлинский университет, в 26 лет пополнил докторский корпус по математике, являлся членом Прусской Академии наук, получил пре-

стижный статус иностранного члена-корреспондента АН СССР, вошел в историю математики как создатель теоремы «леммы Шура» в области теории конечных групп.

Раскрывая вклад творческой еврейской интеллигенции в литературу и искусство, автор отмечает, что в годы Веймарской республики проявилась тенденция к созданию литературы еврейских авторов о еврейских вещах и для еврейской публики (с. 149), что имело принципиальное значение в связи с ростом ксенофобии и антисемитизма в Германии. Курт Тухольский и Якоб Вассерман противопоставили образу ассимилированного еврея. Писатель Агнон, иностранный гражданин еврейского происхождения, проживший несколько лет в Германии, в своих произведениях представил широкую панораму жизни немецкого еврейства, какой она ему представилась во время пребывания в Германии.

Заслугой автора рецензируемой работы является анализ практически не изученных аспектов культуры в области гебраистики. В 1919 г. Ойгеном Тойблером была учреждена Академия еврейства. Она была первым учреждением в Германии, которое поставило на профессиональную основу изучение религии, истории, культуры еврейского народа. Ученые Мартин Бубер и Франц Розенцвейг осуществили перевод Библии на первоначальный гебретский вариант. Был учрежден еврейский учебный дом для образования взрослых, чтобы они имели возможность ознакомиться с классическими еврейскими текстами и традициями. Таким образом, считает автор, был заложен фундамент еврейского образования нового типа.

Как отмечено в работе, в Веймарской Германии евреи могли презентовать новые и креативные формы еврейской культуры в окружающей нееврейской среде. Благодаря основанию издательств и журналов, системы образования взрослых, активности молодежи, деятельности библиотек, школ, музеев, музыкальных объединений возникла новая, преимущественно секуляризованная, еврейская культура (с. 232—233).

Специальная глава работы посвящена изучению положения евреев в Третьем рейхе. В ней выявляются идейные истоки антисемитизма в политике германских нацистов. Вна-

чале нацистскими властями проводилось обособление, дискриминация, уничтожение экономических основ существования еврейского этноса в Германии, затем — полное его уничтожение. На документальном материале автор раскрывает понятие «Холокост» как на территории Германии, так и на оккупированных гитлеровцами землях в годы второй мировой войны. К 1943 г. Германия стала «свободной от евреев», последние еврейские общины были уничтожены. В Германии, по оценкам специалистов, осталось около 15 тыс. евреев из 504 310 чел., проживавших в стране в 1933 году. 12 тыс. евреев имели защиту в смешанных семьях, остальные выжили, потому что скрывались. Часть еврейского населения смогла эмигрировать в США, Палестину. Восточноевропейские евреи депортировались гитлеровскими властями в гетто Лодзи, Риги, Минска, где были уничтожены.

Значительное внимание Стрелец уделил анализу правового и социального положения еврейского населения в послевоенной Германии. Большинство из выживших не могли представить для себя будущего в стране преступников. Однако еврейские общины существовали в Германии, хотя в разных объемах и как результат новой эмиграции. Первое поколение евреев в ФРГ рассматривало себя как общность, пережившую катастрофу. Власти страны делали многое для поддержки еврейских общин. Был создан Центральный совет евреев, стала издаваться еврейская еженедельная газета. В Гейдельберге была основана высшая школа иудейских исследований. Осуществлена материальная компенсация потомкам жертв Холокоста. В ГДР, как пишет автор, еврейские общины рассматривались как чисто религиозные объединения — коммунистам нельзя было в них вступать.

Для коммунистов еврейское происхождение не играло никакой роли и не делалось темой для публичных заявлений (с. 237). Среди старых немецких коммунистов было немало еврейских реиммигрантов. Многие из них заняли высокие правительственные посты — Герман Аксен, Альберт Норден, Александр Абуш, Маркс Вольф, Герхард Айслер.

Касаясь положения евреев в объединенной Германии, автор отмечает, что в последние 15 лет в Германию прибыло свыше 200 тыс.

евреев, три четверти которых составляют мигранты из стран СНГ, в основном из России и Украины. Их не пугает нацистское прошлое Германии, а привлекает экономическая и политическая стабильность страны (с. 238). Эти новые эмигранты из бывшего Советского Союза обладают в целом высоким образовательным уровнем. Раньше они работали инженерами, учителями, врачами, экономистами или музыкантами. Прибыв в Германию, они получили финансовую поддержку и 6-месячные языковые курсы. Однако многие из них по разным причинам так и не смогли вернуться к своим прежним профессиям, пополнив корпус безработных или занятых частично оплачиваемым трудом, многие живут на социальные пособия.

В сегодняшней Германии существует Центральный совет евреев с резиденцией в Берлине. В 2003 г. был подписан договор между ФРГ и Центральным советом, в котором любой из еврейских общин как корпорациям публичного права гарантирована поддержка в социальной и культурной областях, интеграции иммигрантов, в религиозной жизни. В объединенной Германии сооружено несколько памятных мест. Летом 1999 г. был открыт памятник жертвам Холокоста в Берлине.

В работе Стрельца отражены и германо-израильские отношения, которые в своем развитии прошли большой и сложный путь. Ведущие политики Израиля считают сегодняшнюю Германию своим вторым по важности после США партнером.

Объемно и многогранно в рецензируемом исследовании представлены портреты лидеров послевоенной Германии. Центральное место здесь, пожалуй, занимает анализ деятельности федерального канцлера ФРГ, социал-демократа Гельмута Шмидта по многим позициям как внутренней, так и внешней политики. Большое внимание уделено отношению этого политика к размещению на территории ФРГ ядерных ракет. Не обойдены вниманием и другие яркие личности германской политической элиты еврейского происхождения. Это Эрнст Бенда, выдающийся юрист, яркий политик, основатель германо-израильского общества; Эгон Бар, журналист, поли-

тик, вместе с Вилли Брандтом развивавший идею «восточной политики» ФРГ. Интересен материал о Петере Бенише, публицисте, руководителе пресс-службы кабинета Г. Шмидта, постпреде ФРГ в ГДР. В правящую элиту Боннской республики входил и Герберт Вейхман, член СДПГ, вернувшийся после второй мировой войны из эмиграции и ставший бургомистром Гамбурга. Он избирался председателем верхней палаты парламента ФРГ.

Политикам ГДР также нашлось место в работе Стрельца. Особенно объемен портрет Маркуса Вольфа, возглавлявшего внешнюю разведку страны. Сын известного антифашиста, писателя Фридриха Вольфа, он посвятил свою жизнь борьбе против войны, превратившись в человека-легенду. Привлекает внимание материал о Грегори Гизи, члене СЕПГ, после объединения Германии основавшего Партию демократического социализма (ПДС), показана его парламентская деятельность в Бундестаге. Много сделал для развития здравоохранения в ГДР и сын Клары Цеткин и русского революционера, этнического еврея Осипа Цеткина Максим Цеткин, о котором имеется материал в данной книге.

Автором не обойдены вниманием и деятели политической элиты современной Германии – Михаэль Науман, Оле фон Бойст, Петер Фельдман, Даниэль Марк Кон-Бендит. Коротко, но содержательно подан материал о роли евреев в культуре послевоенной Германии.

Книга Стрельца представляет собой панорамное видение истории евреев Германии на огромном временном срезе, в ней убедительно расставлены акценты. Материал преподносится в современном понятийно-терминологическом оформлении, что делает его актуальным в контексте языка XXI столетия. Биографические очерки снабжены фотоматериалами. Автором проделана огромная работа, которая под силу только целому коллективу. Книга, без сомнения, найдет своего читателя среди научных работников, студентов, всех, интересующихся историей еврейского народа и Германии в целом.

О.Г. РАДЬКОВА

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Странные претензии

Статья Д.Ю. Бовыкина «Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России (Французский ежегодник. 2014. М. 2014)», безусловно интересная, вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, автор подметил несколько очевидных ошибок, попавших на страницы школьных учебников, за что его можно только поблагодарить. С другой, — манера, в которой проведен анализ, далеко не во всем соответствует нормам профессиональной, да и чисто человеческой этики. Подметив несколько ошибок в учебнике, написанном автором этих строк в соавторстве с Т.П. Андреевской, наш уважаемый критик не потрудился разобраться, кто именно их допустил, бросив тень на признанного специалиста в области методики преподавания истории. Ответственность за указанные им недостатки лежит исключительно на мне как на авторе основного текста учебника. Татьяна Павловна, в свою очередь, подготовила методический аппарат, что при желании было нетрудно установить. Сами по себе утверждения типа: «В.В. Носков и Т.П. Андреевская пишут ...» вызывают недоумение. Неужели Бовыкин думает, что соавторы работают в четыре руки, сидят за одним компьютером?

Большие сомнения вызывает также склонность рецензента к групповому цитированию, когда он выдергивает цитату из одного конкретного учебника, но в ссылке на нее указывает еще несколько других, возводя таким

образом напраслину на их авторов и вводя в заблуждение читателя. При этом рецензент не брезгует и элементарной подменой понятий, заменяя, например, упоминаемый мною «класс предпринимателей в целом» более удобными для него «предпринимателями-капиталистами» (с. 343). Понятие «капиталист» используется мною совершенно в другом контексте и вне связи с генезисом понятия «буржуазия». Попутно наш рецензент требует от авторов школьных учебников разъяснить ему, «где и когда именно проходит граница, за которой бургер превращается в капиталиста». Было бы лучше, если бы Бовыкин указал здесь источник, где содержится тот ясный и определенный ответ на этот вопрос. Если тайна сия введена ему самому, почему он не поделится ею со своими коллегами? На указанной здесь же странице нашего учебника отсутствует приписываемое нам утверждение, что во Французской революции победила «именно буржуазия». В связи с этим хотелось бы посоветовать рецензенту читать учебники полностью, а не выдергивать из них цитаты, весьма приблизительно соответствующие его критическому замыслу. Моя позиция относительно буржуазного характера революций раннего Нового времени абсолютно четко выражена в соответствующих параграфах, посвященных революциям, начиная с Нидерландской и заканчивая Американской. Определение «буржуазная», с необходимыми оговорками, употреб-

ляется только в связи с первой из них и во введении к разделу по истории XVIII века. Но оно не используется в параграфах, посвященных всем остальным революциям, включая Французскую.

В чем суть претензий рецензента по поводу «феодалных отношений» — вообще непонятно, при этом, приводя их определение из другого учебника (какого — тоже неясно, с. 344), он снова подверстывает в сноске наш учебник, в котором ничего подобного не говорится. На следующей странице рецензент демонстрирует, что он явно не в ладах с элементарной логикой. В его утверждении, подкрепленном ссылкой на наш учебник, говорится, что в нем «подчеркнуто именно всевластие монарха», хотя в приведенной следом цитате нет подтверждения этому обвинению. Власть короля называется там «почти абсолютной», причем в тексте поясняется, в чем заключалось это «почти». Обратим внимание, что «почти» — это далеко не «всевластие». Об «абсолютной монархии» говорится не от имени автора учебника, а с использованием безличного глагола «называют». Понятие «абсолютизм» вообще не используется на страницах нашего учебника, даже при характеристике правления Филиппа II в Испании. Кроме того, приведенный пример относится к эпохе Людовика XIV, поэтому остается непонятным, зачем рецензент использовал его, рассуждая о Французской революции.

На с. 346 рецензент сетует, что ему «очень сложно понять», какие причины Французской революции «действительно важны, а какие лишь дополняют общую картину». Частичное объяснение этому можно, очевидно, найти в том обстоятельстве, что ему не до конца ясен смысл самого понятия «причины», ибо они определяют ход исторических событий, а не «дополняют картину». Приводимая здесь же сноска снова оказывается не в тему, поскольку отсылает читателя к разделу «Франция накануне революции», в котором характеризуется обстановка в стране накануне великих потрясений, но об их причинах речь не ведется. Что касается численности депутатов Учредительного собрания 1789 г. (с. 349—350), то дело не в точных цифрах, а в их порядке. Приводимые авторами учебников цифры, действительно заимствованные из обобщающих работ по

истории Французской революции, дают общее представление о численном составе Собрания, и запоминать их и в самом деле незачем.

Рецензент указывает на неточность, допущенную в нашем учебнике по поводу «Марсельезы», снова некорректно интерпретируя цитату (с. 350—351). Он привязывает мое (а не наше с Андреевской) высказывание к июлю 1792 г., хотя в действительности в тексте говорится о событиях, происходивших после объявления войны Австрии с апреля по июль («В ходе этих событий ...»). Песня действительно была написана в апреле 1792 г., но Руже де Лиль сочинил вовсе не «Марсельезу», а боевой марш Рейнской армии, который получил свое всемирно известное название уже после того, как марсельцы принесли его в Париж. Упомянув на с. 351 о Якобинском клубе, рецензент утверждает: «У В.В. Носкова и Т.П. Андреевской ни состав клуба, ни его политическая ориентация не проясняются». В данном случае он предусмотрительно избегает отсылки к учебнику, но если обратиться к его тексту, можно убедиться, что и это утверждение не совсем соответствует действительности.

Другой вопрос, что эти, как и многие другие вопросы, освещаются не так подробно, как хотелось бы, но такого рода претензии рецензент предъявляет не по адресу. Взглянув обсуждать школьные учебники, он в каждой строке своего сочинения демонстрирует полное непонимание жанра и незнание технологии их написания. Обвинять авторов учебников в том, что они не все рассказали о каком-то событии, совершенно бессмысленно, поскольку они по рукам и ногам связаны объемом учебника, его структурой и подробно расписанным стандартом школьного исторического образования, а также требованиями издательских редакторов, методистов и учителей писать как можно проще и короче, не вдаваясь в подробности. Каждый же критик требует, чтобы для него подробно расписали именно то, что интересно лично ему, не считаясь ни с общим замыслом учебника, ни с другими вполне реальными ограничителями. Не совсем честно также обвинять авторов в использовании эпитета «Великая» при характеристике Французской революции, поскольку они были вынуждены руководствоваться образовательными стандартами, действовавшими на момент на-

писания учебников. Как только Французская революция утратила свое «величие» в директивных документах, архаичная формулировка стала исчезать и из школьных учебников. Она отсутствует, в частности, и в рукописи нового издания нашего учебника. Критикуя издавна утвердившееся в отечественной историографии название революции, наш рецензент проявляет непоследовательность, продолжая использовать для ее обозначения марксистскую формулировку «Французская революция XVIII в.». Зарубежная историография никогда не использовала указание на век для маркировки революции, называя ее просто Французской (*Revolution française, French Revolution*). Поэтому совет опираться на «отечественную и зарубежную историографию» наш рецензент должен адресовать, в первую очередь, самому себе. Дело в том, что Французская революция была единственной и неповторимой в истории. Революции, происходившие во Франции на протяжении XIX в., имели свои индивидуальные названия, поэтому перепутать их невозможно.

Смысл некоторых претензий рецензента остается неясным, поскольку, он не поясняет, что именно его не устраивает и как нужно трактовать те или иные вопросы. На с. 354 рецензент утверждает, что Носков и Андреевская лично переименовали картину «Осада Лиона» в «Разрушение Лиона», забывая, что иллюстрации подбирают отнюдь не авторы текста. Не таким простым, как представляется рецензенту, оказывается и вопрос о Конституции 1795 года (с. 355). Всеобщего избирательного права в современном смысле слова во Франции тогда действительно не существовало. Но предыдущая Конституция 1793 г. провозгласила его в понятиях своего времени: как всеобщее избирательное право для мужчин, начиная с 21 года. Именно поэтому творцам термидорианской конституции пришлось вводить некоторые цензовые ограничения для избирателей. Что касается нуворишей, то в учебнике дается не прямая цитата из соответствующей статьи конституции, в которой это обиходное понятие не могло употребляться, а излагается ее смысл. Сама же статья гласила: «Французский народ равным образом

провозглашает как гарантию общественного доверия, что после легального отчуждения национальных имуществ, каково бы ни было их происхождение, законный покупатель не может быть лишен этого имущества».

Очень забавно, что из всех авторов школьных учебников высокого звания «профессиональных историков» наш рецензент удостоивает только двоих — своих действительно авторитетных московских коллег О.В. Дмитриеву и А.В. Ревякина. Интересно, какими критериями руководствовался при этом доцент Бовыкин? И достаточно ли хорошо он знает современную историографию, чтобы брать на себя роль верховного арбитра и ранжировать своих коллег по степени профессионализма? Может быть, не только авторам учебников, но и их критику необходимо вспомнить, что «ведь есть статьи, монографии». Криком души звучит призыв рецензента использовать при написании школьных учебников «вузовские учебники, наконец». В связи с этим возникает другой вопрос: а достаточно ли хорошо он знаком с содержанием современных вузовских учебников, и какие именно из них он предлагает взять за образец? К сожалению, вузовские учебники отличаются от школьных только объемом, но не точностью содержания. В заключение хотелось бы пожелать нашему рецензенту вдохновлять авторов учебников не только критикой, но и личным примером, и собственными трудами показать, как можно избежать всех отмеченных им недостатков.

Подводя итоги, можно заключить, что невнимательное прочтение учебников, некорректное цитирование, недобросовестная интерпретация их содержания, недостаточная компетентность рецензента в отдельных вопросах и маловразумительная формулировка им собственной позиции привели к тому, что благой замысел воплотился в жизнь не самым удачным образом. А за указания на имеющиеся ошибки — большое спасибо.

*Владимир Витальевич Носков,
доктор исторических наук, профессор,
зав. отделом всеобщей истории
С.-Петербургского Института истории РАН*

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода, Р.Г. Ланда,
Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 11, 2015

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.10.2015. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1600. Заказ 2679-2015. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2016 г., т. 1.**

**Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

**Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**